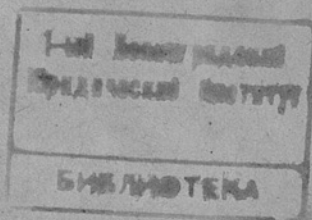

Проф. М. М. ИСАЕВ

ВОПРОСЫ
УГОЛОВНОГО ПРАВА
И УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА
В СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ
ВЕРХОВНОГО СУДА СССР

Утверждено Всесоюзным юридическим заочным
институтом как методическое пособие
для студентов-заочников

СНБГ

О ПОРЯДКЕ РАССМОТРЕНИЯ ДЕЛ В ВЕРХОВНОМ СУДЕ СССР

1

В своем постановлении от 5 октября 1946 г. ЦК ВКП(б) указал на отсутствие научного обобщения судебной практики, как на серьезный недостаток советской теории. Практика работы членом Верховного Суда СССР с марта 1946 г. показала воочию автору настоящего сборника, какое огромное значение имеет для советского теоретика непосредственное общение с судебной практикой, как на отдельных делах раскрывается смысл той или иной уголовно-правовой или уголовно-процессуальной нормы, как много ставит практика вопросов перед теорией уголовного права.

Некоторым обобщением судейского опыта является сборник, составленный автором настоящей работы совместно с членом Верховного Суда СССР проф. А. А. Пионтовским, посвященный практике Верховного Суда СССР.¹

Со времени выхода в свет первого сборника накопился достаточный материал и для второго сборника. Ввиду обилия материала и предоставления возможности каждому из авторов первого сборника вложить свою индивидуальность как в подбор материала, так и в методы его освещения, решено дальнейшие сборники составлять отдельно каждому из авторов первого сборника.

Опубликовываемые нами дела, прошедшие через Верховный Суд СССР, снабжены «комментариями», которые помогут глубже усвоить отдельные положения, отраженные в постановлениях Пленума Верховного Суда СССР, в определениях его коллегий и в актах Председателя Верховного Суда СССР. Настоящему сборнику мы предпосылаем краткий

¹ М. М. Исаев и А. А. Пионтовский, Вопросы уголовного права, военно-уголовного права и уголовного процесса в судебной практике Верховного Суда СССР, Изд. Военно-юридической академии и Всесоюзного института юридических наук, 1947, стр. 119.

очерк, в котором нам хотелось бы осветить механизм работы Верховного Суда СССР, регулируемый нормами закона и правилами, сложившимися на основании этих норм в процессе работы. Насколько нам известно, до сих пор ни в учебниках, ни в журнальных статьях действующий механизм работы Верховного Суда СССР не был описан. Помещая такого рода очерк в настоящем сборнике, мы в ряде случаев опираемся на дела, приводимые в сборнике.

2

Конституционный статус Верховного Суда СССР закреплен в союзной Конституции 1936 г., в главе IX, — посвященной суду и прокуратуре. «Верховный Суд СССР, — гласит ст. 104 Конституции, — является высшим судебным органом. На Верховный Суд СССР возлагается надзор за судебной деятельностью всех судебных органов СССР и союзных республик» (разрядка наша). Закон о судостроительстве 1948 г. в ст. 63 воспроизводит положения ст. 104 Конституции.

Таким образом, компетенция Верховного Суда СССР распространяется на всю территорию СССР, на все суды Союза и на все дела, разбирающиеся в этих судах.

Как и все советские суды, Верховный Суд СССР является выборным судом. Согласно ст. 105 Конституции, Верховный Суд СССР избирается Верховным Советом СССР на пять лет. Избирался он в 1938 и в 1946 гг. на совместном заседании обеих палат Верховного Совета СССР: Совета Союза и Совета Национальностей. Великая Отечественная война задержала перевыборы в Верховный Совет, и, таким образом, Верховный Суд СССР первого своего состава функционировал до марта 1946 г.

Конституция говорит, что Верховным Советом СССР «избирается Верховный Суд СССР». Практика установила избрание Верховным Советом вначале Председателя Верховного Суда СССР, а затем всех остальных членов Верховного Суда СССР.

Выборы Председателя Верховного Суда СССР отдельным голосованием, несомненно, подчеркивают особое его положение среди всех членов Верховного Суда СССР. Голосование при выборах как Председателя Верховного Суда, так и членов суда, является открытым.

Закон о судостроительстве говорит о Председателе Верховного Суда СССР, его заместителях и членах (ст. 65). Число заместителей и число членов не указывается в законе. В 1946 г. было выбрано 68 членов Верховного Суда СССР.

Одновременно Верховный Совет СССР выбирает и народных заседателей для участия в рассмотрении Верховным Судом СССР дел в качестве суда первой инстанции. В 1946 г. было избрано 25 народных заседателей.

По установившемуся порядку обязанности трех заместителей Председателя Верховного Суда, обязанности председателей отдельных коллегий распределяются Председателем Верховного Суда СССР между членами Суда на все время, на которое выбран данный состав Верховного Суда СССР. Члены Суда хотя и распределяются Председателем Верховного Суда по отдельным коллегиям, но имеют право участвовать в заседаниях и других коллегий. Но по общему правилу работа членов Верховного Суда протекает в той коллегии, в состав которой он включен.

3

Анализируя работу Верховного Суда СССР, мы должны отдельно остановиться на функциях Председателя, коллегий и Пленума Верховного Суда СССР.

О порядке избрания Председателя Верховного Суда СССР мы уже говорили выше. Здесь отметим, что согласно ст. 74 Закона о судостроительстве Председатель Верховного Суда СССР может принять на себя председательствование по любому делу, находящемуся на рассмотрении коллегий Верховного Суда СССР. Он является постоянным председательствующим в Пленуме Верховного Суда СССР.

В ряде случаев, как будет указано ниже, коллегии Верховного Суда СССР функционируют и в качестве суда первой инстанции и в качестве кассационной инстанции. Согласно Закону о судостроительстве, надзор за судебной деятельностью всех судебных органов СССР и союзных республик Верховный Суд СССР осуществляет путем рассмотрения протестов Председателя Верховного Суда СССР или Генерального Прокурора СССР на приговоры, решения и определения судов, вошедшие в законную силу (ст. 64, п. «а»).

В то время как коллегии Верховного Суда СССР рассматривают дела в качестве суда первой инстанции или кассационной инстанции независимо от инициативы Председателя Верховного Суда СССР в смысле принятия дела к своему производству, в качестве надзорных инстанций коллегии Верховного Суда СССР могут действовать лишь в случаях принесения соответствующего протеста Председателем Верховного Суда СССР или Генеральным Прокурором СССР. Пленум Верховного Суда СССР рассматривает дела лишь в порядке надзора и точно так же только по протесту Председа-

теля Верховного Суда СССР или Генерального Прокурора СССР.

Именно в надзорной практике проявляется особое положение, занимаемое Председателем Верховного Суда СССР в советской судебной системе. Согласно Закону о судостроительстве Председатель Верховного Суда СССР имеет право истребовать любое дело из любого суда СССР или союзных республик и внести свой протест в установленном законом порядке (ст. 74 ч. 2). Эти протесты приносятся, как это установлено в ст. 16 Закона о судопроизводстве, на приговоры, решения и определения, вошедшие в законную силу. В этом заключается и одно из отличий надзорного порядка по действующему праву от производства в порядке надзора до Закона о судостроительстве. Тогда лица, уполномоченные на затребование дела в порядке надзора, имели право затребовать дело в любой стадии процесса (ст. 440 УПК РСФСР, ст. 254 ГПК РСФСР).

Стороны имеют право на то, чтобы их дело было рассмотрено в двух инстанциях (по существу и в кассационном порядке) за исключением случаев, указанных в законе. Ст. 15 Закона о судостроительстве указывает, что приговоры, решения и определения всех судов, кроме Верховного Суда СССР и верховных судов союзных республик, могут быть в установленном законом порядке обжалованы осужденными, их защитниками, истцами, ответчиками и представителями их интересов или опротестованы прокурором в вышестоящий суд (ст. 15 ч. 1).¹

В отличие от пересмотра дел в кассационном порядке, пересмотр дела в надзорном порядке должен являться исключительным порядком. Лица и органы, о которых говорит ст. 15 ч. 1, и не имеют права на пересмотр дела в надзорном порядке, в отличие от права их на пересмотр дела в кассационном порядке. Отсюда дискреционное право Председателя Верховного Суда СССР или Генерального Прокурора СССР принести или не принести протест по конкретному делу.

Сроков для принесения протеста закон не устанавливает. В этом отношении, как нам кажется, нужно руководствоваться по уголовным делам положениями, установленными в УПК союзных республик для производства по возобновлению дел по вновь открывшимся обстоятельствам. Сроков для возобновления дела при обвинительном приговоре никаких

¹ Положение о военных трибуналах, действующих в местностях, объявленных на военном положении 1941 г., не допускает кассации на приговоры военных трибуналов.

нет. Пересмотр оправдательных приговоров может иметь место лишь в течение года со дня открытия новых обстоятельств и не позже пяти лет со дня вступления оправдательного приговора в законную силу (ст. 374 УПК РСФСР). Это правило относится к случаям, когда после вступления в силу оправдательного приговора обнаружались новые обстоятельства, не бывшие ранее известными суду (п. 3 ст. 373); но в случае подложности доказательств и преступных злоупотреблений со стороны судей, постановивших приговор (п.п. 1 и 2 ст. 373 УПК РСФСР), срок не устанавливается. Закон говорит, что преступные злоупотребления судей, а также лжесвидетельства и дача ложного заключения экспертом или иных подложных доказательств служат основанием к возобновлению дела лишь в том случае, когда эти обстоятельства установлены вошедшим в законную силу другим приговором суда (ст. 375 УПК РСФСР). Следовательно, если по этим преступлениям истекла давность, то приговор по ним вообще не может быть вынесен. Тем самым сроки давности по указанным преступлениям являются сроками, в течение которых может быть принесен протест по оправдательным приговорам, если вновь открывшиеся обстоятельства относятся к тем, которые упоминаются в п. п. 1 и 2 ст. 373 УПК. Следовательно, по всем оправдательным приговорам имеются известные сроки для подачи протеста, тогда как для обвинительных приговоров таких сроков нет.¹

По ГПК РСФСР заявления о пересмотре судебных решений могут подаваться стороной не позднее одного месяца со дня, когда установлены обстоятельства, служащие основанием для заявления о пересмотре решения (ст. 253).

Возбуждение производства дела в порядке надзора ограничивается годичным сроком со дня вступления решения в законную силу (ст. 254-г ГПК РСФСР). Все эти ограничения установлены только для сторон, но не для Председателя Верховного Суда или Генерального Прокурора СССР.

Какова «процедура» принесения Председателем Верховного Суда СССР протеста?

Подавляющее большинство протестов обусловлено подачей

¹ И. Перлов в статье «Порядок обжалования и пересмотра приговоров должен быть более совершенным» находит с полным основанием, что пятилетний срок опротестования оправдательных приговоров является чрезмерно длительным: он ставит в тяжелое положение оправданного, над которым в течение такого длительного срока висит угроза возможного опротестования приговора, во-вторых, протесты, приносимые прокурорами на оправдательные приговоры, спустя год после вступления их в законную силу, являются крайне редким явлением, Социалистическая законность, 1947, № 8.

жалоб со стороны осужденных, их защитников, а также близких (родителей, супругов). Жалобы подаются на имя Председателя Верховного Суда СССР. Жалобы приносятся лично Председателю Верховного Суда, его заместителям и председателям коллегий Верховного Суда СССР. Просьбу о пересмотре дела в надзорном порядке иногда подают и общественные организации, которые считают, что член их коллектива неправильно осужден или что по его гражданскому делу вынесено неправильное решение. Подают заявления о пересмотре дела и совершенно посторонние граждане, считающие, например, что в интересах советского правосудия дело должно быть пересмотрено.

Каждая «надзорная» жалоба проходит регистрацию, где проверяется, не является ли она вторичной (что не исключено). Обычно к жалобе прилагается копия приговора, или решения, или определения по делу. Это не обязательно. Вообще никаких формальных «реквизитов» от жалобы не требуется. Но, конечно, приложение копии приговора и т. п. облегчает разрешение вопроса, следует ли «затребовать» дело или нет. Ст. 15 Закона о судостроительстве разрешает при жалобах в вышестоящий суд представлять новые «материалы». К жалобам иногда прилагаются характеристики на осужденного, выданные общественными организациями, письменные показания лиц, относящиеся к данному делу, заключения врачей, в частности, психиатров или других сведущих лиц и т. п.

Если из жалобы будет усмотрено, что в деле могут быть основания для пересмотра его в надзорном порядке, то на жалобе накладывается резолюция об истребовании дела. В стремлении добиться пересмотра дела жалобщик не всегда достаточно объективно излагает обстоятельства дела. Если это понятно, когда жалобу составляют сами осужденные или стороны, не имеющие юридического образования, то, конечно, неточное изложение обстоятельств дела не должно допускаться адвокатами. В сборнике помещены «заключение», представленное членом Верховного Суда СССР Председателю по делу Соловьева (дело № 8) и в качестве приложения — жалоба адвоката, по которой дело было затребовано. Получив такую жалобу, нельзя было не затребовать дела, поскольку жалобщик прямо обвинил трибунал и Военную коллегия в вынесении обвинительного приговора при полном отсутствии доказательств. В опубликованном заключении приводятся доказательства, установленные в судебном заседании, не оставляющие сомнения в виновности осужденных.

При затребовании дела Председатель Верховного Суда

СССР имеет право приостановить исполнение приговора или решения. Это право вытекает из ст. 440 УПК РСФСР и соответствующих статей УПК других союзных республик, предоставляющих право «органам, требующим дело для контроля», приостановить исполнение приговора (такое же правило содержится в ст. 254 ГПК РСФСР и соответствующих статьях ГПК других союзных республик). По общему правилу по уголовным делам приостановление имеет место в Верховном Суде СССР в редких случаях.

Закон о судостроительстве резко ограничил возможность надзорного пересмотра дела. Право принесения протеста предоставлено лишь Председателю Верховного Суда СССР, Генеральному Прокурору СССР, председателям верховных судов и прокурорам союзных республик (ст. 74 ч. 2, ст. 51 п. «а»). Приказом Народного Комиссара юстиции СССР и Прокурора СССР от 19 сентября 1938 г. разъяснено, что право истребования дел из соответствующих судов сохранилось и после издания Закона о судостроительстве за районными, окружными, областными и краевыми прокурорами и прокурорами автономных республик, а также за председателями окружных, областных, краевых и верховных судов автономных республик. Но эти лица не могут ни приостанавливать исполнение приговоров или решений, ни приносить протесты в порядке надзора. В случаях, когда в результате ознакомления с делом они придут к выводу, что приговор, решение или определение являются незаконными или необоснованными, они входят с «представлением» к вышестоящему прокурору или председателю суда о принесении протеста.

Положение о Народном Комиссариате юстиции СССР 1939 г. предоставляет Министру юстиции СССР право проверять путем ревизии деятельность судов и правильность применения ими законов при рассмотрении уголовных и гражданских дел, направляя неправильно разрешенные дела Председателю Верховного Суда СССР или председателям верховных судов союзных республик «для разрешения вопроса об опротестовании приговоров, решений и определений» (ст. 7 п. «б»).

Если жалоба оставляется без последствий, то жалобщика уведомляют об этом. Представления иногда поступают вместе с делами, так что в этих случаях отпадает необходимость истребования дела. Но юридически представления имеют такое же значение, как и жалобы. В отношении их Председателю Верховного Суда СССР принадлежит дискреционное право принести или не принести протест на основании представления.

К представлениям прибегают иногда и председатели верховных судов союзных республик, которые не согласны с определениями коллегий возглавляемого ими суда, поскольку им не предоставлено право приносить на них протесты.

Примером дела, по которому был принесен протест в Пленум Верховного Суда СССР на основании «представления», может служить дело Швидкого (дело № 1). Председатель Военного трибунала округа считал, что определение Военной коллегии по этому делу является неправильным в смысле квалификации действий осужденного. Постановлением Пленума Верховного Суда СССР определение Военной коллегии было отменено, хотя и неполностью, по мотивам, высказанным председателем Военного трибунала округа.

Поступившее по затребованию дело, по указанию Председателя Верховного Суда СССР, изучается одним из членов Верховного Суда или одним из консультантов, с соблюдением правила, что гражданские дела изучаются членами Судебной коллегии по гражданским делам или консультантами-цивиристами. Изучение дел с производством на грузинском, армянском, латышском или ином языке, по общему правилу, поручается членам суда, владеющим этими языками. Имеются при Верховном Суде СССР также штатные переводчики.

Изучивший дело пишет мотивированное заключение, которое и докладывает Председателю Верховного Суда СССР. Иногда, ввиду спорности и сложности дела, оно подвергается повторной проверке или лично просматривается Председателем Верховного Суда СССР или его заместителем.

Иногда принесению или непринесению протеста предшествует более сложная процедура. Так, например, Председатель считает необходимым для принесения протеста предварительно разрешить вопросы, на которые может ответить лишь сведущее лицо. Такому сведущему лицу Председатель Верховного Суда СССР и направляет соответствующий запрос, прилагая к нему, если это необходимо, и самое дело. Как пример такого рода предварительной процедуры, нами приводится дело № 4.

Право собирания такого рода материалов вытекает из ст. 15 Закона о судостроительстве. Если стороны имеют право представлять в вышестоящий суд дополнительные материалы, то тем более может их собрать Председатель Верховного Суда СССР. Собранные материалы не являются доказательствами в строго процессуальном значении, поскольку собирание их происходило во внесудебном порядке, без участия сторон. Но эти материалы имеют определенное значение при

разрешении вопроса о принесении или непринесении протеста Председателем Верховного Суда СССР.

Исключительность надзорного производства сказывается прежде всего в том, что принесение протеста составляет дискреционное право лица, которому закон предоставил право принесения протеста. Было бы совершенно неправильно думать, что в разрешении вопроса, принести или не принести протест, достаточно одного «недовольства» или отсутствия такого недовольства, как это было высказано в одной статье в «Социалистической законности», 1945, № 8.¹

Полемизируя с автором этой статьи, Г. Смолицкий совершенно правильно писал, что такой упрощенный подход к делу не допустим. В протесте всегда приводятся доводы в пользу отмены или изменения приговора или решения, для отмены приговора или его изменения необходимо определение коллегии или постановление Пленума Верховного Суда.²

Допуская надзорный порядок пересмотра дела, закон исходит из взгляда на его исключительность, из положения, что судебный приговор или решение, вошедшие в законную силу, являются «законом» по данному делу. Закон не устанавливает определенных поводов для опротестования приговора или решения в надзорном порядке, основаниями для протеста являются, как правило, те же основания, что и для кассационного обжалования, но вопрос о наличии или отсутствии таких оснований разрешается лицом, которому закон предоставляет право приносить протесты в порядке надзора.

4

Верховный Суд СССР действует в составе нескольких коллегий. В настоящее время Верховный Суд СССР состоит из пяти коллегий: Судебной коллегии по уголовным делам, Судебной коллегии по гражданским делам, Военной коллегии, Железнодорожной коллегии, Воднотранспортной коллегии. Из пяти коллегий четыре ведают уголовными делами и только одна коллегия рассматривает гражданские дела. Коллегии действуют обычно в постоянных составах. Обязанности председательствующих в этих составах распределяются между членами коллегии ее председателем.

Верховный Суд СССР может действовать и как суд первой и второй инстанции. Так, судебные коллегии по уголовным и гражданским делам рассматривают в качестве суда первой инстан-

¹ С. Лившиц. Опротестование оправдательных приговоров, Статья была помещена в дискуссионном порядке.

² Г. Смолицкий, Опротестование оправдательных приговоров, Социалистическая законность, 1945, № 10.

ции уголовные и гражданские дела, «отнесенные законом к их ведению» (ст. ст. 66, 67).

О компетенции Судебной коллегии по уголовным делам можно судить по аналогии с компетенцией верховных судов союзных республик (ст. ст. 448—450 УПК РСФСР и соответствующие статьи УПК других союзных республик). Так, по нашему мнению, ей подсудны «дела исключительной важности».

В качестве суда первой инстанции действуют также коллегии Военная, Железнодорожная и Воднотранспортная. Военной коллегии передаются дела исключительной важности. Так, в последние годы Военная коллегия рассмотрела дело «атамана» Семенова, изменника Власова, польских генералов-заговорщиков и др. Военной коллегии подсудны также дела о преступлениях высших должностных лиц Вооруженных Сил СССР. Железнодорожной и Воднотранспортной коллегиям подсудны дела о преступлениях высших должностных лиц железнодорожного и водного транспорта СССР.

Приговоры и решения коллегий, действующих в качестве судов первой инстанции, обжалованию в кассационном порядке не подлежат (Закон о судостроительстве, ст. 15 ч. 1).

В Верховном Суде дела могут рассматриваться и в кассационном порядке. В качестве кассационной инстанции Военная коллегия рассматривает дела по жалобам и протестам на приговоры военных трибуналов военных округов. В системе военных трибуналов кассационными инстанциями для военных трибуналов являются военные трибуналы округов. Но в отношении линейных судов, железнодорожного и водного транспорта единственной кассационной инстанцией являются Железнодорожная или Водная коллегии Верховного Суда СССР.

Протесты и жалобы на приговоры и определения военных трибуналов, линейных судов железнодорожного и водного транспорта рассматриваются соответствующими коллегиями Верховного Суда СССР в составе трех членов указанных коллегий (Закон о судостроительстве, ст. ст. 68 ч. 2; 70 ч. 2; 73).

Согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР от 26 апреля 1940 г. сохранила свою силу ст. 5 Положения о Верховном Суде СССР от 24 июля 1929 г. На основании этой статьи при производстве уголовных и гражданских дел, подсудных Суду СССР, применяются общесоюзные законы, а также материальные и процессуальные законы той союзной республики, на территории которой совершено преступление или возникло оспариваемое гражданское правоотношение.

Рассмотрение дел коллегиями Верховного Суда СССР в надзорном порядке представляет известные особенности.

Прежде всего следует отметить, что протесты в порядке надзора Председатель Верховного Суда СССР может направлять в верховные суды соответствующих союзных республик, поскольку это касается дел, разрешенных народными и областными судами союзных республик¹ (Закон о судостроительстве, ст. 51 п. «а»).

Как правило, Председатель Верховного Суда СССР и направляет свои протесты в верховные суды союзных республик. Если протест отклоняется, то по установленному порядку определение Верховного Суда союзной республики пересылается вместе с делом Председателю Верховного Суда СССР, который и решает, принести ли ему протест на определение в Судебную коллегия по уголовным или гражданским делам Верховного Суда СССР, или же согласиться с определением Верховного Суда союзной республики. Но случаи отклонения протестов Председателя Верховного Суда СССР в практике встречаются весьма редко.

Протесты вносятся Председателем Верховного Суда СССР и непосредственно в коллегии Верховного Суда СССР. Это происходит потому, что обычно жалобщик, вначале обращается с надзорной жалобой к Председателю Верховного Суда союзной республики, если его жалоба получит удовлетворение, то этим дело и кончается. В случае ее отклонения жалобщик направляет жалобу Председателю Верховного Суда СССР.

В случаях, когда протест Председателя Верховного Суда СССР направляется в Верховный Суд союзной республики, остается все равно процедура рассмотрения жалобы, изучения затребованного дела и составления протеста.

Согласно Закону о судостроительстве судебные коллегии Верховного Суда СССР в надзорном порядке рассматривают протесты на приговоры и определения верховных судов союзных республик (ст. 66 и ст. 67). Имеющие право на большее тем самым имеют право и на меньшее. Судебные коллегии Верховного Суда СССР, уполномоченные на рассмотрение протестов на приговоры и определения верховных судов союзных республик, тем самым являются уполномоченными

¹ Не во всех союзных республиках существует областное деление. Там, где его нет, функции областных судов выполняют верховные суды союзных республик, и потому Председатель Верховного Суда СССР может направлять в верховные суды этих республик протесты лишь на приговоры и решения народных судов, если они не были обжалованы в кассационном порядке.

рассматривать в порядке надзора дела низших и средних судов союзной республики.

Мы лично считаем полезной и целесообразной практику внесения иногда протеста по делам всех судов именно в судебные коллегии Верховного Суда СССР. Такой порядок больше централизует дело высшего судебного надзора. Члены всех коллегий являются членами Пленума Верховного Суда СССР, этого высшего органа судебного надзора, они на заседаниях Пленума знакомятся с установками Пленума по тому или другому вопросу. Все это, несомненно, способствует улучшению качества работы отдельных коллегий и установлению известного единства судебной практики. Все эти положительные стороны отсутствуют при рассмотрении протестов Председателя Верховного Суда СССР отдельными верховными судами союзных республик.

Как уже отмечалось, проект протеста составляется или членом Верховного Суда или консультантом. Но и в последнем случае докладчиком по делу в заседании коллегии является один из членов данного состава коллегии. В заседаниях коллегии принимают участие представители Прокуратуры СССР. Рассмотрение дела начинается с доклада члена-докладчика (докладчиком по делу может быть и председательствующий), хотя бы протест был принесен Генеральным Прокурором СССР. Представитель Прокуратуры СССР после этого или поддерживает протест Генерального Прокурора или же дает заключение по протесту Председателя Верховного Суда СССР.

Решение выносится по большинству голосов. Если один из членов коллегии останется при особом мнении, то это мнение прилагается к определению, но остается в производстве Верховного Суда. По установленному порядку член коллегии, оставшийся при особом мнении, докладывает об этом Председателю Верховного Суда СССР. В практике встречаются случаи, когда Председатель опротестовывал определение коллегии именно на основании особого мнения члена коллегии, оставшегося в меньшинстве.

Вопрос о праве осужденного и его защитника участвовать в заседании суда, рассматривающего дело в порядке судебного надзора, является, по мнению некоторых советских процессуалистов, спорным. Проф. Строгович считает, что противники допущения защиты исходят из «абстрактно-теоретических соображений», ссылаясь на то, что в судебных заседаниях участвуют стороны, и обвиняемый участвует как сторона в процессе, в порядке же судебного надзора дела рассматриваются со вступившими в законную силу при-

говорами, а по вступлении приговора обвиняемый перестает быть стороной, он является осужденным. Проф. Строгович считает, что исключительность порядка судебного надзора заключается в «особом порядке прохождения дела», т. е. как можно понять автора, в дискреционном праве лица, уполномоченного на протест, приносить или не приносить протест, а не «в содержании его рассмотрения и разрешения в надзорной инстанции». ¹

С основным исходным положением проф. Строговича мы не можем согласиться. У него нет никаких оснований утверждать, что исключительность надзорного порядка заключается лишь в особенностях начального момента — в дискреционном праве принесения протеста. Проф. Строгович не может отрицать того, что нормальным порядком рассмотрения дела как уголовного, так и гражданского является рассмотрение его в двух инстанциях. За сторонами закон закрепляет определенные процессуальные права. Чем может проф. Строгович обосновать свое утверждение, что после принесения протеста рассмотрение дела в надзорном порядке должно происходить по правилам кассационного производства? В действующем законодательстве к этому нет никаких опорных моментов.

Проф. Строгович считает, что «участие самого осужденного или его защитника в заседании надзорной инстанции могло бы оказать помощь надзорной инстанции и гарантировать права осужденного, так как осужденный и его защитник в зависимости от характера принесенного протеста могли бы дать объяснения и представить свои доводы как в дополнение к протесту, так и в виде возражений против него». Мы сомневаемся в том, что когда принесен протест в пользу осужденного Председателем Верховного Суда СССР или Генеральным Прокурором СССР, их протест нуждался бы в помощи адвоката, чтобы быть удовлетворенным. В случае же принесения протеста на оправдательный приговор или на мягкость наказания при существующем порядке надзорного производства нельзя утверждать, что в какой-либо степени стеснены процессуальные гарантии оправданного или осужденного. Надзорная инстанция не вправе самостоятельно отягчать его положение и может лишь передать дело на новое судебное рассмотрение или новое расследование, где полностью сохраняются процессуальные гарантии обвиняемого.

Право на формальную защиту в кассационной инстанции является наиболее существенным правом стороны в процессе, и с допущением формальной защиты для надзорного по-

¹ Строгович, Уголовный процесс, 1946, стр. 494.

рядка затруднительно будет утверждать, что надзорный порядок является порядком исключительным. Допустив далее формальную защиту при надзорном рассмотрении уголовных дел, мы не можем лишиться этого права сторон в гражданском процессе. Явившиеся адвокаты будут представлять новые материалы, будут давать объяснения, другими словами, надзорное производство будет превращено в кассационное и, таким образом, будет создана третья судебная инстанция.

Советские процессуальные кодексы указывают «кассационные поводы», т. е. те нарушения, которые могут явиться основанием к отмене или изменению приговора или решения в кассационном порядке. УПК РСФСР указывает на четыре кассационных повода: 1) недостаточность и неправильность проведенного следствия; 2) существенное нарушение форм судопроизводства (т. е. процессуальные нарушения); 3) нарушение или неправильное применение (материального) закона; 4) несправедливость приговора (ст. 413 УПК РСФСР). В ст. ст. 415—417 УПК РСФСР каждый из этих поводов расшифровывается более детально. ГПК РСФСР в ст. 237 указывает на два кассационных повода: а) нарушение или неправильное применение действующих законов; б) явное противоречие решения фактическим обстоятельствам дела, установленным разрешавшим дело судом.

Закон о судоустройстве общим образом и для уголовных и для гражданских дел в ст. 15 ч. 2 указывает, что при рассмотрении жалоб и протестов вышестоящий суд по имеющимся в деле и представленным сторонами материалам проверяет законность и обоснованность вынесенного нижестоящим судом приговора или решения.

Формула ст. 15 ч. 2 Закона о судоустройстве — о проверке законности и обоснованности приговоров или решений — полностью охватывает поводы, указанные в ст. 413 УПК РСФСР, а равно и поводы, указанные в ст. 237 ГПК РСФСР. Как совершенно правильно указывает Г. Смолицкий, ст. 15 «лишь внесла предельную четкость и ясность в действующий закон». «Новым в ст. 15 можно считать лишь то, что она проверку приговора основывает не только на материалах дела, но и на других представленных сторонами материалах. В остальном она лишь уточняет действующий закон».¹

Формула о «законности и обоснованности» имеет отношение к пересмотру дела не только в кассационном, но и в надзорном порядке. Если Председатель Верховного Суда СССР приносит протест, то он приносит его, придя к заключению,

¹ Указанная выше статья.

что приговор, решение или определение не обоснованы, противоречат требованиям законности.

Вполне понятно, что и коллегии Верховного Суда СССР, рассматривая дела в порядке судебного надзора, проверяют законность и обоснованность приговора, решения или определения. В качестве примера отмены приговора вследствие его необоснованности можем указать на постановление Пленума по делу Безбабичева (№ 6).

Приговор, решение или определение по делу, рассматриваемому коллегией, могут быть оставлены в силе, отменены или изменены. При отмене приговора, в зависимости от существа и характера допущенных нарушений, коллегия Верховного Суда СССР определяет стадию процесса, с которой должно быть возобновлено производство: предварительное следствие, предание суду, передача в кассационную инстанцию. Отменяя приговор, коллегия передает дело для нового рассмотрения в другой суд, или в тот же суд, но в другом составе. При наличии в деле обстоятельств, устраняющих возможность уголовного преследования, коллегия, отменяя приговор, сама прекращает дело, не передавая его в суд на новое расследование или судебное разбирательство. Применительно к ст. 418 УПК, надзорная инстанция, отменяя приговор или определение, может прекратить дело лишь на основании ст. 4 УПК РСФСР, т. е. за отсутствием состава преступления, за истечением давности и т. п. УПК УССР предоставляет кассационной инстанции более широкую возможность прекращения дела, без направления его на новое расследование или рассмотрение. Ст. 347 УПК УССР дает право кассационной инстанции прекращать дело в случаях, когда вывод суда первой инстанции не подтвержден обстоятельствами дела, и новое рассмотрение дела не может дать достаточных доказательств для вынесения приговора.

«Следует признать, что ст. 347 УПК УССР наиболее полно выражает условия деятельности кассационной инстанции; аналогичное положение фактически осуществляется в судебной практике повсеместно, во всех союзных республиках, в том числе и в РСФСР».¹

Надзорной инстанции еще чаще, чем кассационной инстанции, приходится прибегать к норме, выраженной в ст. 347 УПК УССР, ибо промежуток времени, прошедший со дня совершения преступления до дня рассмотрения дела в коллегии Верховного Суда СССР, может быть значительно более продолжительным, чем промежуток времени от совер-

¹ Проф. Строгович, Уголовный процесс, 1946, стр. 473.

шения преступления до рассмотрения дела в кассационной инстанции.

Коллегия Верховного Суда СССР, рассматривая дело в надзорном порядке, как и кассационная инстанция, не отменяя приговора, может в него внести изменения в случае допущения предшествующими судами нарушений, которые могут быть исправлены без нового предварительного или судебного рассмотрения дела. Так, может быть изменена квалификация обвинения, поскольку новая статья не устанавливает более тяжкого наказания. Проф. Строгович считает, что в этом вопросе следует пойти дальше и не допускать изменения кассационной инстанцией квалификации на статью УК, хотя и не устанавливающую более тяжелой санкции, но предусматривающую преступление более тяжелого, порочащего характера. Так, недопустимо менять квалификацию со статьи УК, предусматривающей преступление некорыстное, на статью, предусматривающую преступление корыстное, со статьи, предусматривающей преступление неосторожное, — на статью, предусматривающую преступление умышленное, хотя бы последняя статья и не содержала более тяжелой санкции.¹

Изменение может коснуться и меры наказания, в смысле его смягчения в пределах санкции или с применением ст. 51 УК РСФСР и соответствующих статей УК других союзных республик или же назначения условного наказания. Изменение может выразиться и в том, что из приговора могут быть исключены отдельные пункты обвинения, если они противоречат данным дела или не содержат состава преступления.

Следует отметить и следующие особенности рассмотрения надзорных дел в коллегиях Верховного Суда СССР. Коллегия может изменить не только приговор или решение суда первой инстанции, подобно кассационной инстанции, но и определения, вынесенные по делу в кассационном порядке или в надзорном порядке коллегиями верховных судов союзных республик. В тех случаях, когда коллегия Верховного Суда СССР, рассматривая дело в порядке надзора, признает наказание, назначенное в приговоре, не соответствующим содеянному, она вправе на основании ст. 28 Основ уголовного судопроизводства СССР и союзных республик отменить приговор и передать дело на новое рассмотрение, но не вправе непосредственно увеличить назначенную меру наказания. На увеличение первоначально назначенной меры наказания имеет право суд первой инстанции, вновь рассматривающий по существу дело, приговор по которому отменен в порядке надзора (постановление Пленума Верховного Суда СССР от

¹ Там же, стр. 479.

10 мая 1931 г.). Коллегия Верховного Суда СССР, как и вообще другая надзорная инстанция, не может вынести определение, которым положение осужденного отягчалось бы по сравнению с установленным при кассационном рассмотрении дела. Так, если кассационная инстанция, при рассмотрении дела по жалобе осужденного отменила обвинительный приговор или снизила наказание, суд, рассматривающий дело в порядке надзора, может отменить кассационное определение и передать дело на новое рассмотрение в кассационном порядке, но не может оставить в силе приговор суда первой инстанции (постановление Пленума Верховного Суда СССР от 11 мая 1928 г.).

Коллегии Верховного Суда СССР, действующие в качестве надзорной инстанции, могут, как и всякий другой суд, выносить по делу «частные определения».

Определение подписывается председательствующим и членами коллегии, участвовавшими в заседании. В определении указывается состав коллегии, кто из членов коллегии был докладчиком, кто представителем Прокуратуры СССР, поддерживал ли последний протест или высказывался за его отклонение, если протест был внесен Председателем Верховного Суда СССР.

Если коллегия разделит положения и мотивы, высказанные в протесте, то член-докладчик, по общему правилу, воспроизводит их полностью и в определении коллегии. Такой порядок представляется желательным, поскольку протесты Председателя Верховного Суда СССР составляются весьма обстоятельно. Большое значение в деле улучшения качества определений является строгое требование со стороны Председателя Верховного Суда СССР, чтобы при отклонении его протестов коллегии не отвергали протест безмотивно или приводя общие соображения вроде того, что то или другое положение доказывается «обстоятельствами дела», а конкретно указывали бы, почему они не согласились с тем или другим положением протеста.

Об отклонении протеста Председатель ставится в известность председательствовавшим в заседании коллегии, отклонившей его протест. В случае несогласия с определением Председатель Верховного Суда СССР может внести протест в Пленум Верховного Суда СССР. Следует заметить, что число отклоненных протестов как Председателя Верховного Суда СССР, так и Генерального Прокурора СССР крайне незначительно.

Иногда жалобщик, недовольный решением дела надзорной коллегией Верховного Суда СССР, подает жалобу Пред-

седателю Верховного Суда СССР на это определение. Председатель может по этой жалобе вновь затребовать дело и по рассмотрении его решить, следует ли подать протест в Пленум или оставить жалобу без последствий, как это видно из дела Соловьева и дела Ч. и М. (дела №№ 4 и 8).

5

Закон о судостроительстве предусмотрел только один пленум, а именно Пленум Верховного Суда СССР, который и является высшим органом судебного контроля. В отличие от коллегий Верховного Суда СССР, которые могут функционировать не только в качестве надзорной, но и в качестве кассационной инстанции и в качестве судов первой инстанции, Пленум функционирует исключительно в качестве надзорной инстанции.

Согласно Закону о судостроительстве Пленум состоит из Председателя Верховного Суда СССР, его заместителей и всех членов Верховного Суда СССР (ст. 76 ч. 1). Закон не указывает кворума. Очевидно, для него достаточно наличие простого большинства членов Верховного Суда. На практике всегда присутствует квалифицированное большинство. Считается не только юридически, но и нравственно обязательным, чтобы каждый член Верховного Суда, не находящийся в отпуске или в командировке, принимал участие в заседаниях Пленума. Пленум — это то место, где встречаются члены всех коллегий, где коллективно вырабатываются определенные установки как путем решения отдельных дел, так и путем дачи «руководящих указаний». Решения Пленума носят название «постановлений».

Принимая постановление по конкретному делу, Пленум может вынести по тому или другому поводу «частное постановление». Так, он иногда указывает на необходимость привлечь к уголовной ответственности непривлеченного к суду начальника, когда по делу есть основания предполагать, что и начальствующее лицо является виновным. Пленум может указать частным постановлением и на упущения, допущенные при рассмотрении дела тем или другим судом, в частности и одной из коллегий Верховного Суда СССР.

По общему правилу постановления принимаются единогласно или квалифицированным большинством. Голосование открытое. Категории «воздержавшихся» не может быть, как вообще не может член какой бы то ни было судебной коллегии воздержаться от выявления своего отношения к делу. Правило, выраженное в ст. 324 УПК РСФСР и соответствующих УПК других союзных республик, имеет общий характер.

«При вынесении решения по каждому отдельному вопросу никто из судей не вправе воздерживаться от подачи голоса». Отдельный член Пленума может остаться при «особом мнении». В практике за время действия Закона о судостроительстве это имело место в одном случае.

Согласно Закону о судостроительстве участие Генерального Прокурора в Пленуме обязательно (ст. 76 ч. 2). Может, конечно, принимать участие вместо него его заместитель. Вместе с Генеральным Прокурором СССР участие в Пленуме принимают его помощники, докладывающие протесты Генерального Прокурора СССР или дающие заключение по протестам Председателя Верховного Суда СССР. Министр юстиции СССР «участвует в заседании Пленума Верховного Суда СССР» (ст. 76 ч. 3 Закона о судостроительстве). Таким образом, участие его не обязательно. Надо иметь в виду, что согласно Положению от 15 июня 1939 г. Народный Комиссариат юстиции СССР «изучает и обобщает судебную практику; ставит перед Пленумом Верховного Суда СССР вопросы о даче судам руководящих указаний в порядке ст. 75 Закона о судостроительстве» (ст. 7). Если Министр юстиции СССР и не принимает активного участия при рассмотрении Пленумом конкретных дел, то роль его при составлении руководящих постановлений Пленума значительна (см. ниже).

Закон о судостроительстве требует, чтобы Пленум собирался не реже одного раза в два месяца: На практике Пленум собирается значительно чаще. В 1946 г. было 15, в 1947 г. 17 заседаний. Для каждого Пленума заранее составляют «повестку». Повестка содержит перечисление всех дел, подлежащих рассмотрению, и копии всех протестов по этим делам и раздается заранее всем членам Верховного Суда СССР. Повестка посылается и Министру юстиции СССР, и Генеральному Прокурору СССР. Преобладают протесты по уголовным делам.

Председательствующим в Пленуме является Председатель Верховного Суда СССР.

Порядок рассмотрения протестов следующий. Если протест внесен Председателем Верховного Суда СССР, то обычно протест докладывается одним из членов Верховного Суда, которому это поручено Председателем. Некоторые протесты докладывает сам Председатель или его заместители. После доклада председательствующий спрашивает, есть ли желающие высказаться. Если дело представляется ясным, желающих высказаться членов суда не находится, заслушивается заключение Генерального Прокурора СССР. В ряде случаев Генеральный Прокурор соглашается с протестом и дает соот-

ветствующее заключение, после чего председательствующий ставит протест на голосование. Но иногда некоторые члены Пленума с протестом не согласны или, если и согласны, но желают высказаться. Тогда предоставляется слово всем желающим.

Если Генеральный Прокурор не согласен с протестом, то с возражением против него выступает или он сам или по его поручению один из его помощников, изучавший дело к заседанию Пленума. В пользу протеста или против него выступают и другие члены Верховного Суда. Если спор идет о толковании закона, то в дискуссии, по общему правилу, выступает сам Генеральный Прокурор СССР. Докладчику задаются по обстоятельствам дела вопросы, имеющие целью разъяснить обстоятельства дела. Иногда, по требованию членов Пленума, зачитываются показания отдельных свидетелей или обвиняемых, оглашаются другие документы.

В прениях принимают участие и Председатель Верховного Суда СССР и его заместители. Там, где вопрос идет о толковании закона, по общему правилу, Председатель Верховного Суда СССР высказывает свое мнение.

Когда протест внесен Генеральным Прокурором, то дело начинается с доклада одного из помощников Генерального Прокурора СССР или его самого. Если со стороны членов суда нет возражений против протеста и нет желающих высказаться, председательствующий ставит протест на голосование. Если же имеются возражения или есть желающие высказаться, то обсуждение протеста происходит тем же порядком, что и обсуждение протеста Председателя Верховного Суда СССР. Следует заметить, что в ряде случаев члены Пленума поддерживают точку зрения Генерального Прокурора СССР.

Обсуждение протеста на Пленуме является совершенно своеобразной формой «совещания судей». Естественно, что здесь нет и речи о «совещательной комнате» или о «тайне совещания». Совещание происходит в присутствии Генерального Прокурора СССР, чинов Прокуратуры СССР, представителя Министерства юстиции, секретаря Пленума. В «совещании» самое деятельное участие принимает Генеральный Прокурор СССР и его помощники.

Протесты в Пленум вносятся Председателем Верховного Суда СССР и Генеральным Прокурором СССР по тем же основаниям, что и протесты в коллегии этого суда. Пленум, рассматривая дело, проверяет так же как и коллегии, законность и обоснованность решений по делу. Последствия рассмотрения протеста в Пленуме те же, что и при рассмотрении

дела в надзорном порядке коллегиями Верховного Суда СССР. Различие же в том, что отменяются, или изменяются, или оставляются в силе определения коллегии Верховного Суда СССР.

При рассмотрении протестов по конкретным делам в Пленуме значительно легче прийти к определенному решению, когда обсуждается вопрос правового характера, например, вопрос о квалификации преступления. Многолюдная коллегия судей не минус, а плюс для дела. Спорная правовая норма подвергается всестороннему обсуждению. В этом обсуждении всегда принимает, как уже отмечалось, активное участие и Генеральный Прокурор СССР.

Значительно труднее разрешать вопрос об обоснованности приговора или решения, ибо в этих целях необходимо подвергнуть критической оценке доказательственный материал, легший в основу приговора или решения, и тем не менее Пленум не может уклониться от разрешения этой задачи. «Нельзя проверить законность и обоснованность приговора, уклоняясь от оценки доказательств».¹

Вопрос об условиях, в которых производится оценка доказательств вышестоящим судом, как указывает проф. Гродзинский, освещен в значительной части в определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР от 2 марта 1940 г. по делу Чеснокова.²

«Суд первой инстанции, указывается в определении, рассматривая дело по существу, входит в оценку всех доказательств по делу, непосредственно допрашивая как обвиняемого, так и свидетелей... Суд второй инстанции при рассмотрении дела по жалобе или протесту лишен такой возможности. Он имеет перед собой только протокольные записи показаний обвиняемого и свидетелей, а потому при переоценке более ограничен в своих выводах о виновности или невиновности обвиняемого... Однако советское законодательство не ограничивает суд второй инстанции только рамками процессуальных нарушений закона, допущенных органами следствия и судом, который рассматривал дело по существу. Ст. 414 УПК

¹ И. Т. Голяков, Некоторые вопросы права в решениях Пленума Верховного Суда СССР, «Советское государство и право», 1940, № 2.

² Это определение не опубликовано в сборнике постановлений Пленума и определений коллегии Верховного Суда СССР за 1940 г. (изд. 1941), но оно приводится в обстоятельной статье проф. Гродзинского «Оценка доказательств в кассационной и надзорной практике Верховного Суда СССР», Ученые труды ВЮН, вып. VIII, 1946. Статья является примером плодотворного использования неопубликованной практики Верховного Суда СССР и глубокого теоретического обобщения ее.

РСФСР обязывает суд второй инстанции проверить, достаточно ли выяснены обстоятельства по делу на предварительном и судебном следствии, достаточно ли обоснован приговор».

«Таким образом, кроме проверки правильности применения закона и обеспечения процессуальных прав осужденного, суд обязан дать оценку справедливости приговора и тому, достаточно ли в деле доказательств виновности осужденного. Если данных для признания обвиняемого виновным собрано на предварительном и судебном следствии недостаточно, и приговор вынесен на основании неполноценного материала, суд второй инстанции должен отменить такой приговор и направить дело на дополнительное расследование».

«Возможны случаи, когда обвинительный приговор вынесен в явном противоречии с данными дела, исключающими виновность осужденного. В таких случаях суд второй инстанции может прекратить дело производством, указав в определении на неправильность приговора и приведя в нем мотивы, обосновывающие необходимость прекращения дела».

«Бывают случаи, когда суд первой инстанции выносит оправдательный приговор при наличии в материалах предварительного следствия достаточных доказательств виновности, проверенных и подтвержденных на судебном следствии. Суд второй инстанции по протесту прокурора или Председателя Верховного Суда обязан в таких случаях, проверив обоснованность протеста, отменить неправильный оправдательный приговор с направлением дела для нового рассмотрения в ином составе судей. Однако для отмены оправдательного приговора необходимы достаточно веские, очевидные основания, свидетельствующие о том, что оправдательный приговор неправилен и противоречит несомненным фактам, доказывающим виновность оправданного в совершении преступления».

Право вышестоящего суда, вернее его обязанность войти в оценку доказательственного материала, положенного в основу приговора или решения суда первой инстанции, представляется бесспорным и в советской уголовно-процессуальной теории.

На такой точке зрения стоит проф. Гродзинский в указанной нами статье, ту же мысль защищает и проф. Строгович. «Кассационная инстанция рассматривает и оценивает собранные по делу доказательства для того, чтобы убедиться, были ли в распоряжении суда первой инстанции достаточные и доброкачественные доказательства, на которых мог быть основан вывод суда о виновности или невиновности подсудимого».

и все ли сделал суд первой инстанции, чтобы эти доказательства проверить».¹

Сказанное по поводу оценки доказательств в кассационной инстанции вполне приложимо и к оценке доказательств в надзорной инстанции.

Говоря о процедуре, предшествующей иногда внесению протеста Председателем Верховного Суда СССР, мы указывали на возможность приобщения к протесту таких документов как заключение сведущих лиц по тому или другому вопросу. Такого рода «материалы» могут быть представлены и непосредственно в самый Пленум. Так, например, при рассмотрении в Пленуме протеста по делу Безбабичева (дело № 6) непосредственно в Пленум было представлено заключение профессора судебной медицины Авдеева, которого Председатель Верховного Суда СССР просил высказать свое мнение о качестве судебно-медицинской экспертизы, имевшейся в деле. «Хотя, говорится в постановлении, это заключение профессора Авдеева и не может рассматриваться как документ, имеющий процессуальное значение экспертизы, однако изложенные в нем соображения, колеблющие выводы экспертизы, вызывают сомнения в ее правильности и могут служить основанием для дальнейшего исследования дела». В постановлении, отменившем приговор трибунала и Военной железнодорожной коллегии с направлением дела на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия, указывалось на необходимость привлечения авторитетной судебно-медицинской экспертизы для суждения о правильности выводов имеющегося в деле акта экспертизы в свете соображений, изложенных в заключении проф. Авдеева.

¹ Проф. Строгович, Уголовный процесс, 1946, стр. 468. Не отрицает права вышестоящего суда войти в оценку доказательств, собранных по делу судом первой инстанции и Т. Перлов, но мы не можем согласиться с ним, что эти суды неправильно поступают, когда становятся на путь доверия тем свидетельским показаниям, которые отвергнуты судом первой инстанции, или, наоборот, высказывают недоверие тем свидетелям, которым поверил суд первой инстанции, не передавая последнему дело на новое рассмотрение (статья «Порядок обжалования и пересмотра приговоров должен быть более совершенным», Соц. законность, 1947, № 8). Такая точка зрения, по существу, является отказом от производства оценки доказательственного материала. Проф. Гродзинский, изучая практику Верховного Суда СССР, установил, между прочим, что он рассматривает враждебные отношения между обвиняемым и свидетелями как обстоятельство, ставящее под сомнение ценность показаний данного свидетеля, что, в свою очередь, влечет за собой отмену приговора, основанного на таких показаниях, для более тщательной их проверки. «Но в некоторых случаях, — пишет проф. Гродзинский, — когда эти показания явно лишены доказательственной силы, отменяется приговор, и дело прекращается производством» (указанная статья).

На примере дела Безбабичева мы видим, как Верховный Суд СССР проверяет законность и обоснованность приговора не только по имеющимся в деле, но и по добытым самим судом «материалам».

Принятие протеста не означает, что Пленум полностью разделит положения, изложенные в протесте. Так, например, иногда протест высказывается за направление дела на новое расследование. Пленум, соглашаясь, что дело не расследовано, приходит к заключению, что новое расследование или новое рассмотрение ничего не может дать. Протест принимается, но изменяется его «резолютивная» часть. Иногда, наоборот, протест высказывался за прекращение дела за невозможностью, как казалось внесшему протест, произвести новое расследование. Пленум соглашается, что приговор является необоснованным, но высказывается все же за направление дела на новое расследование. Примером такого рода постановления может служить дело Безбабичева (№ 6).

Если спор идет о размере наказания, то ставятся после принятия протеста как «основы» на голосование отдельные предложения о мере наказания.¹

При редактировании постановления учитываются соображения, высказанные во время обсуждения его. Иногда протесты Генерального Прокурора СССР, принятые Пленумом под влиянием обсуждения членами Пленума, превращались затем в развернутое постановление обобщающего характера. Примером может служить постановление Пленума по делу Затыка от 17 мая 1946 г. В постановлении было развито целое учение о пополнении пробелов Общей части УК, о чем и намек не было в протесте.²

Постановление подписывается Председателем Верховного Суда СССР и секретарем Пленума.

Советскому праву чужд институт «судебных прецедентов», т. е. чужда практика, когда правовые положения, высказанные или установленные судом в его решении по конкретному делу, становятся обязательными для других судов при разрешении аналогичных дел. Закон о судостроительстве не признает обязательности постановлений Пленума Верховного Суда СССР по конкретным делам.

Решение по конкретному делу отражает, по общему правилу, индивидуальные черты данного дела, но правовые положе-

¹ Подобным же образом и коллегии Верховного Суда СССР, рассматривая протесты в порядке надзора, вносят в них соответствующие изменения.

² Постановление с комментарием опубликовано в Сборнике судебной практики Верховного Суда СССР, составленном Исаевым и Пионтковским.

ния общего характера встречаются и в постановлениях Пленума по конкретным делам. Такого рода постановления принимаются Пленумом в ряде случаев. Так, в постановлении по одному конкретному делу от 8 января 1942 г. Пленум развил целое учение об «организаторе» преступления. Пленум указал, что роль организатора выходит за пределы соучастия, указанного в ст. 17 УК РСФСР и соответствующих статьях УК других союзных республик. Действия организатора не ограничиваются только подстрекательством или совершением подсобных действий, но выражаются в самой организации преступления, являющейся одним из наиболее важных элементов исполнения преступления. Поэтому организаторы преступления, хотя бы лично и не участвующие в выполнении самого преступления, должны рассматриваться как исполнители без ссылки на ст. 17 УК РСФСР, должны нести более суровую ответственность по сравнению с рядовыми исполнителями.

В другом постановлении, по делу Данилова от 13 июля 1944 г., Пленум установил ряд принципиальных уголовно-правовых и уголовно-процессуальных положений, связанных с решением вопроса о невменяемости. Пленум указал, прежде всего, на различную юридическую природу наказания, с одной стороны, и мер медицинского характера, с другой. Подробно мотивируя, Пленум указал далее, что решение суда о принятии мер принудительного лечения должно разрешаться не в подготовительном, а в судебном заседании, с вызовом свидетелей и экспертов, в присутствии обвиняемого (если его состояние допускает), с участием прокурора и защитника.¹

Принципиальные положения содержит постановление Пленума и по делу Сажина (дело № 3). В нем Пленум разъяснил впервые в судебной практике понятие эвентуального

¹ Постановление Пленума по делу Данилова (перепечатанное нами ниже, в № 2 а) учитывается советской теорией. Так, проф Строгович излагает процессуальный порядок назначения медицинских мер, следуя указанному постановлению. Автор указывает, что хотя проблема процессуального порядка назначения мер медицинского характера в законе и не разрешена и хотя полностью ее не разрешает и постановление по делу Данилова, но оно указывает вполне правильный путь (Уголовный процесс, 1946, стр. 499).

Всесоюзная инструкция о порядке применения принудительного лечения и других мер медицинского характера в отношении психических больных, совершивших преступление, от 25 марта 1948 г. также учла постановление Пленума по делу Данилова. Определение о принудительном лечении выносится в судебном заседании на основании рассмотрения заключения экспертов, а также разрешения вопроса о том, действительно ли те или иные общественно-опасные действия совершены невменяемым, и вопроса о степени его опасности (ст. 6).

умысла, которое имеет значение не только для практики, но и для советской теории уголовного права.

Все такого рода постановления не являются «прецедентами». На них суды не должны ссылаться. Но внутренняя их убедительность и теоретическая выдержанность выделяют их из обычных постановлений по конкретным делам. За этими постановлениями не «авторитет власти», а «власть авторитета», и суды могут разделять и соглашаться с положениями, высказанными в такого рода постановлениях. Следует только пожелать, чтобы постановления по конкретным делам помогали бы практике, поднимая ее на все большую теоретическую высоту, показывали бы связь конкретного юридического положения с более общими и принципиальными положениями советского права как уголовного, так и гражданского. Такого рода постановления имеют огромное значение и для советской теории права.

6

Особого внимания заслуживают постановления Пленума Верховного Суда СССР, носящие руководящий характер. Ст. 75 Закона о судостроительстве, помимо рассмотрения протестов на определения коллегий Верховного Суда СССР, возлагает на Пленум дачу «руководящих указаний на основании решений, принятых по рассмотренным Верховным Судом СССР судебным делам». Это не значит, что Пленум не может дать руководящих указаний по вопросу, который не возникал еще в практике самого Верховного Суда СССР. Согласно Положению о Народном Комиссариате юстиции СССР от 15 июня 1939 г. Народный комиссар, ныне Министр юстиции СССР, «изучает и обобщает судебную практику, ставит перед Пленумом Верховного Суда СССР вопросы о даче судам руководящих указаний в порядке ст. 75 Закона о судостроительстве» (ст. 7 п. «в»). В Министерство юстиции СССР могут скорее поступить с мест от органов юстиции представления о неправильном толковании новых законов судами, чем такого рода дела поступят в Верховный Суд СССР. Руководящие постановления, по общему правилу, принимаются в итоге рассмотрения отдельными коллегиями и Пленумом ряда дел, возбуждающих определенные вопросы, подлежащие авторитетному разрешению со стороны Пленума.

По установленному порядку проект руководящего постановления Пленума составляется Председателем Верховного Суда СССР и сообщается Министру юстиции СССР и Генеральному Прокурору СССР с просьбой дать на него в определенный срок письменный отзыв. Эти отзывы изучаются Предсе-

дателем Верховного Суда СССР, и, если проект руководящего постановления не вызывает возражений со стороны указанных лиц, то он размножается и сообщается при* «повестке» всем членам Верховного Суда СССР. Если же у Министра юстиции СССР или у Генерального Прокурора СССР имеются поправки, то они изучаются Председателем Верховного Суда СССР и, если он согласится с этими поправками или предложениями, то вносит соответствующие изменения, дополнения и т. п. в проект постановления. Возможно и личное совещание Председателя Верховного Суда СССР с Министром юстиции СССР и с Генеральным Прокурором СССР по вопросу о проекте руководящего постановления.

Обсуждение проекта иногда приводит к принятию Пленумом и поправок, вносимых тут же в проект постановления.

В практике бывают случаи, когда постановлению по конкретному делу Пленумом может быть придано руководящее значение, т. е. когда определенное правовое положение, высказанное в постановлении по конкретному делу, приобретает характер руководящего указания в смысле ст. 75 Закона о судостроительстве. При обсуждении протеста по конкретному делу может, например, выявиться, что в практике по такого рода делам нет единства судебной политики, что суды по-разному толкуют тот или другой закон.¹

Иногда принятию руководящего постановления предшествует длительная, специальная работа — изучение Верховным Судом СССР сотен и даже тысяч дел. Так было, например, подготовлено постановление от 11 апреля 1941 г. «О судебной практике по делам о преступлениях, составляющих пережитки родового быта», или, например, постановление от 22 октября 1932 г. «О недостатках судебной практики по делам о преступлениях, предусмотренных Указом от 26 июня 1940 г.».

Постановления Пленума Верховного Суда СССР являются окончательными в том смысле, что они не подлежат обжалованию в какой-либо иной, высший орган, поскольку Пленум является высшей судебной инстанцией. Вместе с тем, согласно Конституции, Президиуму Верховного Совета СССР принадлежит право толкования законов (ст. 49 п. «б»), которое имеет общеобязательную силу и для Пленума Верховного Суда СССР. Возможно поэтому вхождение Генерального Прокурора СССР, не согласного с истолкованием закона Пленумом Верховного Суда СССР, в Президиум Верховного Совета СССР с соответствующим «представлением» (но не с протестом). Практика знает случаи, когда Президиум Верховного

¹ Одно такое постановление (по делу Ткаленко) опубликовано в сборнике, составленном Исаевым и Пионтковским, стр. 12 и сл.

Совета СССР Указом от 7 июля 1941 г. разъяснил, что постановление Пленума Верховного Суда СССР от 20 марта 1941 г. о том, что несовершеннолетние подлежат уголовной ответственности лишь за умышленные преступления, не соответствует закону от 7 апреля 1935 г., и тем самым аннулировал это постановление.

Постановления Пленума Верховного Суда СССР по конкретным делам не являются окончательными в том смысле, что они не могут быть пересмотрены самим Пленумом. Практика Пленума Верховного Суда СССР знает случаи и за последние годы, когда Председатель Верховного Суда СССР или Генеральный Прокурор СССР входят в Пленум с протестом на принятое ранее постановление Пленума по конкретному делу. Но такого рода случаи встречаются в виде исключения и в связи с выявлением новых обстоятельств по делу.

Принятые Пленумом руководящие постановления Министерства юстиции СССР размножаются типографским путем и рассылаются всем судебным органам. Руководящие постановления публикуются также и в сборниках судебной практики, издаваемых под редакцией Председателя Верховного Суда СССР. В этих сборниках помещаются также отдельные постановления Пленума по конкретным делам, а также отдельные определения коллегий Верховного Суда СССР, Председателя Верховного Суда СССР. Для опубликования отбираются постановления и определения, представляющие более или менее значительный теоретический и практический интерес. В сокращенной редакции постановления Пленума по конкретным делам опубликовываются и в журнале «Социалистическая законность».

В заключение остановимся на юридической природе руководящих постановлений Пленума Верховного Суда СССР. Мы считаем их одним из источников советского права. В основу аргументации, отрицающей за ними такое значение, кладется ст. 112 Конституции, устанавливающая принцип: судьи подчиняются только закону. Но никто не сможет утверждать, что ст. 112 имеет в виду только законы в смысле актов Верховного Совета СССР, верховных советов союзных и автономных республик. Общеизвестно, что источниками права являются и Указы Президиума Верховного Совета СССР, и указы президиумов верховных советов союзных и автономных республик, постановления и распоряжения Совета Министров СССР, союзных и автономных республик, приказы и инструкции министров, распоряжения и решения местных Советов депутатов трудящихся. Такого рода акты принято называть «подзаконными». Такими же подзаконными актами являются

и руководящие постановления Пленума Верховного Суда СССР, принимаемые на основании и в пределах действующих законов. Руководящие указания могут и пополнять пробелы нашего законодательства, как их пополняют «подзаконные» акты других органов, но это пополнение идет в развитие советских законов и не должно им противоречить.

Проф. Вильнянский еще в 1939 г. обращал внимание советских юристов на то, что Закон о судостроительстве расширил компетенцию Верховного Суда СССР в лице его Пленума по сравнению с положением о Верховном Суде СССР 1929 г. Положение предоставляло Пленуму Верховного Суда СССР право давать руководящие разъяснения и толкования общесоюзного законодательства, тогда как Законом о судостроительстве эти ограничения для руководящих указаний Пленума не предусматриваются. В этом проф. Вильнянский видит признание за Пленумом правотворческой роли.¹

Пленум принимает руководящие постановления, исходя из действующих законов. С течением времени законы могут изменяться. Тем самым и постановления Пленума могут оказаться не соответствующими действующему законодательству. Для облегчения судебной практики полезно время от времени издавать сборники действующих постановлений. Весной 1941 г. Пленум Верховного Суда СССР пересмотрел все свои директивные письма и руководящие постановления за 16 лет, с 1924 г. по 1940 г., и вынес 8 мая 1941 г. постановление об отмене или изменении некоторых директивных писем и руководящих постановлений по уголовным и гражданским делам, противоречащих последующему законодательству. Затем был издан соответствующий сборник.² В 1946 г. вышел такой же сборник, охватывающий период с 1924 г. по 1944 г. включительно.³

7

Если мы поставим перед собой вопрос, какие черты являются наиболее характерными для работы Верховного Суда СССР, то мы должны, прежде всего, указать на демократичность советского высшего судебного органа. Можно смело сказать, что в странах капитализма верховные суды находятся на недостижимой высоте от широких народных масс.

¹ Вильнянский, К вопросу об источниках советского права, «Проблемы социалистического права», ВЮОН, 1939, № 4—5.

² Сборник действующих постановлений Пленума и директивных писем Верховного Суда СССР, под ред. И. Т. Голякова, 1941.

³ Сборник действующих постановлений Пленума и директивных писем Верховного Суда СССР 1924—1944 гг., изд. 1946.

Если вообще обращение к судам доступно лишь зажиточным слоям населения, то проведение какого-нибудь дела в Верховном суде доступно лишь очень богатым людям, которые могут оплатить колоссальные судебные издержки, в том числе обращение к «светилам» адвокатуры.

Наш Верховный Суд СССР доступен любому гражданину. Любой гражданин, считающий, что какой-либо суд вынес неправильный приговор или неправильное решение, может написать заявление на имя Председателя Верховного Суда СССР, к которому отнесутся с таким же вниманием как к жалобе осужденного или одной из сторон в гражданском процессе. Никаких «форм» от жалобы не требуется. Доступен наш Верховный Суд и нижестоящим судам, которые могут обращаться к Председателю Верховного Суда СССР с «представлением». Обращаются отдельные работники к Председателю Верховного Суда СССР и за «консультацией» по тем или другим юридическим вопросам. В этих консультациях Председатель Суда никогда не отказывает, подчеркивая каждый раз, что он высказывает свое чисто личное мнение.

Ст. 15 Закона о судостроительстве, дающая право представлять в Верховный Суд новые материалы, опять-таки не ограничивает представление их какими бы то ни было формальными условиями.

Второй характерной чертой в деятельности Верховного Суда СССР является стремление установить по делу материальную истину. Проверка законности и обоснованности приговора или решения служит именно этим задачам.

«В советском уголовном процессе цель обнаружения материальной истины является господствующей, и ее достижению служат все процессуальные средства, устанавливаемые советским уголовно-процессуальным законодательством».¹

Надзорный порядок рассмотрения дел, по которым приговор или решение вошло в законную силу, и является одним из средств установления по делу материальной истины. Отсюда и несвязанность принесения протеста какими-либо формальными основаниями. Но, как уже подчеркивалось, дискреционное право принесения протеста осуществляется не по произволу, а в интересах советского правосудия, в интересах установления материальной истины по делу.

Третьей характерной чертой Верховного Суда СССР является осуществление им единства советской судебной системы. Верховный Суд СССР направляет работу всех судов Союза ССР и союзных республик. Верховный Суд СССР

¹ Строгович, Учение о материальной истине в уголовном процессе, 1947, стр. 153.

в лице своего Председателя, Пленума и Военной коллегии направляет работу и таких специальных судов как военные трибуналы. В отличие от дореволюционной России, в отличие от империалистических стран, имеющих отдельные военно-уголовные и военно-уголовно-процессуальные кодексы и особую военно-судебную систему, в СССР нет ни самостоятельных военно-уголовных кодексов, ни изолированной от общих судов военно-судебной системы.

Согласно Конституции Верховный Суд СССР является хранителем и проводником единства советской судебной системы.

Четвертой характерной чертой в деятельности Верховного Суда СССР является разнообразие функций, присущее ему. Верховный Суд может действовать и как суд первой инстанции, Верховный Суд постоянно действует и как кассационная инстанция. Но специфика Верховного Суда СССР состоит в том, что он является высшей надзорной инстанцией, и наряду с особыми функциями своего Председателя обладает таким единственным органом в системе советской юстиции как его Пленум.

Пятой характерной чертой деятельности Верховного Суда СССР является то, что она служит богатейшим источником для советской теории права — уголовного, гражданского и др. Если мы обратимся к учебникам по отдельным отраслям советского права или к монографиям последних лет, то мы убедимся, насколько широко теория использует практику Верховного Суда СССР. Только в практике и познается истинное значение того или другого закона. Путем анализа практики Верховного Суда СССР наши теоретики-процессуалисты создают советскую теорию доказательств. Писать теоретические исследования о советском уголовном, гражданском, трудовом и другом праве, без привлечения судебной практики — это значит заниматься пустым «теоретизированием». В этом отношении советская теория еще в большом долгу перед практикой. Следует отметить, что, в свою очередь, и Верховный Суд СССР отнюдь не чуждается теории, и в ряде постановлений и определений Верховного Суда мы можем установить влияние советской теории на практику.

**НЕПРИМЕНИМОСТЬ АНАЛОГИИ, ЕСЛИ
ОБЩЕСТВЕННО-ОПАСНОЕ ДЕЙСТВИЕ ПРЯМО
ПРЕДУСМОТРЕНО СТАТЬЕЙ УГОЛОВНОГО КОДЕКСА**

*Постановление Пленума Верховного Суда СССР
от 19 марта 1948 г.*

По приговору Военного трибунала от 8 августа 1947 г. Швидкий был осужден по ст. 170—7 п. «г» и 206—7 п. «б» УК УССР по совокупности к пяти годам лишения свободы в исправительных трудлагерях без поражения в правах.

Приговором установлено, что, будучи коневодом управления штаба дивизии, Швидкий самовольно взял из конюшни обозную лошадь, принадлежащую одному из полков дивизии, на которой без разрешения командования уехал к одному знакомому, где с двумя сослуживцами участвовал в пьянке. Будучи в нетрезвом виде, Швидкий был ими доставлен в расположение части, а уведенная лошадь осталась на дворе у знакомого без присмотра и была похищена неизвестными лицами. Кроме того, Швидкий был признан виновным в том, что он совершил несколько самовольных отлучек, продолжительностью свыше двух часов.

Военный трибунал военного округа, рассмотрев 4 сентября 1947 г. дело по кассационной жалобе осужденного, нашел, что так как Швидкий лошади не похищал, а самовольно взял на конюшне части в присутствии военнослужащих и впоследствии лошадь была похищена в результате проявленной Швидким халатности, то действия его надлежало квалифицировать по ст. ст. 7—206—14 п. «в» и 206—7 п. «б» УК УССР. Ввиду этого Военный трибунал округа определил приговор Военного трибунала гарнизона изменить, квалифицировать действия Швидкого по ст. ст. 7—206 п. «в» и 206—7 п. «б» УК УССР и по совокупности определить ему наказание в виде одного года лишения свободы с отбытием в общих местах заключения. Учитывая, что Швидкий более шести месяцев находился

под стражей и что по возрасту он подлежит демобилизации из Советской Армии, Военный трибунал определил, на основании ст. 48 УК УССР, неотбытый им срок наказания считать условным с испытательным сроком на 2 года.

По этому делу Генеральный Прокурор СССР внес в порядке надзора протест в Военную коллегия Верховного Суда СССР. В протесте было указано, что Военный трибунал округа неосновательно применил к Швидкому ст. 206—14 п. «в» по аналогии, т. е. через ст. 7 УК УССР, так как действия Швидкого прямо подпадают под признаки п. «в» ст. 206—14 УК УССР, и применения аналогии в данном случае не требовалось.

Своим определением от 29 ноября 1947 г. Военная коллегия Верховного Суда СССР признала установленным, что Швидкий увел лошадь, не закрепленную за ним, без разрешения командования. При таких данных дела преступление Швидкого, по мнению Коллегии, было правильно квалифицировано Военным трибуналом гарнизона по ст. 7—170 п. «г» УК УССР и у Военного трибунала округа не было оснований к переквалификации действий Швидкого со ст. 7—170 п. «г» УК УССР на ст. 7—206—14 п. «в» того же УК. Поэтому Коллегия определила отменить определение Военного трибунала округа и передать дело на новое кассационное рассмотрение.

Определение Военной коллегии подлежит отмене по следующим основаниям:

1. Ст. 206—14 УК УССР предусматривает наряду с промотанием и умышленным повреждением или уничтожением указанных в соответствующих пунктах этой статьи предметов военного имущества также и нарушение правил их хранения. Если промотание, уничтожение и повреждение указанных предметов может быть только умышленным, то нарушение правил их хранения может быть как умышленным, так и неосторожным. Под правилами хранения следует понимать все требования, которые предъявляются каждому военнослужащему в отношении сохранности находящегося в его личном пользовании или служебном употреблении военного имущества, независимо от того, выражены ли эти требования в уставах, инструкциях, приказах и т. п. То обстоятельство, что Швидкий взял лошадь самовольно, не освобождало его от обязанности относиться со всей бережностью к находящемуся в его пользовании военному имуществу. Есследствие этого следует прийти к заключению, что преступное действие Швидкого, как оно установлено приговором Военного трибунала гарнизона, предусмотрено ст. 206—14 УК УССР. Применение по аналогии статей Особенной части советских УК может

иметь место лишь на строгом основании закона. Ст. 7 УК УССР требует для применения аналогии, чтобы общественно-опасное действие не было прямо предусмотрено Кодексом. В данном случае действие Швидкого было прямо предусмотрено Кодексом и потому отпадала необходимость применять аналогию.

2. Но если бы даже действия Швидкого и не были прямо предусмотрены той или иной статьей Особенной части УК, следует признать совершенно неправильным, что как Военный трибунал гарнизона, так и Военная коллегия применили к действиям Швидкого по аналогии ст. 170 п. «г», т. е. признали по аналогии его действия кражей. Помимо того, что для применения аналогии требуется, чтобы общественно-опасное действие не было прямо предусмотрено Кодексом, закон требует, чтобы основания и пределы ответственности за это действие были определены по аналогии с теми статьями Кодекса, которые предусматривают «наиболее сходные по важности и роду преступления». Совершенно ясно, что преступно небрежное отношение к военному имуществу, признанное судом первой инстанции и Военной коллегией по данному делу, не только не является «наиболее сходным» с кражей такого имущества, но вообще ничего общего, кроме объекта преступления, указанные преступления не имеют. Кража является умышленным преступлением, сознательным посягательством на государственное в данном случае имущество с целью его присвоения. В действиях Швидкого, выразившихся в небрежном хранении лошади, находившейся в его пользовании, не было ни умысла, ни какой-либо корыстной цели. Помимо полного несходства основных элементов в составе преступления, применение по аналогии к действиям Швидкого статьи о краже противоречит и социально-политической природе обоих преступлений.

Если Военный трибунал округа ошибочно сослался на аналогию, применяя к действиям Швидкого ст. 206—14 УК УССР, то во всяком случае социально-политическая природа преступления Швидкого была им правильно определена, чего нельзя сказать ни в отношении приговора Военного трибунала гарнизона, ни в отношении определения Военной коллегии.

На основании изложенного и учитывая вместе с тем, что Военный трибунал округа неправильно определил считать условным оставшийся срок наказания, назначив тем самым двойной порядок отбытия наказания, Пленум Верховного Суда СССР постановляет:

Определение Военной коллегии Верховного Суда СССР от 29 ноября 1947 г. по делу Швидкого отменить и, оставив в от-

ношении его в силе определение Военного трибунала округа от 4 сентября 1947 г., исключить из этого определения ссылку на ст. 7 УК УССР и указание на то, что оставшийся срок наказания считается условным; снизить Швидкому наказание до шести месяцев лишения свободы с зачетом времени, отбытого под стражей.

КОММЕНТАРИИ

1. Пленум Верховного Суда СССР тщательно следит за тем, чтобы аналогия (ст. 16 УК РСФСР и соответствующие статьи УК других союзных республик) применялась на точном основании закона. Для применения аналогии требуется, чтобы общественно-опасное действие не было прямо предусмотрено какой-либо статьей Уголовного кодекса. Несоблюдение этого условия составляет прямое нарушение закона. Пленум установил, что в действиях Швидкого имелось нарушение правил хранения военного имущества, что прямо предусмотрено ст. 206—14 УК УССР (193¹⁴ УК РСФСР). Вместе с тем Пленум остановился и на другом условии применения аналогии — требовании, чтобы при аналогии к общественно-опасному действию применялась статья, «наиболее сходная по важности и роду преступления», как указывается в ст. 7 УК УССР (в УК РСФСР ст. 16 — «наиболее сходная по роду преступления»).

Пленум правильно указал, что между кражей военного имущества и небрежным к нему отношением нет ничего общего, кроме «объекта» преступления. Пленум не ограничился, однако, одной «юридической» аргументацией. Он указал, что глубоко различна социально-политическая природа таких преступлений, как кража военного имущества, с одной стороны, небрежное отношение к нему, с другой стороны.

В странах капитализма корысть, как таковая, не рассматривается как антиобщественная черта человека. Паразитический способ обогащения путем эксплуатации наемного труда, путем финансовых, биржевых и торговых спекуляций является вполне законным. Кража карается как преступление, но потому, что субъектом этого преступления являются преимущественно, если не исключительно, неимущие классы.

В советском уголовном праве общим образом корыстные побуждения считаются низменными побуждениями, наличие их усиливает вину, отсутствие смягчает вину (ст. ст. 47 п. «г», 48 п. «в» УК РСФСР и соответствующие статьи УК других союзных республик). Борьба с хищениями социалистического имущества, борьба с кражей и иными хищениями имущества граждан является борьбой за окончательную ликвидацию пе-

режитков капитализма в психологии советского человека. Отсюда и политическое значение исторических указов от 4 июня 1947 г. и недопустимость применения к случаям небрежного отношения к государственному имуществу постановлений о его хищении.

В своей монографии «Учение о составе преступления» проф. Трайнин указывает, что специфичность социалистической формы советского законодательства находит свое яркое выражение в особенностях конструкции составов преступлений. В этом отношении заслуживает внимания, по мнению автора, нередкое сочетание в тексте закона, с одной стороны, элементов, характеризующих состав преступления, с другой стороны, признаков, относящихся к его политической характеристике. В качестве иллюстрации проф. Трайнин указывает на закон от 7 августа 1932 г., в котором давалась четкая политическая характеристика, с одной стороны, объекта посягательства — социалистической собственности, как священной и неприкосновенной основы советского строя, с другой стороны, субъектов посягательства — людей, покушающихся на общественную собственность, как врагов народа. Указывает проф. Трайнин и на некоторые другие законодательные акты.¹

Указ от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества», хотя и не воспроизводит социально-политическую характеристику преступления, содержащуюся в законе от 7 августа 1932 г., но тем не менее эта характеристика внутренне, конечно, присуща и Указу от 4 июня 1947 г., поскольку Конституция о социалистической собственности говорит как о священной и неприкосновенной основе советского строя.

2. В постановлении по делу Швидкого можно усмотреть различие между аналогией и распространительным толкованием. Ст. 193¹⁴ УК РСФСР говорит о нарушении правил хранения военного обмундирования и предметов военного обмундирования и снаряжения, «выданных для временного или постоянного пользования». Швидкому лошадь не была выдана для пользования, он взял лошадь самовольно. Но это не освобождало его, как указывает Пленум, от обязанности со всей бережностью относиться к находящемуся в его пользовании военному имуществу. Смысл закона заключается в требовании от каждого военнослужащего соблюдения правил хранения военного имущества. «Под правилами хранения следует понимать не только писаные, но и неписаные правила... Под правилами хранения следует понимать все те тре-

¹ Трайнин, Учение о составе преступления, 1946, стр. 106 и сл.

бования, которые предъявляются каждому военнослужащему в отношении сохранности находящегося в его личном пользовании или служебном употреблении военного имущества, независимо от того, зафиксированы или нет эти требования в уставах, приказах, инструкциях и т. д...».¹ Военная присяга требует от каждого военнослужащего «всемерно беречь военное и народное имущество». Распространительное толкование ст. 193¹⁴ УК РСФСР в деле Швидкого является вполне обоснованным, наоборот, ограничение ее применения лишь случаями «выдачи» военного имущества в пользование военнослужащему противоречило бы социально-политическому смыслу ст. 193¹⁴ УК РСФСР и соответствующих статей УК других союзных республик.

3. Постановление по делу Швидкого затрагивает и вопросы назначения наказания. Пленум указал на недопустимость «двойного порядка» отбывания наказания, т. е. указания на то, что оставшийся неотбытым срок наказания должен считаться условным. Действительно, такого рода приговор не может быть обоснован. С точки зрения закона условным может быть лишь весь срок назначенного приговором лишения свободы или исправительно-трудовых работ.

¹ Чхиквадзе, Военно-уголовное право, Особенная часть, 1947, стр. 148 (комментарии к ст. 193¹⁴ УК РСФСР).

ВОПРОСЫ ВМЕНЯЕМОСТИ

*Постановление Пленума Верховного Суда СССР
от 13 июля 1944 г. по делу Данилова*

Согласно определению подготовительного заседания судебной коллегии по уголовным делам Новосибирского областного суда от 27 мая 1942 г. было прекращено в уголовном порядке за невменяемостью дело Данилова Алексея Викторовича, обвинявшегося по статье 58¹⁰ ч. 2 УК РСФСР; вместе с тем суд определил применить к Данилову меру социальной защиты медицинского характера в виде принудительного лечения в Томской психолечебнице, не соединенного с изоляцией.

Это определение было опротестовано Прокурором РСФСР в Судебную коллегию по уголовным делам Верховного Суда РСФСР. В своем протесте Прокурор указал, что по смыслу ст. ст. 11 и 24 УК РСФСР принудительное лечение является мерой наказания судебно-медицинского характера, должно назначаться только приговором суда и не могло быть назначено определением подготовительного заседания. В связи с этим Прокурор просил отменить определение и передать дело для рассмотрения в судебном заседании. Определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР от 24 апреля 1943 г. протест был отклонен; при этом Коллегия без каких-либо обоснований ограничилась немотивированным указанием на то, что для назначения принудительного лечения при наличии для этого данных, собранных до слушания дела, не требуется судебного заседания.

Вышеуказанные оба определения были опротестованы Прокурором СССР в Судебную коллегию по уголовным делам Верховного Суда СССР. В своем протесте Прокурор указал, что любая мера социальной защиты, в том числе и медицинского характера, избирается только приговором суда. Поэтому Прокурор просил отменить оба определения, и дело

передать на новое судебное рассмотрение в судебном заседании.

Определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР от 16 февраля 1944 г. определения Верховного Суда РСФСР и Новосибирского областного суда были отменены, и дело передано в Новосибирский областной суд для рассмотрения в судебном заседании. При этом Коллегия указала, что любая мера наказания, в том числе и медицинского характера, избирается только приговором суда.

Определение Коллегии не может быть оставлено в силе по следующим основаниям:

1. Согласно ст. 9 УК РСФСР и ст. 3 Закона о судостроительстве наказание является одновременно мерой карательного и исправительного характера, применяемой к лицу, признанному виновным в совершении того или иного преступления. Наказание не может быть применено к лицу, которое не признано виновным. Одним из обязательных условий признания виновности является вменяемость обвиняемого. Поэтому к лицу невменяемому не может быть применено наказание. В связи с этим следует признать неправильным определение Коллегии в той его части, в которой Коллегия включает меры медицинского характера, применяемые к невменяемым, в число мер наказания.

Сами задачи и цели мер наказания и мер медицинского характера по своей природе являются различными. Если наказание ставит себе целью покарать и исправить преступника, то меры медицинского характера ставят себе целью излечить больного и защитить общество от опасных действий больного, допущенных им вследствие своего болезненного состояния. В этом отношении меры медицинского характера могут с полным правом именоваться мерами социальной защиты, в отличие от мер наказания, к которым этот термин неприменим и хотя и употребляется в УК и Основных началах уголовного законодательства, но должен, как термин в отношении мер наказания, считаться отвергнутым последующим законодательством, в частности, ст. 3 и ст. 4 п. «а» Закона о судостроительстве.

2. Неправильно также указание Коллегии, что мера медицинского характера избирается только приговором суда. Наоборот, решение суда о применении меры медицинского характера не может именоваться приговором, так как, согласно п. 9 ст. 23 УПК РСФСР, приговором называется решение суда о виновности или невинности обвиняемого. В данном случае решение суда не может быть решением о виновности, так как лицо невменяемое ни при каких условиях не может

быть признано виновным. Решение это, однако, не может считаться и решением о невиновности. Невиновность по закону признается в трех случаях: а) когда лицо не совершило инкриминируемых действий; б) когда сами эти действия не содержат состава преступления; в) когда не доказано совершение преступных действий. Только при наличии одного из указанных условий вменяемый обвиняемый признается невиновным. Что же касается невменяемого, то освобождение его от наказания имеет место по основаниям, которые не подходят ни под одно из указанных оснований невиновности, поскольку невменяемый не отвечает за свои действия и в том случае, если они доказаны и объективно содержат состав преступления. Поэтому как виновными, так и невиновными могут быть признаны только лица вменяемые. Поскольку таким образом, решение суда о применении к невменяемому мер медицинского характера не является решением о виновности или невиновности, такое решение не может быть вынесено в форме приговора по делу, а в силу п. 10 ст. 23 УПК РСФСР выносится в форме определения. Именно этим объясняется, что в силу ст. 322 УПК РСФСР суд в отношении невменяемого выносит не оправдательный приговор, а определение о прекращении дела и при этом входит в обсуждение вопроса о применении меры социальной защиты. По смыслу этой статьи в случае признания необходимости применения к невменяемому мер медицинского характера это решение суда включается в определение о прекращении дела.

По указанным основаниям определение Судебной коллегии Верховного Суда СССР подлежит отмене, как содержащее в себе вышеуказанные утверждения, не основанные на законе.

Независимо, однако, от изложенного не может быть признано правильным и определение Судебной коллегии Верховного Суда РСФСР, указывающее, что меры медицинского характера могут быть применены в подготовительном заседании. Определение это неправильно по следующим основаниям:

1. Согласно ст. 203 УПК РСФСР для применения мер медицинского характера дело направляется в суд. Нигде в УПК не содержится указаний на то, что эти вопросы решаются в подготовительном заседании. В частности, ст. 236 УПК РСФСР, перечисляя основания для внесения дела в подготовительное заседание, не включает в них решение вопроса о применении мер медицинского характера. Не содержит в себе этого основания также ст. 27 Закона о судостроительстве, а равно и постановление 54 Пленума Верховного Суда СССР от 29 марта 1936 г., содержащее в себе пе-

речень вопросов, разрешаемых в подготовительном заседании. Поэтому следует признать, что, требуя передачи дела в суд, закон имеет в виду не подготовительное, а судебное заседание, тем более, что в других случаях закон указывает, что соответствующие вопросы рассматриваются в подготовительном (распорядительном) заседании (см., например, ст. ст. 345, 346 и др. УПК РСФСР).

2. Вопрос о применении мер медицинского характера непосредственно связан с вопросом о социальной опасности невменяемого. Не являясь мерами наказания, эти меры являются, вместе с тем, мерами принуждения. В зависимости от степени социальной опасности невменяемого применяется либо принудительное лечение (п. «а» ст. 24 УК РСФСР), либо помещение в лечебное заведение в соединении с изоляцией (п. «б» той же статьи). Степень социальной опасности невменяемого определяется не только степенью его болезненного состояния, но и характером и содержанием тех опасных действий, которые им совершаются в результате его болезненного состояния. Поэтому как признание самого факта социальной опасности, требующей применения мер принуждения, так и выбор этих мер в зависимости от степени этой социальной опасности, могут потребовать от суда выполнения ряда судебных действий, которые не могут быть выполнены в подготовительном заседании, как-то: вызова и допроса эксперта, вызова свидетелей (например, для установления, действительно ли имели место те или иные опасные действия со стороны невменяемого, выяснение среды и обстановки, в которой находится невменяемый, и т. д.). Все эти вопросы имеют существенное значение для суждения не о невменяемости привлеченного лица, которая считается уже установленной, а для установления степени социальной опасности и для суждения по вопросу о потребных мерах медицинского характера. При этом не исключено, что законные представители невменяемого (родственники, защитник) будут выступать в суде с ходатайством о неприменении к невменяемому мер принуждения: эти ходатайства подлежат рассмотрению суда на общих основаниях.

По всем изложенным основаниям необходимо признать, что вопрос о применении мер медицинского характера решается судом в судебном заседании и оформляется в виде определения по делу.

При всех указанных условиях надлежало бы отменить все состоявшиеся судебные решения по делу с передачей дела на судебное рассмотрение в судебном заседании. Учитывая, однако, что с момента вынесения определения подгото-

вительного заседания прошло свыше двух лет, что по всем обстоятельствам дела применение к Данилову мер принудительного лечения не может по существу вызвать возражений. Передача дела на новое рассмотрение является нецелесообразной.

Ввиду изложенного Пленум Верховного Суда СССР постановляет:

Указанные выше определения судебных коллегий по уголовным делам Верховного Суда СССР и РСФСР по данному делу отменить, оставив в силе определение подготовительного заседания Новосибирского областного суда от 27 мая 1942 г. и ограничившись указанием суду, что меры медицинского характера должны применяться определением не подготовительного, а судебного заседания.

КОММЕНТАРИИ

Наш закон не определяет понятия «вменяемости», но его легко установить на основании ст. 11 УК РСФСР. Вменяемым является лицо, которое во время совершения общественно-опасного действия (преступления) могло отдавать отчет в своих действиях и руководить ими. «Отдавать отчет» в своих действиях, значит понимать не только фактическую сторону их, но также их общественное значение. Лицо потому и считается невменяемым, что вследствие расстройства своей душевной деятельности оно не в состоянии отдать себе отчет в общественно-опасном характере своих действий, или же не отдавая отчет, вследствие болезненности своей психики, не в состоянии контролировать, руководить своими действиями.

Лица невменяемые не в состоянии руководствоваться теми правилами, теми нормами, которые установлены советским правом. Психически нормальные люди отдают себе отчет, какие вообще действия советский правовой порядок считает общественно-опасными, отдают себе отчет об общественно-опасном и противозаконном характере таких действий, как кража, убийство, измена родине и т. п.

Цель наказания — покарать и, поскольку это возможно, исправить преступника. Эти задачи свойственны именно мерам наказания. На это указывает и постановление по делу Данилова. Одним из существенных признаков наказания является момент осуждения, порицания как преступника, так и преступления, совершенного им, советским судом от имени государства. Такое осуждение и может быть направлено лишь «в адрес» вменяемого человека.

Поскольку лицо, совершившее общественно-опасное действие, признано невменяемым, к нему не может быть обраще-

но осуждение со стороны советского суда от имени государства. Это не означает, однако, что советский правопорядок не должен реагировать на общественно-опасное действие, совершенное невменяемым, и на социальную опасность, которую он представляет. То обстоятельство, что невменяемым совершено общественно-опасное действие, и побуждает советский закон возложить реагирование на это действие на суд, а не на какой-либо административный орган. Только суд может авторитетно установить, было ли вообще лицом невменяемым совершено общественно-опасное действие. Затем, только суд может, установив наличие социальной опасности, представляемой невменяемым, решить, какие меры медицинского характера должны быть применены к такому лицу.

Постановление по делу Данилова совершенно правильно указывает, что меры медицинского характера ставят целью не только излечить больного (если это требуется), но и защитить общество от опасных действий больного, допущенных им вследствие своего болезненного состояния. Имеется в виду, конечно, опасность совершения такого рода действия в будущем.

Необходимо признать, что этой стороне вопроса в советской литературе уголовного права не уделяется достаточного внимания. За невменяемым нельзя забывать интересы нашего социалистического общежития, которые могут быть нарушены лицами, признанными невменяемыми. Против такого рода лиц и должны быть приняты соответствующие меры медицинского характера, которые, как замечает постановление по делу Данилова, «могут, в отличие от мер наказания, с полным правом именоваться мерами социальной защиты».

Не являясь мерами наказания, меры медицинского характера являются, вместе с тем, мерами принуждения, связанными иногда и с изоляцией душевнобольного. Те или другие меры медицинского характера назначаются судом в зависимости, как указывает постановление, от степени социальной опасности невменяемого. «Степень социальной опасности невменяемого, указывает далее постановление, определяется не только степенью его болезненного состояния, но и характером и содержанием тех опасных действий, которые им совершаются в результате его болезненного состояния». Это указание является чрезвычайно важным, ибо нельзя при учете степени социальной опасности лица, признанного невменяемым, не считаться с тем, какого рода общественно-опасное действие совершено им — простое ли хулиганство, прогул без уважительных причин или же убийство, поджог, террористический акт.

Эти положения постановления по делу Данилова отражены в инструкции «О порядке применения принудительного лечения и других мер медицинского характера» от 25 марта 1948 г., утвержденной Министром здравоохранения СССР, Министром юстиции СССР, Министром внутренних дел СССР и Генеральным прокурором СССР.

УК РСФСР в ст. 24 предусматривает в качестве мер медицинского характера: а) принудительное лечение и б) помещение в лечебное заведение в соединении с изоляцией. Что эти меры применяются только к лицам, признанным невменяемыми, указывается в ст. 7 Основных начал уголовного законодательства СССР и союзных республик. Закон, вместе с тем, не определяет содержания этих мер медицинского характера. В настоящее время содержание этих мер раскрывается указанной Инструкцией от 25 марта 1948 г.

В качестве мер медицинского характера Инструкция предусматривает «принудительное лечение», с одной стороны, «отдачу на попечение родных и одновременно под врачебное наблюдение» — с другой стороны (ст. 1). Ст. 32 Инструкции указывает, что если суд признает ненужным применение принудительного лечения в психиатрических учреждениях душевнобольных, совершивших преступление, то, прекращая дело, он выносит определение об отдаче больного на попечение родных и одновременно под врачебное наблюдение. Таким образом, даже в случаях, где лицо, признанное невменяемым, не рассматривается как представляющее социальную опасность, все же его дальнейшее после прекращения дела поведение ставится под контроль компетентных медицинских органов. Формы надзора, продолжительность его и т. п. устанавливаются органами здравоохранения без касательства к этим вопросам суда и прокуратуры.

Все остальные статьи Инструкции посвящены такой мере медицинского характера, как «принудительное лечение». Инструкция различает две формы принудительного лечения: а) принудительное лечение в общих психиатрических лечебных учреждениях; б) принудительное лечение в специальных психиатрических учреждениях (или специальных отделениях общих психиатрических учреждений) в соединении с изоляцией — деление, соответствующее делению мер медицинского характера в ст. 24 УК РСФСР.

Принудительное лечение психически больных, совершивших преступление, назначается судебными органами. Определение о принудительном лечении выносится в судебном заседании на основании рассмотрения заключения экспертов, а также рассмотрения вопроса о том, действительно ли те или

иные общественно-опасные действия совершены невменяемым, и на основании рассмотрения степени опасности невменяемого для общества (ст. 5).

Срок принудительного лечения судебными органами не устанавливается (ст. 6). Эта норма является вполне правильной, ибо нельзя заранее назначить срок, когда психически больной вылечится. Но вместе с тем ст. 20 предписывает всех больных, находящихся на принудительном лечении, обязательно подвергать через каждые шесть месяцев переосвидетельствованию в комиссии для определения их состояния и возможности постановки вопроса о прекращении принудительного лечения или об изменении формы принудительного лечения (перевод из специального психиатрического учреждения в общее), или об отдаче на попечение родным и одновременно под врачебное наблюдение. Правильнее было бы сказать о возможности замены принудительного лечения в соединении с изоляцией принудительным лечением в общих психиатрических учреждениях. Это, конечно, и разумеет Инструкция, поскольку она допускает прекращение принудительного лечения вообще.

Требование пересмотра переосвидетельствования в комиссии преследует создание определенных правовых гарантий для психически больного, признанного невменяемым. Он не должен быть «забыт» в психиатрическом учреждении. С другой стороны, лицо, признанное невменяемым и вместе с тем требующим принудительного лечения, не может быть освобождено ранее шестимесячного пребывания в соответствующем учреждении. Эта новая норма советского уголовного права должна предупредить слишком быстрое и неосмотрительное освобождение лица, признанного невменяемым.

Как назначение принудительного лечения вообще, так и прекращение его, а равно изменение формы принудительного лечения — подлежит ведению суда, назначившего принудительное лечение или иного равнозначущего суда по месту нахождения психиатрического учреждения (ст. 21). Такая серьезная мера, как принудительное лечение, должна быть поставлена под контроль судебных органов.

Принудительное лечение, в обеих его формах, должно проводиться психиатрическими учреждениями с соблюдением условий, обеспечивающих необходимое лечение и обслуживание психически больных, а также предупреждающих возможность с их стороны побегов и других эксцессов (ст. 15). Но в то время, как для больных, находящихся на принудительном лечении без изоляции, отпуск из больницы, а равно выход за пределы больницы, может быть в исключительных случаях

разрешен администрацией больницы с обеспечением надзора, для душевнобольных, находящихся на принудительном лечении с изоляцией, как отпуск, так и выход за пределы больницы, категорически запрещается (ст. 17). В этом и сказывается наиболее существенное отличие одной формы принудительного лечения от другой формы.

Принудительное лечение лиц, привлекающихся по делам о контрреволюционных и иных особо опасных преступлениях, возлагается на органы здравоохранения совместно с органами Министерства внутренних дел, для чего в ведении МВД организуются специальные больницы (ст. 12).

С утверждением Всесоюзной инструкции от 25 марта 1948 г. потеряла свою силу Инструкция НКЮ и НКЗ РСФСР от 17 февраля 1935 г. «О порядке назначения и проведения принудительного лечения психически больных, совершивших преступление», которую излагает Учебник Общей части уголовного права ВИЮН (3-е изд., 1943, стр. 131—132).

**НЕДОПУСТИМОСТЬ ЛОМБРОЗИАНСКИХ
И НЕОЛОМБРОЗИАНСКИХ УСТАНОВОК ПРИ
РАЗРЕШЕНИИ ВОПРОСА О НЕВМЕНЯЕМОСТИ.
ОТСУТСТВИЕ ПОНЯТИЯ УМЕНЬШЕННОЙ
ВМЕНЯЕМОСТИ В СОВЕТСКОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ.**

I

Летом 1946 г. в Верховный Суд СССР отцом К., а также адвокатом О. были по делу К. поданы жалобы в порядке надзора. К жалобам были приложены три «справки», выданные проф. Серейским на бланках с грифом «Директор такого-то учреждения», но исходящие лично от проф. Серейского. «Справки» гласят следующее:

1

К. я знаю в качестве больного с 1934 г. Последний осмотр имел место 20.VIII с. г.

К. относится к разряду патологических личностей, развитие которых было в значительной мере предопределено перенесенным в раннем детстве энцефалитом и хореей (пляска св. Витта). К тому же он происходит из наследственно крайне отягченной по линии психического отклонения семьи.

На почве органического поражения мозга у него развернулся так называемый «ан-этический синдром», выражающийся в немотивированных колебаниях настроений, хвастовстве, лживости, непоследовательности поступков, идущих нередко во вред самому себе.

Эти психопатические особенности личности усугубились благодаря перенесенному ранению и контузии на фронте.

Правонарушения, которые инкриминируются К., вытекают из органических дефектов психики, которые обрисованы выше.

Принимая во внимание, что психопатия К. развернулась на почве органического поражения центральной нервной системы, было бы правильно в этом случае говорить об «уменьшенной вменяемости».

19—30/V 1945 г. Проф. Серейский.

Справка

Дана в том, что в согласии с представленным мною заключением о состоянии здоровья К. он нуждается в систематическом психиатрическом лечении, предположительно так называемой электросудорожной терапии.

8/XI 1945 г. Проф. Серейский.

В дополнение к справке, выданной мной от 30/V 1945 г. в отношении К., считаю уместным сообщить, что ан-этический синдром, о котором я упоминал, включает в себе и проступки, касающиеся денежных растрат.

Такие лица отличаются слабоволием, легче поддаются под чужое тлетворное влияние и могут совершать растраты и тому подобное.

17/II 1946 г. Проф. Серейский.

При рассмотрении дела Председателем Верховного Суда СССР было обращено внимание на то, что проф. Серейский высказывается за наличие у К. «уменьшенной вменяемости».

Советскому уголовному праву чуждо такое понятие. Наш закон (ст. 11 УК РСФСР и соответствующие статьи УК других союзных республик) имеет в виду вменяемость и невменяемость. Союзная инструкция от 17 февраля 1940 г. указывает, что эксперт дает заключение о вменяемости испытуемого в момент совершения преступления. «Заключение» проф. Серейского об уменьшенной вменяемости К. в свою очередь приводится адвокатом в поданной им жалобе в качестве аргумента в пользу «уменьшенной ответственности» К. Такого рода заключения, несомненно, противоречат и закону и Инструкции от 17 февраля 1940 г.

Поскольку далее проф. Серейский утверждал в своей «справке», что патологическое развитие личности К. было «предопределено» перенесенными им в детстве болезнями, что у него развился «ан-этический синдром», который включает и такие действия как растраты, Председатель Верховного Суда СССР счел необходимым обратиться к Центральному научно-исследовательскому институту имени проф. Сербского с просьбой дать заключение по ряду вопросов общего характера: о значении наследственности, о предопределенности патологического развития личности, о существовании «ан-этического синдрома». Одновременно Верховный Суд СССР просил выслать копию истории болезни К., составленной во время нахождения его на испытании в Институте имени проф. Сербского.

Институт имени проф. Сербского, получив отношение Верховного Суда СССР от 22 октября 1946 г., организовал авторитетную комиссию, тщательно изучил поставленные перед ним Верховным Судом СССР вопросы и результаты своей работы сформулировал в нижеследующем протоколе:

ПРОТОКОЛ

Заседания комиссии Центрального научно-исследовательского института судебной психиатрии имени проф. Сербского, в составе: директора Института, доцента Ц. М. Фейнберг (председатель); зам. директора Института по научной части, действительного члена Академии медицинских наук, профессора М. О. Гуревича; председателя Экспертной комиссии Института проф. А. Н. Бунеева; зав. Клиническим отделением, профессора А. М. Халецкого; зав. Клиническим отделением, профессора А. И. Молочка и ученого секретаря Института, старшего научного сотрудника О. Е. Фрейерова.

Ознакомившись с вопросами, поставленными перед Институтом Верховным Судом СССР в его отношении за № 6131/ОП от 22/X 1946, комиссия Института им. Сербского пришла к следующему заключению:

Вопрос 1-й:

«Предопределяют» ли вообще и «в значительной мере», в частности, перенесенные в детстве энцефалит и хорея патологическое развитие личности?

Ответ:

Нет, не предопределяют. Патологическое развитие личности в некоторых случаях может быть поставлено в связь с перенесенными в раннем возрасте мозговыми заболеваниями, в том числе энцефалитом и хореей.

Если клинически удастся установить зависимость между перенесенным в детстве заболеванием мозга и наступившими изменениями личности, то следует говорить о предрасположении к патологическому развитию личности, а не о «предопределении».

«Предопределение» вообще и предопределение «в значительной мере» обозначает фатальную обусловленность судьбы у детей, перенесших какое-либо мозговое заболевание. Такой взгляд на предопределение патологического развития личности вследствие биологических причин не разделяется советскими авторами.

Вопрос 2-й:

Влияет ли обязательно семейная наследственность (прямая или боковая) на патологическое развитие личности?

Ответ:

Современными научными данными определенно установлено, что нет оснований говорить об обязательном влиянии наследственности при патологическом развитии личности. Целый ряд душевных болезней, в происхождении которых видели проявление «рокового» наследственного отягощения, в настоящее время объясняется различными экзогенными (внешними) факторами. Имеется группа так называемых экзогенных психозов (шизофрения, циркулярный психоз, гениальная эпилепсия), где значение наследственных факторов в той или иной степени подтверждено научными исследованиями, однако, даже при этих заболеваниях (например, в семьях шизофреников или эпилептиков) большинство (не менее 90%) потомства остается здоровым. Только неблагоприятное сочетание наследственного отягощения и вредных внешних экзогенных моментов может привести к патологическому развитию личности.

Вопрос 3-й:

Является ли понятие «ан-этического синдрома» понятием, твердо установленным в психиатрии? Можно ли считать правильным утверждение, что растрата, совершенная определенным лицом, является одним из признаков ан-этического синдрома, т. е. поступком, вытекающим из болезненного состояния?

Ответ:

Термин «ан-этический симптомо-комплекс» предложен Альбрехтом для обозначения таких психических изменений после эпидемического энцефалита, которые, по его мнению, характеризуются антисоциальным поведением.

В советской психиатрии этот термин подвергся заслуженной критике и в настоящее время почти не употребляется, так как он, во-первых, не раскрывает существа психических изменений, свойственных энцефалитикам, выражающихся прежде всего в расторможении органических влечений и, во-вторых, устанавливает прямую причинную связь между энцефалитом и преступлением, т. е. биологизирует социальные явления. Расторможение низших влечений при энцефалите вовсе не обязательно влечет к преступному поведению.

Утверждение, что растрата является поступком, прямо вытекающим из болезненного состояния, является неправильным и отражает ломброзианскую точку зрения.

В о п р о с 4-й:

Правильно ли утверждение, что при психопатии указанный «ан-этический синдром» «органически предопределен» и ведет с фатальной неизбежностью к совершению тех или иных преступлений? Не является ли эта точка зрения отражением неоломброзианских взглядов, осужденных советской психиатрией?

О т в е т:

При психопатии устанавливается то или другое биологически обусловленное отклонение от норм, затрагивающее элементарные основы темперамента и характера. Формирование психопатической личности в значительной степени определяется внешними влияниями, социальными факторами. В особенности это касается сложных психических образований, какими являются понятия морали, нравственности, социального долга и т. д. При одинаковых психопатических задатках возможно разное поведение психопатов, разная социальная установка.

Утверждение, что при психопатиях так называемый «ан-этический синдром» «органически предопределен» и ведет с фатальной неизбежностью к совершению тех или других преступлений, следует считать с точки зрения советской судебной психиатрии неправильным.

Это утверждение в полной мере связано с ломброзианскими и неоломброзианскими тенденциями в судебной психиатрии и в уголовном праве.

16 ноября 1946 г. (Подписи).

II

Из приложенной к ответам Института имени проф. Сербского истории болезни К. видно, что в нее занесены данные о наследственности как по прямой, так и по боковой линии. Таким образом, указание защитника в надзорной жалобе, что этот вопрос был обойден молчанием при нахождении К. на испытании в Институте имени проф. Сербского, объясняется тем, что история болезни не была в распоряжении защитника. Что касается того, что о наследственности ничего не говорится в акте экспертной комиссии, то занесение этих данных в акт не требуется Инструкцией от 17 февраля 1940 г. Во всяком случае вопрос о наследственности К. был в поле зрения экспертной комиссии, и его нельзя поэтому рассматривать как новое по делу обстоятельство.

На основании всего изложенного и не находя в деле других обстоятельств, которые говорили бы в пользу пересмотра

дела К. в порядке надзора, и считая, что наказание, подлежащее по амнистии сокращению, вполне соответствует вине К., Председатель Верховного Суда СССР оставил жалобы отца К. и его защитника без последствий.

III

Согласно Инструкции «О производстве судебно-психиатрической экспертизы в СССР» от 17 февраля 1940 г., общее руководство этой экспертизой принадлежит Министерству здравоохранения СССР. Председатель Верховного Суда СССР считал поэтому необходимым довести до сведения Министра здравоохранения СССР о «справках», выданных проф. Серейским. Вместе с тем Председатель Верховного Суда СССР высказал пожелание, чтобы в целях повышения судебно-психиатрических знаний среди советских психиатров, ознакомления их с правильными судебно-психиатрическими оценками психических заболеваний и, наконец, в целях ознакомления их с основами советского уголовного законодательства и советской теории уголовного права, было создано соответствующее «руководство». Это тем более является необходимым, что в медицинских высших учебных заведениях судебная психиатрия не преподается как обязательная дисциплина, в то время как не только в советских юридических институтах и факультетах университетов, но и в юридических школах судебная психиатрия является обязательным предметом, в отличие от университетского образования в дореволюционной России и в странах капитализма в настоящее время.

Министром здравоохранения было поручено Институту имени проф. Сербского составить соответствующее руководство. По имеющимся сведениям это «руководство» в настоящее время составлено и сдано в Государственное медицинское издательство.

Дело со «справками» проф. Серейского было опубликовано в Сборнике «Судебной практики», составленном проф. Исаевым и проф. Пионтковским,¹ и привлекло к себе внимание со стороны советской психиатрической общественности. Мы публикуем в качестве «приложения» выписку из решения расширенного заседания Ученого совета Центрального института психиатрии Министерства здравоохранения РСФСР от 24 марта 1948 г. Институт отнесся весьма серьезно к случаю с проф. Серейским. Назначенная им комиссия ознакомилась

¹ В настоящем сборнике опущены вводные замечания о значении «частных заключений», изложение обстоятельств дела К. и акт судебно-психиатрической экспертизы, которой был подвергнут К. еще в 1944 г. в Институте Сербского и был признан вменяемым.

с его научно-исследовательскими работами и установила, что «ломброзианство» и «неоломброзианство» не являются системой для проф. Серейского. Поскольку проф. Серейский признал свою ошибку, инцидент со «справками» следует считать исчерпанным. Это несколько не избавляет как советских криминалистов, так и психиатров от обязанности и в будущем всемерно бороться со всеми и всякими проявлениями ломброзианства и неоломброзианства в психиатрии. Нельзя забывать, что еще после первой мировой войны неоломброзианство стало оказывать сильное влияние на буржуазных психиатров и криминалистов, видевших в «биологизации» преступности «поворот от односторонней теории среды, достигшей своей высшей точки в материалистической системе Карла Маркса», как писал в 20-х годах один баварский психиатр, перешедший впоследствии в лагерь фашизма. Неоломброзианство было той гнусной почвой в Германии, на которой выросли такие изуверские «меры безопасности», как стерилизация и кастрация.

В настоящее время неоломброзианство распространяет свое влияние в США, является питательной средой для всякого рода «расистских теорий».

Приложение

Выписка

Из решения расширенного заседания Учебного совета Центрального института психиатрии МЗ РСФСР от 24 марта 1948 г.

Повестка дня:

3. Обсуждение статьи, опубликованной в книге: «Вопросы уголовного права, Военного уголовного права и уголовного процесса в судебной практике Верховного Суда СССР» под редакцией проф. Голякова, изд. 1947.

Слушали:

Ученый совет Института психиатрии МЗ РСФСР, заслушав доклад председателя Комиссии проф. И. Г. Равкина (в составе комиссии проф. М. М. Александровской, проф. С. И. Гольденберг, ст. научного сотрудника Д. Е. Мелехова, доцента А. В. Снежневского и научного сотрудника Т. А. Трекиной) и ознакомившись с напечатанными в книге «Вопросы уголовного права, Военного уголовного права и уголовного процесса в судебной практике Верховного Суда СССР» под редакцией проф. Голякова, изд. 1947, материалами, касающимися проф. Серейского, и учитывая объяснения, данные проф. Серейским обследовавшей его комиссии, Ученый совет постановляет:

а) Проф. М. Я. Серейский, выдав лично от себя осужденному К. «частную» справку, включавшую судебно-психиатрическое заключение, совершил недопустимый и непристойный для советского ученого и врача поступок.

б) Ученый совет полностью согласен с оценкой, которую дала содержанию данной справки авторитетная комиссия при Институте им. Сербского, а именно, что «заключение проф. Серейского исходит из антинаучных ломброзианских и неоломброзианских установок, биологизирующих общественные явления».

в) Ознакомление с научно-исследовательскими работами М. Я. Серейского показывает, что «ломброзианство» и «неоломброзианство» не является для проф. Серейского системой, которой он придерживается и которую он проводит в своих теоретических построениях. Это, однако, ни в коей мере не снижает ответственности проф. Серейского и характеризует неуважение с его стороны к советским судебным органам. Неуважение сказалось также и в самом факте выдачи лично от себя справки, включающей судебно-психиатрическую экспертизу. Проф. Серейский, как опытный и видный психиатр, не мог не знать (во всяком случае должен был знать) порядка производства судебно-психиатрической экспертизы. Проф. Серейский должен был также знать, что «понятие уменьшенная вменяемость», о которой он говорит в своем заключении, является чуждым советскому Уголовному кодексу.

г) Проф. Серейский является видным советским ученым-психиатром, много сделавшим в области теории и практики лечения психических больных. Руководимая им клиника при Центральном институте психиатрии МЗ РСФСР является ведущей и весьма авторитетной в Советском Союзе в области лечения душевных болезней; тем более поступок проф. Серейского должен быть осужден, как совершенно недопустимый.

д) Ученый совет принимает к сведению признание проф. Серейским своей вины и недопустимости для советского ученого совершенного им проступка.

е) Совершенный проф. Серейским проступок говорит о необходимости еще в большей степени усилить идейно-политическую, воспитательную, в духе идей советского патриотизма и большевистской честности и прямоты, работу среди ученых Института.

ПОНЯТИЕ ЭВЕНТУАЛЬНОГО УМЫСЛА

*Постановление Пленума Верховного Суда СССР
от 27 сентября 1946 г.*

По приговору Военного трибунала Пермской ж. д. от 13 апреля 1946 г. Сажин был осужден по ст. 182 ч. 1 УК РСФСР и по ст. 136 ч. 2 того же УК по совокупности к расстрелу.

По приговору обстоятельства дела, по которому осужден Сажин, представляются в следующем виде:

Сажин и осужденный с ним по данному же делу Оселков 18 марта 1946 г., находясь в нетрезвом состоянии, вышли на перрон вокзала ст. Пермь-III и направились к пригородному поезду. При этом Оселков допустил ряд хулиганских действий и, в частности, сорвал головной убор у одной гражданки, направляющейся на посадку к поезду, и схватил ее за грудь. Один из пассажиров вступился за эту гражданку, между ним и Оселковым началась драка, в результате которой Оселков, получив удар бидоном по голове, упал. Сажин, заметив Оселкова лежащим на земле, выхватил пистолет системы «Браунинг», стал наносить им удары по голове гражданину, дравшемуся с Оселковым, и при этом произвел 3 выстрела, которыми были убиты Назаров и Нифонтов, находившиеся в это время в тамбуре вагона № 2238 поезда № 112. Произведя затем еще один выстрел в воздух, Сажин пытался скрыться, но был задержан.

Рассмотрев настоящее дело в кассационном порядке по кассационной жалобе Сажина и кассационному протесту военного прокурора, Военная железнодорожная коллегия Верховного Суда СССР своим определением от 30 апреля 1946 г. переквалифицировала действия Сажина с ч. 2 ст. 136 УК РСФСР на ст. 139 и определила ему по этой статье наказание в 3 года лишения свободы, по ст. 182 ч. 1 УК — 2 года лишения свободы без поражения в правах.

Не отвергая обстоятельств дела, как они изложены по приговору, коллегия указала, что ч. 2 ст. 136 УК РСФСР может быть применена только в том случае, если убийство со-

вершено умышленно, и обстоятельства, сопровождающие убийство, были особо отягчающими; в данном же случае все материалы дела свидетельствуют о том, что убийство Сажиным Назарова и Нифонтова совершено случайно по неосторожности, ввиду чего действия Сажина подпадают под признаки ч. 2 ст. 136 УК РСФСР, а ст. 139 того же УК.

Определение Коллегии подлежит отмене по следующим основаниям:

1. В определении Коллегии содержится внутреннее противоречие, заключающееся в том, что действия, инкриминируемые Сажину, расценены одновременно и как случайные действия и как действия, допущенные по неосторожности.

Согласно советскому уголовному законодательству, в частности ст. 10 УК РСФСР, уголовное наказание может быть применено лишь к действиям, совершенным либо умышленно либо по неосторожности; что же касается действий случайных то такие действия, как исключаяющие какую-либо вину, умышленную или неосторожную, вообще не могут влечь уголовной ответственности. Поэтому, если Коллегия признала действия Сажина случайными, она их не могла одновременно признать и совершенными по неосторожности. И, наоборот, если Коллегия признала действия Сажина совершенными по неосторожности, она не могла их одновременно признать случайными.

2. Указав глухо, что все обстоятельства дела дают основания квалифицировать действия Сажина по ст. 139 УК РСФСР Коллегия не указала, какие именно обстоятельства по делу дают основание для указанного ею вывода. Между тем, в материалах дела имеются данные, опровергающие вывод Коллегии о том, что действия Сажина должны рассматриваться как совершенные по неосторожности.

На первом допросе, состоявшемся 19 марта 1946 г., Сажин показал, что, увидев лежащего на земле Оселкова и стоявшего около него неизвестного гражданина, он направился к нему и схватил его. Когда гражданин стал вырываться, Сажин вынул револьвер и произвел два выстрела вверх; в борьбе, происшедшей затем между ним и гражданином, Сажин, по его показаниям, произвел еще два выстрела, старался стрелять вверх, но гражданин дергал его руку книзу. На допросе 27 марта Сажин поддерживал ту же версию, заявив, что первые два раза он выстрелил вверх, когда увидел, что около лежащего Оселкова стоит неизвестный гражданин и машет рукой, вторые же два выстрела получились во время схватки его с неизвестным, который набросился на Сажина, причем один выстрел был в землю, а другой — неизвестно куда.

Эти показания расходятся с показаниями свидетелей сержанта Костенко и мл. лейтенанта Плешакова, которые показали на суде, что они услышали 3 выстрела, а затем, когда побежали к месту стрельбы, то увидели, что Сажин стрелял четвертый раз вверх. Как установлено по делу, Назаров и Нифонтов остановились в тамбуре вагона и тут же двумя выстрелами Нифонтов был убит на месте, а Назаров, смертельно раненный, вскоре умер, не приходя в сознание. Ранения обоим были причинены в голову.

Осмотром места преступления установлено, что стреляные гильзы лежали на земле между двумя путями, из которых на одном стоял поезд № 112, а на втором — поезд № 113. Судебно-медицинская экспертиза пришла к заключению, что наличие разрывов входной раны и сероватый их оттенок у обоих убитых свидетельствует о том, что выстрелы в Назарова и Нифонтова произведены с очень близкого расстояния.

3. С учетом всех обстоятельств, установленных по делу, при квалификации действий Сажина прежде всего должен быть разрешен вопрос, является ли причиненная его выстрелами смерть Назарова и Нифонтова умышленным убийством или убийством по неосторожности.

Советское уголовное право (ст. 10 УК РСФСР и соответствующие статьи УК других союзных республик) знает умысел в двух его видах: умысел прямой и умысел косвенный, или эвентуальный. Прямой умысел характеризуется предвидением (сознанием) общественно-опасного характера последствий своих действий и желанием наступления этих последствий. Но для того, чтобы квалифицировать действия лица как умышленные, по закону не требуется обязательно желание с его стороны наступления тех последствий, которые повлекли его действия. Поэтому для того, чтобы квалифицировать действия Сажина как умышленные действия, не требуется обязательно, чтобы Сажин действительно желал кого-либо убить. По делу не установлено наличие такого желания у Сажина, поэтому его действия не могут рассматриваться как действия, совершенные с прямым умыслом. Однако указанные статьи УК наравне с прямым умыслом одинаково расценивают в смысле виновности и косвенный умысел. Закон определяет этот вид умысла как сознательное допущение наступления последствий своими действиями, общественно-опасный характер которых предвидел (сознавал) виновный. Производя беспорядочную, бессмысленную стрельбу в проходе между двумя пассажирскими поездами во время посадки на один из них, Сажин, который сам заявляет на суде, что он «хорошо помнит, как все происходило», сознавал всю общественную опас-

ность своих действий. Сажин производил стрельбу, зная, что от этой стрельбы могут произойти несчастные последствия, зная, что такого рода стрельба может повлечь за собой не одну, а несколько жертв. Сажин стрелял умышленно, с полным безразличием к тем последствиям, которые могли наступить от его действий, а в данном случае эти последствия и выразились в причинении смерти двум гражданам. Все эти обстоятельства, имеющиеся в деле, и требования закона, касающиеся вопросов, связанных с эвентуальным умыслом, не были учтены определением Военной железнодорожной коллегии, и поэтому вывод ее о том, что действия Сажина подлежат квалификации по ст. 139 УК РСФСР, не может считаться обоснованным и вынесен без достаточного учета и оценки всех указанных данных, вытекающих из материалов дела.

4. Вместе с тем, даже признавая действия Сажина умышленными, следует отметить, что Военный трибунал неосновательно квалифицировал действия Сажина по ч. 2 ст. 136 УК, для применения которой недостаточно, чтобы субъектом убийства был военнослужащий, которым являлся и Сажин. По смыслу ч. 2 ст. 136 УК, для ее применения необходимо, чтобы убийство военнослужащим было совершено при наличии особо отягчающих обстоятельств. Военный трибунал не указал, в чем он усматривает наличие такого рода обстоятельств, и по данному делу применение ч. 2 ст. 136 даже в случае признания действий Сажина умышленными не вызывалось необходимостью. Поскольку в материалах дела имеются данные, свидетельствующие о том, что Сажин производил выстрелы в обстановке, представляющей опасность для жизни многих лиц, суд должен был поставить на свое обсуждение вопрос о квалификации действий Сажина по п. «в» ст. 136 УК РСФСР.

Учитывая таким образом, что определение Военной железнодорожной коллегии Верховного Суда СССР в части изложенных в нем мотивов находится в противоречии с требованиями закона по вопросу об определении понятия вины умышленной и неосторожной, что вместе с тем это определение в оценке фактических обстоятельств по делу не учло ряда указанных выше обстоятельств, которые могут существенно повлиять как на квалификацию действий Сажина, так и на размер наказания, — Пленум Верховного Суда СССР постановляет:

Определение Военной железнодорожной коллегии Верховного Суда СССР от 30 апреля 1946 г. по делу Сажина Бориса Павловича отменить и дело о нем передать на новое кассационное рассмотрение в ту же Коллегию в ином составе.

КОММЕНТАРИИ

1. До постановления Пленума по делу Сажина не было опубликовано ни одного постановления Пленума или определения коллегий Верховного Суда СССР, которые останавливались бы на втором виде умысла, а именно на эвентуальном, или косвенном, умысле.

Советское уголовное право определяет косвенный умысел, как такое психическое отношение виновного к совершаемому, когда он предвидит (сознает) общественно-опасный характер последствий своих действий, и тем не менее сознательно допускает наступление этих последствий, безразлично относясь к их наступлению. Безразличное отношение лица к тому, что его действия вызовут или могут вызвать общественно-опасные последствия, и ставится ему в вину. Чем вреднее для советского правопорядка последствия, тем значительнее вина лица, действовавшего с косвенным умыслом. Лицо, безразлично относящееся к тому, что вследствие его действий может наступить увечье или смерть одного или нескольких лиц, является более виновным, чем лицо, совершающее убийство под влиянием сильного душевного волнения, вызванного тяжким оскорблением со стороны потерпевшего.

Дело Сажина представляет интерес в том отношении, что оно позволяет более всесторонне и более глубоко раскрыть природу косвенного умысла.

Учебник по Общей части уголовного права ВИЮН указывает, что эвентуальный умысел на совершение данного преступления имеет место в тех случаях, когда лицо «преследует какие-либо другие цели или когда оно, осуществляя какие-нибудь сами по себе непроступные намерения, вместе с тем сознательно допускает возможность наступления данного преступного результата».¹ В качестве примера случаев первого рода приводится поджог дачи с целью получения страховой премии, когда виновный знает, что в даче ночуют лица, которые могут погибнуть при пожаре. К случаям второго рода относится открытие виновным в морозную ночь форточки, хотя он знает, что его сосед по комнате, и без того простуженный, может схватить воспаление легких, что в действительности и наступает.

Проф. Герцензон, как и учебник ВИЮН, усматривает отличительный момент косвенного умысла в сознании виновного, что «желательный для него результат может наступить лишь в связи с преступными последствиями и не отказывает-

¹ Уголовное право, Общая часть, изд. 3-е, 1943, стр. 147.

ся от своей цели, допуская наступление преступного результата».¹

Дело Сажина показывает, что психическое состояние в виде косвенного умысла вполне возможно и тогда, когда виновный и не преследует каких-либо иных преступных целей и когда преступные последствия его действий не являются «побочным» их продуктом. Вместе с тем действия Сажина не являлись сами по себе непроступными.

В теории проводится грань между косвенным и прямым умыслом, с одной стороны, и между косвенным умыслом и самонадеянностью (преступным легкомыслием), с другой стороны. Дело Сажина показывает, что в практике могут быть случаи, когда суд усматривает в действиях виновного не косвенный умысел, а неосторожную вину в виде небрежности. В эту ошибку и впала Военная железнодорожная коллегия Верховного Суда СССР, признав Сажина виновным в неосторожном убийстве. Коллегия совершенно неосновательно разделила доводы Сажина, приведенные им в кассационной жалобе. В этой жалобе, оспаривая приговор Военного трибунала,² Сажин писал, что он «фактически даже не предвидел того, что произошло». Причиной смерти пострадавших, по мнению Сажина, явилось «неосторожное обращение с огнестрельным оружием путем применения его там, где можно было бы обойтись без его употребления». Конечно, добиваясь смягчения наказания, осужденный может видеть в умышленной, хулиганской стрельбе «неосторожное обращение с оружием», но такого рода понимание «неосторожности» полностью противоречит советскому уголовному закону.

Для наличия умысла вообще, для косвенного умысла в частности, вовсе не требуется, чтобы виновный предвидел неизбежность наступления результата своих преступных действий. Совершенно достаточно предвидения возможности его наступления. Стреляя из пистолета в суতোлке посадки на дачный поезд, в самом близком расстоянии от окон и тамбура вагона, Сажин, имеющий боевой опыт, не может оправдываться тем, что он не предвидел, что в итоге его стрельбы будут человеческие жертвы. Такого точного предвидения умысел и не требует. Последствием стрельбы в данном случае могла быть смерть одного, а не двух, могла быть не смерть, а тяжкое или даже легкое телесное повреждение, стрельба, нако-

¹ Уголовное право, Общая часть, 1948, стр. 338.

² В приговоре указывалось: «...Находясь в месте скопления пассажиров у поезда и произведя несколько выстрелов, Сажин тем самым сознательно допустил возможность наступления вредных последствий своих действий, т. е. смертельного исхода».

нец, могла бы не повлечь никаких последствий. Но для умысла закон требует предвидения возможности наступления общественно-опасных последствий своих действий, а такими возможными последствиями являются и смерть и телесные повреждения. Предвидение именно такой возможности и ставится в вину Сажину. Поскольку же наступили определенные последствия, то они и вменяются в вину.¹

Даже прямой умысел не всегда направлен на причинение одного определенного результата. Прямой умысел, например, может быть и тогда, когда виновный, нанося удар колом по голове, одинаково желает наступления или смерти, или тяжкого увечья (в старой доктрине так называемый «альтернативный» умысел).

Допустима ли при косвенном умысле преступная предварительная деятельность? Учебник ВИУН считает, что возможно представить ее и при реализации косвенного умысла, но что в громадном большинстве случаев практически затруднительно установить наличие приготовления или покушения на совершение преступления с косвенным умыслом.² Тем самым вопрос становится вопросом факта и если будет, например, установлено, что лицо предполагало сжечь дачу, не останавливаясь перед тем, что в ней могут сгореть люди, то имеются все основания привлечь виновного и за приготовление или покушение на убийство с косвенным умыслом. Но, конечно, трудности доказывания наличия косвенного умысла при приготовлении и покушении слишком велики. К тому же практика стояла бы перед таким вопросом: какой возможный преступный результат следует вменять — наиболее тяжкий или наиболее легкий?

Поэтому там, где действия лица были сами по себе преступными, практика могла бы привлечь к ответственности именно за эти действия. Так, если бы стрельба Сажина оказалась без последствий, то его можно было бы привлечь за злостное хулиганство по ч. 2 ст. 74 УК РСФСР. Ошибка Военной железнодорожной коллегии заключалась и в том, что она не учла, что даже при отсутствии человеческих жертв закон расценивает хулиганскую стрельбу саму по себе суровее, чем неосторожное причинение смерти.

2. В том же, 1946 г. 27 сентября Пленуму Верховного Суда СССР еще раз пришлось по делу Рогова встретиться с вопросом о косвенном умысле.

¹ См. ниже (III) определение по делу Дьяченко, признанного виновным в причинении беспорядочной стрельбой легкого телесного повреждения.

² Уголовное право, Общая часть, изд. 3-е, 1943, стр. 186.

Приговором народного суда Медновского района Калининской области от 27 января 1946 г. был осужден по ст. ст. 143 ч. 1, 182 ч. 1 и 136 п. «в» УК РСФСР к 10 годам лишения свободы Рогов Н. А., 1910 г. рождения, колхозник, женатый, имеет двух детей, участник Отечественной войны, имеет две медали «За отвагу». Калининский областной суд оставил приговор в силе.

Рогов был признан виновным в том, что 13 декабря 1945 г., находясь в доме Пирогова в деревне Треснево на гулянье, где распивал вместе с гостями вино, без всяких причин начал производить стрельбу в присутствующих, в результате чего убил одного колхозника и легко ранил троих.

По протесту Генерального Прокурора СССР 13 июля 1946 г. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР рассмотрела дело в порядке надзора. Генеральный Прокурор указывал в своем протесте, что суд как первой, так и второй инстанции допустил грубую процессуальную ошибку, не подвергнув Рогова судебно-психиатрической экспертизе. Между тем из материалов дела видно, что у следствия и суда должны возникнуть сомнения, не находился ли Рогов во время совершения преступления в состоянии невменяемости. Судебная коллегия отменила поэтому как приговор народного суда, так и определение областного суда за нарушение прим. 1 к ст. 63 УПК РСФСР и направила дело на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия для назначения Рогову судебно-психиатрической экспертизы. В этой части определение Коллегии являлось совершенно правильным. Но неправильным явилось указание коллегии, что если будет установлено, что Рогов совершил свои действия в состоянии вменяемости, то их следует квалифицировать наряду со ст. ст. 143 ч. 1, 182 ч. 1, также и по ст. 137, а не по ст. 136 УК РСФСР. В этой части определение и было опротестовано в Пленуме Председателем Верховного Суда СССР. В своем постановлении Пленум высказал следующие положения:

«Предлагая квалифицировать действия Рогова не только как умышленное убийство (ст. 137 УК), но и как умышленное легкое телесное повреждение (ч. 1 ст. 143 УК), Коллегия исходила из того, что в первом случае действия Рогова повлекли смерть потерпевшего, а во втором — легкое ранение потерпевших. Такая квалификация является неправильной, так как совокупность действий, инкриминируемых Рогову, по обстоятельствам данного дела представляет собой не два, а один состав преступления, специально предусмотренный уголовным законом. Если признать, что Рогов действовал в со-

стоянии вменяемости, то произведенная им беспорядочная стрельба из пистолета в комнате, полной людей, дает основание прийти к выводу, что, не имея прямого умысла кого-либо убить, он, тем не менее, действовал с эвентуальным, или косвенным, умыслом. Он сознавал всю общественную опасность своего поведения и все же безразлично относился к последствиям своих действий, сознательно допуская в числе этих последствий и смерть кого-либо из присутствующих, в данном случае он причинил смерть одному из них — Мельникову. Поэтому убийство последнего Роговым должно квалифицироваться как умышленное убийство. Так как вместе с тем убийство было совершено в комнате, полной людей, в результате беспорядочной стрельбы, представлявшей реальную опасность не только для Мельникова, но и для всех других присутствующих, это убийство надо рассматривать как убийство, совершенное способом, опасным для жизни многих лиц, и квалифицировать не по ст. 137 УК РСФСР, как предлагает Коллегия, а по п. «в» ст. 136 того же УК, прямо предусматривающему ответственность за умышленное убийство при указанных обстоятельствах.

Но квалификация действий Рогова по п. «в» ст. 136 УК исключает необходимость дополнительного применения к нему ч. 1 ст. 143 УК РСФСР за причиненное им легкое ранение трем другим лицам, так как это ранение явилось реальным воплощением той опасности, которая и давала основание для квалификации совершенного Роговым убийства, как убийства, совершенного способом, опасным для жизни многих людей. Поэтому причиненное Роговым ранение не является отдельным составом преступления, а представляет лишь один из признаков, определяющих необходимость квалификации инкриминируемых Рогову действий по п. «в» ст. 136 УК РСФСР».

Поскольку Пленум Верховного Суда СССР вынес уже по делу Сажина развернутое постановление о содержании косвенного умысла, как протест Председателя Верховного Суда СССР, так и постановление Пленума, хотя и не ссылались на само постановление по делу Сажина, но имели в виду именно его. Поэтому постановление по делу Рогова могло ограничиться констатацией, что в данном случае, в случае признания Рогова вменяемым, речь должна идти о квалификации его действий как умышленного убийства способом, опасным для жизни многих, совершенного с косвенным умыслом.

3. Несомненно, под влиянием постановления Пленума по делу Сажина Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР остановилась на вопросе о наличии у об-

виняемого эвентуального умысла, в определении своем по делу Дьяченко от 14 июня 1947 г.

Дьяченко, имея при себе револьвер системы «Наган», в ночь на 11 августа 1946 г. проник в сад гр. Орловского с целью похищения яблок.

Будучи застигнутым на месте совершения преступления хозяином гр. Харитоновым, подкравшимся к Дьяченко на расстояние 4—5 метров, Дьяченко, для того, чтобы избежать задержания, открыл беспорядочную стрельбу, произвел три выстрела, из которых одним ранил Харитонova в мягкую часть бедра. Ранение Харитонova отнесено судебно-медицинской экспертизой к разряду легких.

Признав в действиях Дьяченко состав незаконного хранения оружия и покушения на кражу, Коллегия остановилась и на том, как следует квалифицировать его действия, выразившиеся в причинении Харитонову телесного повреждения. «Что касается квалификации нанесения Дьяченко Харитонову телесного повреждения, то все обстоятельства дела, — читаем мы в определении, — свидетельствуют о том, что оно было нанесено им с эвентуальным умыслом. Стрелял Дьяченко для того, чтобы напугать Харитонova и заставить его уйти. Стреляя, он не имел цели лишить жизни потерпевшего, он не имел и цели причинить ему какое-либо телесное повреждение. Однако та обстановка, в которой были произведены выстрелы Дьяченко, свидетельствует о том, что у него было сознание возможности причинения какого-либо вреда личности Харитонova (выстрелы производились ночью, в ту сторону, где находился Харитонов). Следует признать, что Дьяченко предвидел возможность ранения потерпевшего и сознательно это допускал, т. е. причинил телесное повреждение с эвентуальным умыслом. Поэтому ранение Харитонova в соответствии с характером нанесенного телесного повреждения подлежит квалификации по ст. 143 ч. 1 УК РСФСР».

Из этого определения следует, что если бы своим выстрелом Дьяченко причинил тяжкое телесное повреждение, то он был бы осужден за причинение его с эвентуальным умыслом. Если бы выстрел причинил убийство, то это было бы убийство с эвентуальным умыслом. Вменение более тяжких последствий, в случае наступления их, вполне соответствовало бы вине стрелявшего. Стреляющий из револьвера системы «Наган» на расстоянии 4—5 метров по направлению к потерпевшему вполне сознает возможность попадания, тем более при троекратной стрельбе в потерпевшего, и возможность как ранения его, так и убийства.

УМЫШЛЕННОЕ СОЗДАНИЕ СМЕРТЕЛЬНО-ОПАСНОЙ ОБСТАНОВКИ ДЛЯ РОЖДАЮЩЕГОСЯ РЕБЕНКА

Председателю Верховного Суда СССР

По делу Ч., осужденной по ст. 136 п. «д» УК РСФСР к 5 годам лишения свободы без поражения в правах, и М., осужденного по ст. 17—136 п. «д» УК РСФСР к 5 годам лишения свободы без поражения в правах.

З а к л ю ч е н и е

Приговором народного суда 2 участка Кировского района г. Свердловска от 11 сентября 1945 г. осуждены:

1. Ч., рождения 1920 г., из гр-н Свердловской области, русская, кандидат в члены ВКП(б), замужняя, муж в Красной Армии, бездетная, грамотная (6 классов), не судимая, бригадир животноводческой бригады колхоза, по ст. 136 п. «д» УК РСФСР к 5 годам лишения свободы без поражения в правах;

2. М., 1905 г. рождения, из гр-н Кировской обл., исключенный из членов партии, грамотный, женатый, на иждивении сын 13 лет, председатель колхоза, по ст. 17—136 п. «д» УК РСФСР на 5 лет лишения свободы без поражения в правах.

Определением судебной коллегии по уголовным делам Свердловского областного суда от 2 октября 1945 г. приговор народного суда в отношении Ч. оставлен в силе, а в отношении М. приговор отменен, и дело производством прекращено.

Верховный Суд РСФСР, рассмотрев дело в надзорном порядке по протесту Прокурора РСФСР 16 января 1946 г., определение областного суда оставил в силе, отклонив протест прокурора.

По протесту Генерального Прокурора СССР Судебная коллегия Верховного Суда СССР, рассмотрев дело 20 апреля 1946 г., отменила определение областного суда от 2 октября 1945 г. и определение Верховного Суда РСФСР от 16 янва-

ря 1946 г. в отношении М. с передачей дела в Свердловский областной суд для нового рассмотрения кассационной жалобы М.

При вторичном рассмотрении дела по жалобе М. Свердловский областной суд определением от 15 августа 1946 г. приговор народного суда и в отношении М. оставил в силе, а жалобу без удовлетворения.

Ч. была признана виновной в том, что в ночь на 22 июля 1945 г. совершила убийство своего новорожденного ребенка, который был утоплен ею в приготовленном ведре с водой.

М. был признан виновным как соучастник в совершении данного преступления. Его соучастие выразилось в том, что, являясь отцом ребенка и узнав о беременности Ч., он склонял ее к совершению аборта и к убийству ребенка. Впоследствии же, узнав о совершении убийства, предпринимал меры к сокрытию данного преступления.

В основу обвинительного приговора в отношении Ч. легло полное ее признание не только во время предварительного следствия, но и на суде, когда ни о каком давлении на нее не могло быть и речи. В своей жалобе в Управление Министерства юстиции Ч. пишет, что «следствие, которое проводилось молодым следователем, проведено как-то неправильно, записано не так, как надо записать, хотя я говорила, что я ничего не помню, но мне говорили, что я говорю неправду и записывали в протокол, что я убийство ребенка сделала сознательно. То же было и на суде». Показания Ч. на суде настолько были изложены правильно, что защитник Ч. никаких замечаний на протокол не сделал, а защитник М. оспаривал только одно место в показаниях Ч., а именно, что М. просил ее «уничтожить ребенка», тогда как, по заявлению защитника, Ч. показала, что М. заявил: «ребенка не надо». Но замечания защитника были отклонены судом.

Сознание, данное обвиняемым на суде, несомненно после консультации с защитником, не может не иметь большой доказательственной силы, в особенности, если это сознание не расходится с обстоятельствами дела. Адвокат Ч. не оспаривал правдивости показаний ее на суде, но возбудил на суде ходатайство об отложении дела слушанием и о вызове в судебное заседание судебного эксперта с целью установления, не совершила ли Ч. убийства в состоянии временного душевного расстройства, во время родов, происходивших в ненормальных условиях.

Ходатайство это было судом отклонено без всяких мотивов, вопреки ст. 253 УПК РСФСР. Остановливаясь на доводах адвоката о необходимости произвести судебно-психиатри-

ческую экспертизу, на предмет установления психического состояния осужденной в момент совершения преступления, областной суд счел их неосновательными. «Проведение данной экспертизы не вызывается никакой необходимостью, так как сама осужденная, давая свои показания по поводу предъявленного ей обвинения, заявляет о том, что убийство ребенка она совершила сознательно, и все ее действия были умышленными и о каком-либо расстройстве психического состояния здоровья осужденная не заявляла».

При рассмотрении дела Ч. и М., затребованного в порядке надзора по представлению Управления Министерства юстиции РСФСР при Свердловском областном Совете депутатов трудящихся, Председателем Верховного Суда СССР все же было сочтено необходимым послать дело в Центральный научно-исследовательский институт судебной психиатрии имени проф. Сербского на предмет дачи им заключения по следующим вопросам:

1. Обязательно ли возникновение какого-либо психического расстройства, исключающего вменяемость, в случаях протекания родов в тяжелых физических условиях (первые роды, проходящие в одиночестве, в антисанитарных условиях, без какой бы то ни было посторонней помощи)?

2. Можно ли дать по материалам данного дела заключение о том, в каком психическом состоянии находилась Ч. в момент родов и исключало ли это состояние ее вменяемость?

3. В случае невозможности дать заключение по поставленному второму вопросу — можно ли считать, что направление дела на исследование может дать материалы для решения указанного вопроса?

Комиссия из четырех психиатров-экспертов указала, прежде всего, что если роды проходят в тяжелых физических условиях, то это еще не предопределяет обязательного возникновения какого-либо психического расстройства. Комиссия, далее, в мотивированном акте дала заключение, что Ч., как совершившую правонарушение вне какого-либо болезненного расстройства душевной деятельности, в отношении данного преступления следует считать вменяемой (акт заочной судебно-психиатрической экспертизы при сем прилагается).

Тем самым отпала необходимость давать ответ на третий вопрос, поставленный перед Институтом Сербского.

Хотя акт заочной экспертизы по даному делу и не может рассматриваться как документ, имеющий процессуальное значение экспертизы, однако, высказанные в нем соображения исключают необходимость принесения протеста в Пленум Верховного Суда СССР в целях отмены приговора и опреде-

лений по делу на предмет выяснения в порядке обращения дела к новому расследованию вопроса о вменяемости Ч. во время совершения ею преступления.

Нет оснований для принесения протеста по делу Ч., а также и М. по каким-либо другим мотивам.

Ч. сделала все, чтобы в процессе родов наступила смерть ребенка. Она упорно отрицала свою беременность, хотя и не скрывала связи с М. То, что она отрицала беременность, подтверждается рядом свидетельских показаний. Свидетельница К. показала на суде, что Ч. чуть ли не перед самыми родами отрицала беременность, «говорила, что питание у нее хорошее, потому она полная». На предварительном следствии сама Ч. показала, что телятница К., жившая с ней рядом, «видя, что я хожу последнее время, беседовала, уговаривала признаться, ехать родить к родителям, что она за меня поработает, меня отпустят», но что она не призналась (л. д. 15-в). На суде свидетель С. показал, что ему К. говорила, что она приглашала Ч. родить в бане, но что Ч. сказала, что она совсем не беременна.

Скрывая, отрицая свою беременность, Ч. продолжала скрывать и отрицать, что у нее были роды. На суде она показала:

«На другой день (после родов) вышла на работу. Я пыталась скрыть роды. Хотя и не могла работать, но вышла на работу, чтобы не заметили, что я родила...». И действительно, ей это удалось до некоторой степени. Так, свидетель С. на предварительном следствии показал: «На другой день после болезни (т. е. после родов) Ч. чувствовала себя хорошо, бегала веселой» (л. д. 8-о). Свидетель П. на предварительном следствии показал, что, когда над ним стали смеяться, что «вот отелилась корова, а теленка он прокараулил», то он не понимал, в чем дело, а когда ему объяснили, что Ч. родила накануне, когда он дежурил вместо нее, то он не поверил, «так как утром Дуся ходила веселой, как будто с ней ничего не было» (л. д. 9-о).

Скрыть роды можно было, только скрывая предварительно свою беременность. Но скрыть уже бывшие роды можно было, только устранив ребенка.

Судебно-медицинская экспертиза пришла к заключению, что ввиду резких гнилостных изменений причину смерти ребенка установить не представляется возможным. «Судя по тому, что длина тела указанного трупа ребенка соответствует 50 см., можно предположить, что ребенок был повидимому новорожденным или же первых дней жизни» (л. д. 35-о).

Аборт на 3—4 месяце беременности сделать, как ей советовал М., Ч. отказалась, боясь от этого умереть (л. д. 14-о).

Оставался только один путь: скрывать беременность, отказать при наступлении родов от какой бы то ни было помощи, создать такие условия родов, при которых новорожденный или сам мог погибнуть или его легко было погубить. Другими словами, Ч., если и не желала прямо смерти ребенка (каковой умысел также не исключен), то относилась безразлично к такой смерти. В том, что она до самых родов была вполне вменяемой, нельзя сомневаться. Да и адвокат ставил вопрос о ее возможной невменяемости лишь во время самих родов. Ч. вполне сознательно создала смертельно-опасную обстановку для своего ожидаемого ребенка и поэтому должна нести ответственность за наступившую в результате ее действий смерть ребенка. Если мы будем рассматривать все дело под таким углом зрения, то мы должны прийти к заключению, что действия Ч. были вполне целеустремлены, и если роды, протекающие в такой обстановке, и могут, но не обязательно должны вызвать состояние невменяемости, как на это и указали эксперты-психиатры. Все поведение Ч. после родов показывает, что она женщина большого физического здоровья, необычайно волевая, превосходно владеющая собой.

Суд, разбиравший дело, не усомнился в правдоподобности показаний Ч., вполне поверил ее показаниям, что ребенок родился живой. Она заявила на суде: «Ребенка рожала в ведро, чтобы он задохнулся. Ведро было приготовлено для поноса, но в это ведро я стала рожать... Когда я родила ребенка, он был живой. Когда я сошла с ведра, ребенок шевелился, но вынув его, я увидела, что он мертв. Вынула ребенка минут через пять, чтобы он был мертвый...».

Какие же мотивы побудили Ч. убить ребенка? О мотивах «стыда и страха» не было и речи. Связи своей с М. она не скрывала. И на предварительном следствии и на суде Ч. утверждала, что она хотела иметь ребенка, что ребенка она и сама без помощи М. могла воспитать, но что она совершила убийство под понуждением М., из-за любви к нему. На очной ставке с М. она говорила: «Совершить убийство понудил М. Не будь его влияния, убийства ребенка я не совершила бы. Я хотела родить ребенка, воспитать его. Мне не страшен был стыд, разговоры колхозников, шарташских жителей. Разговоры и сплетни были с самого начала нашего сожительства. Я не обращала на это внимания. Мнение других мне было безразлично. М. я любила...» (л. д. 21-о). На судебном следствии Ч. говорила: «М. настойчиво говорил, чтобы я уничтожила ребенка...». «Когда М. узнал, что я беременна, говорил мне,

чтобы ребенка не было...». Последняя встреча Ч. с М. состоялась перед родами, дня за четыре до родов. На вопрос на очной ставке: «Сказали ли Вы М. о том, что согласны убить ребенка при рождении?» Ч. ответила: «Нет, не сказала. Но по моему поведению при разговоре он понял, что я это сделаю».

М., не отрицая своей связи с Ч., с самого начала отрицал свое участие в убийстве ребенка. На предварительном следствии он показал, что о беременности Ч. он не знал. «Спрашивал ее несколько раз, не беременна ли она, она отвечала отрицательно... В последних числах июля месяца пошел слух по колхозу, что Ч. родила, ребенка убила. Решив проверить это, я вместе с секретарем партийной организации Сюевой ездил на участок Пышма, где она работала с 1944 г. бригадиром животноводческой бригады, спрашивал, требовал признаться. Ч. мне ответила, что это неправда, с ней ничего не было, она беременна не была» (л. д. 17-о). На очной ставке с Ч. М. все время утверждал, что он не знал о беременности Ч. от него. Показания Ч., уличавшей его в подстрекательстве к аборт и к убийству ребенка, М. категорически отвергал. На суде М. также заявлял, что о беременности Ч. ему ничего не говорила, «я не знал, что она беременна. Аборт я ей не предлагал. Я допускаю, что Ч. беременна от меня».

Если даже М. не знал до 5-го месяца беременности, что Ч. беременна (а с этих пор он перестал с ней сожительствовать), то встретив ее за четыре дня до родов, он не мог, конечно, не знать, что Ч. беременна и в самой последней стадии. А между тем, когда он поехал через несколько дней после родов с секретарем партийной организации Сюевой на участок, где работала Ч., то, как показывает Сюева, по дороге она старалась выяснить с ним вопрос о беременности Ч., но «М. говорил, что никакой беременности у нее не было».

Областной суд при первом рассмотрении дела Ч. и М., как было указано, счел недоказанным участие М. в убийстве ребенка, поскольку обвинение, главным образом, основывается на показаниях Ч., заинтересованной в смягчении своей участи. Затем, областной суд указал, что из показаний самой осужденной видно, что мысль совершить убийство ребенка у нее возникла только в момент родов. Последнее утверждение областного суда материалами дела не подтверждается. Что касается доказательственной силы показаний Ч. в отношении М., то правильно писал в своем протесте Прокурор РСФСР в Верховный Суд РСФСР, что «по делам о детоубийстве факты подстрекательства со стороны отца устанавливаются, главным образом, по показаниям фактических исполнителей преступления — матерей».

Помимо показаний Ч. в деле имеются данные, говорящие в пользу версии Ч. На суде свидетель С. показал: «Когда приехал М. на Пышму после родов Ч., то ругал Попова, что распространяет слухи, что языки обрежет. Он приезжал с Сюезовой, сказали, что приехали из райкома партии прервать ложные слухи. Сказали, что за ложные слухи дадут пять лет тому, кто их распространяет». На суде были зачитаны показания Сюезовой, ездившей с М. на «расследование». «Я пыталась, — показывает Сюезова, — спросить у рабочих о беременности Ч., ко мне не явились, ничего не сказали, а сказал Сулин, что была беременность, но беременности не стало» (л. д. 29). Свидетельница Шулева на предварительном следствии показала, что вернувшись с участка, где работала Ч., Сюезова «возмущалась, что распускают всякого рода сплетни. На этом разговор и кончился» (л. д. 13-о). На свидетеля Швивкова поездка М. с Сюезовой произвела впечатление, что они пытаются скрыть факты. Этот же свидетель показал, что за разговоры об убийстве ребенка Сулина сняли из бригадиров уч. Пышма (л. д. 26). Свидетель Скоробогатов показал на суде, что как только он заявил в милицию о родах, колхозники перестали к нему ходить, «им запретил М.».

Если даже допустить, что М. не склонял Ч. к убийству ребенка, то в его действиях после родов имеются налицо элементы укрывательства этого убийства, именно укрывательства, а не недоносительства. Если бы, узнав о родах, он ничего не предпринял бы, в его бездействии было бы ненаказуемое недоносительство. Но М. проявил активную деятельность. Он приехал на участок Ч. не с какой иной целью, как именно с целью «заткнуть рот» колхозникам. Если бы не заявление Скоробогатова в милицию, дело может быть и заглохло бы. После убийства ребенка до приезда следователя в Пышму и обнаружения трупа ребенка прошло целых 22 дня.

Поведение М. не противоречит показаниям Ч. Она обвиняет его, а он действует, как человек, сознающий за собой вину. Во всяком случае в его действиях имеется состав наказуемого укрывательства умышленного убийства.

Принимая во внимание все вышеизложенное, не нахожу оснований для принесения по делу Ч. и М. протеста в Пленум Верховного Суда СССР.

27 мая 1948 г.

Член Верховного Суда СССР

Председателем Верховного Суда СССР была положена резолюция, что оснований для принесения протеста по делу не имеется.

А К Т № 9/3

Заочной судебно-психиатрической экспертизы по делу Ч. Е. Ф.

Мы, нижеподписавшиеся, 12 мая 1948 г., в Центральном научно-исследовательском институте судебной психиатрии имени проф. Сербского, по предложению Председателя Верховного Суда СССР, ознакомились с материалами уголовного дела на Ч. Е. Ф., 1920 г. рождения, осужденную по ст. 136 п. «д» УК РСФСР за убийство новорожденного ребенка. Дело направлено на заочную экспертизу для ответа на следующие вопросы: 1) обязательно ли возникновение какого-либо психического расстройства, исключающего вменяемость в случае протечения родов в тяжелых физических условиях для роженицы, 2) в каком психическом состоянии находилась Ч. в момент родов и исключало ли это состояние ее вменяемость, 3) в случае невозможности дать заключение по поставленному второму вопросу — можно ли считать, что направление дела на исследование может дать материалы для решения указанного вопроса.

Из материалов уголовного дела видно, что Ч. Е. Ф. окончила 6 классов школы, работала колхозницей, а с 1944 г. бригадиром животноводческой бригады. В деле имеется на нее положительная служебная характеристика, она была кандидатом в члены ВКП(б). Каких-либо указаний на неправильности в ее поведении или сведений о том, что Ч. лечилась у психиатров, в деле не имеется. С 1943 г. она вступила в интимную связь с председателем колхоза М., в результате чего в ноябре 1944 г. она забеременела. Беременность, повидимому, протекала нормально, так как она до дня родов продолжала работать, никому никаких жалоб на состояние своего здоровья не высказывала. Узнав о беременности Ч., М. всячески уговаривал ее беременность прервать, но Ч. на это не согласилась. В дальнейшем, под влиянием уговоров М., она решила убить ребенка при рождении, причем об этом своем решении она намекала М. в разговоре за 4 дня до родов. В день родов, когда начались схватки, она упорно скрывала от окружающих, что у нее начались роды и утверждала, что у нее расстроен желудок. Сама Ч. показывает следующее (л. д. 19): «Решившись на убийство ребенка, я заранее приготовила ведро, воды сошли в ведро. Ребенок родился живым, успел чуть крикнуть». Но ребенок упал в воды, так как Ч. рожала «прямо на ведро, с расчетом, чтобы ребенок захлеб-

нулся». Пуповину она сама оторвала, а затем некоторое время лежала без движения, после чего тело ребенка завернула в тряпку, содержимое вылила в отверстие в стойле телятника, а потом тело ребенка бросила в то же отверстие, засыпав сверху навозом. Чтобы скрыть роды от окружающих, она на другой день вышла на работу, причем свидетели отмечают, что она в этот день была, как обычно, «веселой», никаких признаков болезни никто не замечал. На первом допросе Ч. отрицала, что была беременна и утверждала, что слухи о том, что она родила и убила ребенка, являются ложными. В дальнейшем она во всем созналась. На основании изучения материалов дела комиссия дает следующие ответы на поставленные вопросы: 1) Если роды проходят в тяжелых физических условиях для роженицы, то это еще не предопределяет обязательного возникновения какого-либо психического расстройства, исключающего вменяемость. 2) Из материалов уголовного дела видно, что инкриминируемое Ч. правонарушение совершено ею вне какого-либо болезненного расстройства душевной деятельности. Сама Ч. объясняет его психологически вполне понятными мотивами. Ее действия до родов, в момент родов и после них имели целенаправленный характер, связанный с ее намерением уничтожить ребенка. Свои действия в течение всего этого отрезка времени она вспоминает достаточно четко и последовательно. Непосредственно перед родами и после них никто из свидетелей не отмечает в ее поведении или высказываниях каких-либо неправильностей, говорящих о ее болезненном состоянии. Важным обстоятельством является и то, что на второй день после родов Ч. уже работала и была, как всегда, «веселой». Ее попытка отрицать правонарушение и даже свою беременность в начале следствия также говорит против предположения о ее болезненном состоянии в момент совершения преступления. Поэтому Ч., как совершившую правонарушение вне какого-либо болезненного расстройства душевной деятельности, в отношении данного преступления следует считать вменяемой.

Председатель комиссии:

психиатр-эксперт проф. Бунеев

Члены комиссии:

психиатр-эксперт проф. Молочек

психиатр-эксперт ст. научн. сотр. Луц

Докладчик:

психиатр-эксперт ст. научн. сотр. Фрейеров

КОММЕНТАРИИ

В советских учебниках уголовного права не упоминается о случаях так называемых *actiones liberae in causa*.¹ Таганцев определяет их как «поставление себя в состояние недееспособности или ввиду осуществления в этом состоянии какого-нибудь преступного деяния, или при таких обстоятельствах, когда виновный мог и должен был предвидеть, что в таком состоянии он может учинить что-либо преступное или не исполнить требования закона».²

Школьными примерами в старых учебниках были: мать легла вместе с грудным ребенком и во сне задавила его; сторож не перевел стрелки, заснувши или напившись до бесчувствия перед проходом поезда, который и потерпел крушение; вызванный в суд свидетель, зная, что ему через полчаса надо явиться в суд свидетелем, ложится спать, не приняв никаких мер, чтобы его во-время разбудили и т. д.

Авторы старых учебников рассматривали эти случаи в учении о вменяемости. Но уже из приводимых примеров видно, что не всегда такое состояние является состоянием невменяемости, поскольку о невменяемости мы говорим лишь в тех случаях, когда отсутствие способности отдавать отчет в своих действиях и руководить ими обусловлено болезненным расстройством душевной деятельности. Если мать «заспит» своего младенца, то разрешение вопроса об ответственности ее за смерть ребенка будет зависеть от установления того состояния, в котором она находилась, когда укладывалась спать, от установления того, знала ли она, что спит во сне беспокойно, сознавала ли она возможность задушения ребенка во время своего сна и т. д. В зависимости от всех обстоятельств дела может быть установлена и форма ее вины: вина может быть неосторожной, если она не знала о своих «повадках» во время сна, но должна была знать, вина может быть умышленной, если она действовала, укладываясь спать, с прямым или косвенным умыслом «заспать» ребенка.

Советская судебная практика, не колеблясь, вменяет работнику транспорта—машинисту в вину задержку поезда, если таковая произошла вследствие того, что машинист лег сознательно до своего дежурства спать, не приняв никаких мер к тому, чтобы его разбудили. Вопрос о том, находился ли он во время сна в состоянии невменяемости, и не поднимается.

Дело Ч. может быть рассмотрено с точки зрения умышленного создания ею такой обстановки, которая грозила бы

¹ Буквально: действия, свободные в причине.

² Таганцев, Русское уголовное право, 1902, т. 1. стр. 479 и сл.

смертельной опасностью для ее ожидаемого ребенка. «Вменяемость есть субъективный момент состава преступного деяния; поэтому его бытие должно существовать не всегда в тот момент, когда объективно совершается событие, а в тот, когда в событие вкладывается виновный, становясь причиной нарушения или неисполнения нормы». «Если, — иллюстрирует это положение автор, — преступник устроил машину с часовым приводом, которая через 12 часов должна произвести взрыв, то он отвечает за последствия взрыва, хотя бы в самый момент взрыва он спал непробудным сном; лицо дееспособное приготовило отраву — оно отвечает за отравление, хотя бы жертва выпила эту отраву через два дня, в то время, когда отравитель находился в припадке эпилепсии, временного душевного расстройства».¹

Психическое отношение к приведению себя в состояние, в котором виновный не мог отдавать отчета в своих действиях и руководить ими, может выразиться или в умысле или в неосторожности. Вопрос о наличии вины в той или другой ее форме должен быть решен в каждом отдельном случае на общих основаниях установления вины. Поэтому мы и считаем более правильным излагать этот вопрос в учении о вине и ее формах.

¹ Таганцев, Русское уголовное право, 1902, т. 1, стр. 481.

ВОПРОСЫ НЕОСТОРОЖНОЙ ВИНЫ

1. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР от 23 июля 1947 г.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР рассмотрела в заседании от 23 июля 1947 г. протест Председателя Верховного Суда СССР на приговор народного суда 8-го уч. Ленинградского района г. Москвы от 15 апреля 1947 г., которым по ст. 139 УК РСФСР осужден на два года лишения свободы без поражения в правах Гончаров Никита Илларионович, 1914 г. рождения, грамотный, русский, несудимый.

Московский городской суд 26 апреля 1947 г. приговор народного суда оставил в силе, а кассационную жалобу Гончарова без последствий.

Судебная коллегия установила:

Гончаров признан виновным в том, что 20 февраля 1947 г. в 15 часов, управляя грузовой автомашиной МЖ-45-25, следовал по Амбулаторному переулку в сторону станции Подмосковная со скоростью 5 км. в час. При подъезде к дому № 19 Гончаров заметил впереди своей автомашины двое саней, в которых находились возчики. Гончаров мер предосторожности не принял и, ограничившись подачей сигналов, стал объезжать подводы. При объезде саней Гончаров ударил задним правым колесом автомашины о задний левый угол саней, в которых находился возчик Тихонов. При столкновении Тихонов упал с саней и попал под заднее колесо автомашины, в результате чего получил тяжкие телесные повреждения, от которых на месте происшествия скончался.

Суд констатировал, вместе с тем, что Гончаров не нарушил правил уличного движения, вел машину с дозволенной скоростью, был в трезвом состоянии, поэтому, отвергнув обвинение Гончарова по ст. 59³в, квалифицировал его действия по ст. 139 УК РСФСР.

Для осуждения по ст. 139 УК РСФСР требуется, чтобы виновный предвидел последствия своих действий и надеялся легкомысленно их избежать (так называемая преступная самонадеянность) или, чтобы виновный не предвидел последствий своих действий, но мог и должен был их предвидеть (так называемая преступная небрежность). В данном случае речь могла идти лишь о наличии или отсутствии преступной небрежности Гончарова.

Материалами дела установлено, что на санях Тихонова стояли подсанки и сам Тихонов стоял на этих подсанках на коленях. Народный суд ссылается в приговоре, что виновность Гончарова устанавливается и свидетельскими показаниями Кондрашевой, которая, как сказано в приговоре, пояснила суду, что она видела, как при обгоне подвод Гончаров задел автомашиной сани, сани перевернулись и когда она подошла, то возчик Тихонов был мертв.

В действительности же свидетельница Кондрашева показала на судебном следствии следующее: «Я шла за подводой, сзади ехала машина очень тихо и давала сигнал. При объезде подвод возчик дернул лошадь, сани верхние свалились и человек попал под машину, который умер. Как это получилось, я не знаю, но лошадь подалась назад. По сторонам свободного места было много. Потерпевший стоял на коленях в санях». Показание Кондрашевой, данное ею на суде, подтверждается и «схемой», составленной ответственным дежурным ОРУД Управления милиции г. Москвы (л. д. 18). Из схемы видно, что не автомашина задела сани, а наоборот, сани «задели» машину. И произойти это могло оттого, что возчик дернул лошадь, а лошадь подалась назад.

Судебно-медицинским исследованием трупа Тихонова установлено также, что «Тихонов незадолго до смерти принимал алкоголь» (л. д. 19). Принимая во внимание это обстоятельство, а также то, что Тихонов стоял на подсанках, находившихся в неустойчивом положении, на коленях, не трудно понять, что при осаживании назад саней и при столкновении саней с автомашиной Тихонов потерял равновесие и попал, по своей вине, под колесо машины.

Народный суд нашел, что Гончаров «при обгоне подвод соответствующих мер не принял». Но суд не указывает, какие же меры предосторожности должен был принять Гончаров. Ехал Гончаров с дозволенной скоростью, благополучно миновал задние сани, также благополучно проехал бы и передние, если бы Тихонов не дернул лошадь, а та не подалась бы назад и т. д. Но Гончаров не мог всего этого предусмотреть. Гончаров проезжал мимо саней на достаточном расстоя-

нии и не должен был, по обстоятельствам дела, «убеждаться в безопасности проезда автомашины вблизи от саней-подвод».

Анализа субъективной стороны дела ни народный суд, ни городской суд не произвели, а исходили из факта смерти Тихонова, другими словами, ограничились объективным вменением, тогда как советское уголовное право исходит из непреложного принципа необходимости доказать вину обвиняемого. В данном случае никакой вины за Гончаровым не было.

Исходя из изложенного, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР определила:

Приговор народного суда 8-го участка Ленинградского района г. Москвы от 15 апреля 1947 г. и определение Московского городского суда от 26 апреля 1947 г. отменить, и дело Гончарова Н. И., осужденного по ст. 139 УК РСФСР, за отсутствием состава преступления, производством прекратить.

КОММЕНТАРИИ

«Советское уголовное право исходит из непреложного принципа необходимости доказать вину обвиняемого», подчеркивает Судебная коллегия Верховного Суда СССР в своем определении по делу Гончарова. В этом деле народный и городской суды не уделили достаточного внимания субъективной стороне состава преступления. Они исходили из факта смерти потерпевшего Тихонова, и поскольку между действиями Гончарова и смертью Тихонова имелаась причинная связь (Гончаров «объезжал» сани Тихонова), они, по существу, наличием этой связи и удовлетворились.

В судебной практике приходится иногда встречаться с тем, что суды не учитывают принципиальной разницы между «случаем» и «небрежностью». И случаю и небрежности свойственен общий признак — непредвидение последствий своих действий. Но при «случае» субъект не только не предвидел, но не мог и не должен был предвидеть возможные последствия своих действий. При небрежности субъекту как раз и вменяется в вину, что хотя он и не предвидел, но по обстоятельствам дела мог и должен был предвидеть.

Мы можем говорить, что субъект «должен» был предвидеть, когда обязанность этого «предвидения» вытекает из правил, установленных для данной профессии или должности или вообще из правил социалистического общежития. В отношении вождения автомашин установлены специальные правила: о допустимой скорости движения, о правилах при объезде и т. д. Суд констатировал, что со стороны Гончарова никаких нарушений правил уличного движения не было: он вел машину с дозволенной скоростью, давал сигналы, проез-

жал мимо саней на достаточном расстоянии, находился в трезвом состоянии. Соблюдая все правила уличного движения, Гончаров, тем самым, и не мог предвидеть, что Тихонов попадет под колесо его машины. Он благополучно миновал задние сани, миновал бы не менее благополучно и передние, если бы Тихонов не дернул лошадь, а та не подалась бы назад, а сани не задели бы машину, и если бы Тихонов, правивший лошадью, находясь в неустойчивом положении и к тому же бывший под влиянием алкоголя, не упал бы от толчка под колесо. В данных обстоятельствах Гончаров не должен и не мог предвидеть такого развития причинной связи. Поэтому не он виноват, а сам Тихонов виноват в своей смерти.

2. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР от 2 июня 1948г.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР рассмотрела в заседании от 2 июня 1948 г. протест Председателя Верховного Суда СССР на приговор народного суда Серебряно-Прудского района Московской области от 15 октября 1947 г., которым Мостовой Николай Иванович, рождения 1916 г., украинец, из рабочих, б/п., образование 8 классов, женат, детей не имеет, на иждивении мать, осужден к трем годам лишения свободы, с запрещением занимать должность водителя автомашины после отбытия наказания сроком на два года.

Московский областной суд 1 ноября 1947 г. приговор народного суда оставил в силе, а жалобу Мостового без последствий.

Судебная коллегия по уголовным делам установила:

Мостовой Николай Иванович был признан виновным в том, что 14 сентября 1947 г. в полдень, проезжая на грузовой машине, принадлежащей заводу «Серп и молот», около леса Старинская Роща, недалеко от села Нижние Мойгоры Серебряно-Прудского района, при подаче машины назад, убил мальчика Юрия Колганова, 1932 г. рождения, задним колесом машины с правой стороны.

Виновность Мостового по данному делу вполне доказана, но мера наказания является завышенной.

Ст. 139 УК РСФСР в качестве санкции за неосторожное убийство предусматривает лишение свободы до трех лет или исправительно-трудовые работы на срок до одного года. При одинаковом последствии — наступление смерти — закон за неосторожное убийство устанавливает для санкции весьма

широкие рамки. Тем самым, при назначении меры наказания суд должен руководствоваться степенью неосторожной вины.

Мостовой разворачивал машину не на абсолютно пустой дороге, а на месте, где, как он знал, были ребяташки. Знал ли он, что их было трое, или двое — не имеет значения. Все же вина Мостового не столь велика, как если бы он стал разворачивать и осаживать назад в месте скопления публики, грубо пренебрегая правилами предосторожности, не подавая сигналов, не обращая никакого внимания на то, что делается сзади и по бокам машины.

На основании изложенного Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР определяет:

Приговор народного суда и определение Московского областного суда изменить — назначить Мостовому Николаю Ивановичу наказание в виде исправительно-трудовых работ сроком на один год с удержанием 20% из заработной платы, исключить из приговора указание на запрещение занимать должность водителя машины после отбытия наказания сроком на два года, из-под стражи Мостового Николая Ивановича освободить и считать ему наказание, назначенное настоящим определением на основании ст. 29 ч. 3 УК РСФСР, отбытым.

КОММЕНТАРИИ

Определение по делу Мостового представляет значительный интерес. В нем поднят вопрос о необходимости при назначении наказания за преступления, совершенные по неосторожности, учитывать степень ее, проявленную в конкретном деле. Этот вопрос является, вместе с тем, частью более общего вопроса о необходимости советскому суду при определении наказания тщательно взвешивать качественную и количественную сторону назначаемого наказания. К сожалению уголовно-процессуальные кодексы советских союзных республик не требуют, чтобы при постановлении приговора суд мотивировал размер назначенного наказания. Требование мотивировки содержится лишь в ст. 51 УК РСФСР и соответствующих статьях УК других союзных республик, когда суд назначает наказание ниже низшего предела наказания, указанного в статье, или переходит к более мягкой мере наказания.

Между тем, в наших УК имеются статьи с чрезвычайно широкими санкциями, как например, ст. 136 УК, РСФСР, когда суд может, не прибегая к ст. 51 УК, назначить и один год и десять лет лишения свободы.

По Указу от 4 июня 1947 г. суд может за квалифицированное хищение государственного имущества назначить заклю-

чение в исправительно-трудовой лагерь на срок от 10 до 25 лет.

Было бы неправильно думать, что суд ничем не связан при выборе конкретной меры в «пределах», установленных законом для данного преступления. Помимо п. «б» ст. 45 УК РСФСР, где говорится об этих пределах, ст. 45 в п. «а» требует, чтобы при назначении наказания суд руководствовался «указаниями Общей части Уголовного кодекса», в п. «в» указывает на необходимость при назначении наказания руководствоваться «своим социалистическим сознанием, исходя из учета общественной опасности совершенного преступления, обстоятельств дела и личности совершившего преступление».

При одинаковом последствии — наступление смерти — закон за неосторожное убийство устанавливает широкую санкцию: от краткосрочных исправительно-трудовых работ до трех лет лишения свободы. Степень наказания должна, таким образом, зависеть не от последствия преступления. Различие в последствиях может быть лишь в том случае, если, по неосторожности, будет причинена смерть не одному человеку, а нескольким. Но, поскольку последствие состоит в причинении смерти одному человеку, различие в мере наказания будет зависеть от степени неосторожности в конкретном случае. Хотя УК не знает деления неосторожности на более грубую или более легкую неосторожность, но такого рода различие степени неосторожности имеет жизненное значение.

Назначение максимума наказания по ст. 139 УК Мостовому было бы оправдано, если бы он стал разворачивать машину и осаживать ее назад в месте скопления публики, грубо нарушая правила вождения автомашин, не подавая сигналов, не обращая внимания на то, что делается по бокам машины и сзади. В таком случае мы могли бы говорить о явном пренебрежении водителя машины к требованиям социалистического общежития. В данном случае было бы вполне оправдано и задержание виновному на определенный срок заниматься профессией водителя автомашин.

В деле Мостового суд заменил назначенное судом лишение свободы исправительно-трудовыми работами. Но следует иметь в виду, что Мостовой отбыл уже несколько месяцев лишения свободы.

ЗНАЧЕНИЕ УСТАНОВЛЕНИЯ ОБЪЕКТИВНОЙ И СУБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

*Постановление Пленума Верховного Суда СССР
от 2 апреля 1948 г.*

По приговору Военного трибунала Московско-Донбасской железной дороги от 19 августа 1946 г. Безбабичев Лев Иванович, 1920 г. рождения, уроженец г. Ефремова, Тульской обл., русский, б/п., окончивший 7 классов, холост, работавший на ж.-д. транспорте с 1945 г., судимый в 1940 г. по ст. 162 п. «д» УК РСФСР, назначенное наказание 1 год и 6 месяцев лишения свободы отбыл, был осужден по ст. 167 ч. 3 УК РСФСР к 10 годам лишения свободы в исправительно-трудовых лагерях с поражением в избирательных правах на три года. Безбабичев был признан виновным в том, что 23 апреля 1946 г., сопровождая поезд № 1059, он, с целью завладения чужим имуществом, совершил разбойное нападение на ехавшего с ним в вагоне теплушки гр-на Кузнецова, убил его и труп потерпевшего выбросил на ходу из вагона.

Рассмотрев кассационную жалобу Безбабичева, Военная железнодорожная коллегия Верховного Суда СССР определением от 7 октября 1946 г., найдя квалификацию действий Безбабичева неправильной, поскольку по делу не установлено применение оружия при нападении на потерпевшего, изменила приговор, переквалифицировав действия Безбабичева с ч. 3 на ч. 2 ст. 167 УК, оставив в остальном приговор в силе.

Как приговор, так и определение Коллегии подлежат отмене по следующим основаниям:

1. Происшествие имело место в ночь с 28 на 29 апреля 1946 г. Протоколом осмотра места происшествия 29 апреля 1946 г. установлено, что на 179 километре московского пути с правой стороны по ходу поезда лежит труп мужчины на вид 18—20 лет.

На основании наружного осмотра и внутреннего вскрытия судебно-медицинский эксперт дал заключение, что «смерть на-

ступила в результате повреждения вещества мозга и обильного кровотечения. При осмотре левой голени очевидно повреждение костей, разрыв мягких тканей произошел после того, как пострадавший был мертв, так как на месте перелома и в сапоге не обнаружено следов крови. Резаные раны в области затылка и ушибы головы с последующим кровоизлиянием позволяют высказать мысль, что пострадавший попал под движущийся поезд в обморочном состоянии, несомненно, что пострадавший был в сильной степени опьянения».

При осмотре трупа в качестве понятого присутствовал гр. Аркатов — дядя Кузнецова. Допрошенный 29 апреля Аркатов показал, что накануне он и его племянник Кузнецов приехали с пригородным поездом в Каширу. Цель их поездки была деревня Пашково, Веневского района, Тульской области, где проживала мать Кузнецова и сестра Аркатова. Доехав до Каширы, они дальше отправились с рабочим поездом до ст. Ожерелье, а от этой станции до ст. Грицево рассчитывали доехать товарным поездом. Увидев теплушку кольцевого маршрута, около двери которой стоял начальник маршрута, Аркатов предложил последнему довезти их до ст. Грицево. По обещании литра водки начальник маршрута согласился на это. Перед самым отходом маршрута Аркатов вышел из теплушки и тут работники милиции предложили ему пройти в дежурную комнату для проверки документов. Пока проверяли документы, маршрут ушел, и в теплушке уехал Кузнецов с вещами Аркатова. Аркатову удалось доехать до Грицева с пассажирским поездом. Аркатов рассчитывал, что его в Грицеве встретит Кузнецов, но Кузнецова не оказалось. Переночевав на станции Грицево у своего односельчанина, с утра Аркатов отправился к сестре в деревню Пашково. Через 15—20 минут пришла к Кузнецовой работница почтового отделения и сказала, что Кузнецов Анатолий Никитович задавлен поездом. Аркатов сейчас же отправился на место происшествия и действительно узнал в трупе своего племянника Кузнецова.

В тот же день на ст. Узловая был задержан начальник кольцевого маршрута Безбабичев, и был произведен осмотр его теплушки. При осмотре внутри вагона-теплушки установлено, что теплушка состоит из двух отделений. В первом отделении, на полу в левом углу, находился уголь, наколотые дрова, железный лом, топор, две железные лопаты. Под наколотыми дровами в самом углу обнаружен пистолет и две обоймы с 16 патронами. Пол весь взмоchen, вымытый. При входе в вагон с правой стороны на досках перегородки обнаружены три пятна «в виде крови». При осмотре второй половины вагона обнаружена койка с постельной принадлеж-

ностью, печка. Перед окном стоит стол, стена половины вагона обшита белой бумагой. На одном листе бумаги лобовой стенки обнаружено второе пятно крови, под столом обнаружено третье пятно крови. В вещах, принадлежащих свидетелю Аркатову и находившихся под койкой в мешке, обнаружено на бабитовой плитке небольшое пятно в виде крови. В биологическую лабораторию при МОСМЭ были доставлены 6 вырезок с дерева и пластинка сплава, а также кровь убитого Кузнецова. Согласно заключению экспертизы на сплаве и на вырезках с дерева обнаружена человеческая кровь. Кровь на дереве и кровь убитого Кузнецова относится к группе О. Группа крови, обнаруженная на сплаве, не определялась ввиду недостаточного ее количества.

Допрошенный 29 апреля Безбабичев показал, что накануне на ст. Ожерелье он согласился подвезти в теплушке двух граждан за пол-литра водки, но он уехал только с одним из них, так как второй был задержан милицией. В пути следования оставшийся в вагоне неизвестный гражданин достал кусок рыбы, батон хлеба и пол-литра, который они и распили. Неизвестный рассказал ему, что он только что освобожден из заключения (что соответствовало действительности), жаловался на свою жизнь и рассказал, между прочим, что у его дяди, который остался в Ожерелье, имеются пистолеты. Затем они выпили второй пол-литра. Оба сильно опьянели. Когда поезд подходил к ст. Мордвес, то спутник стал ковыряться в мешке, достал две пачки папирос, булку и, наконец, два свертка, в одном из которых оказался пистолет системы «ТТ», во втором две обоймы. Затем, по словам Безбабичева, его спутник предложил ему допить водку, но Безбабичев отказался. Тогда он наставил на него пистолет и стал требовать, чтобы он передал ему свои документы и деньги. По словам Безбабичева, ему удалось отнять у спутника пистолет, а затем и обоймы. Неизвестный стал просить его отдать пистолет, иначе его дядя будет ругать. В это время поезд стал подходить к ст. Мордвес и неизвестный выскочил из вагона и больше его Безбабичев не видел. О случившемся Безбабичев никому не заявлял потому, что рассчитывал, что неизвестный и его дядя вернутся в теплушку за своими вещами. Когда поезд прибыл на место назначения на ст. Жданки, то Безбабичев приступил к уборке вагона, в частности, вымыл пол. Пистолет и обоймы Безбабичев положил в уголь и дрова, чтобы их не утащили. Закрыл теплушку и поехал на ст. Узловая по делам службы, а затем к себе домой, где сменил верхнюю одежду, т. е. комбинезон, надел железнодорожный костюм, сапоги простые снял, надел хромовые, кепку заменил красноармейской фуражкой, надел

поверх пальто прорезиненный плащ. Затем пошел к начальнику кольцевой группы, отметил командировку, получил хлебную карточку на май месяц и снова возвратился домой, пообедал и ровно в 16 часов отправился к своему маршруту — поезду на ст. Жданка. На вопрос, не наносил ли Безбабичев побои неизвестному при отнимании револьвера и не наносил ли неизвестный ему побои, Безбабичев ответил отрицательно. На вопрос, что из вещей и продуктов принес Безбабичев домой, последний ответил, что из вещей ничего не приносил, а из продуктов одну белую булку и 5 или 6 конфет, которые отдал сестре. При возвращении на ст. Узловая Безбабичев был задержан.

С целью обнаружения вещественных доказательств 29 апреля в доме матери Безбабичева был произведен обыск и изъяты керзовые сапоги и старые мужские брюки. При дополнительном обыске 30 апреля в доме матери Безбабичева обнаружили на вешалке при входе в дом овчинную безрукавку и комбинезон черного цвета, принадлежащие Безбабичеву, — которые были также изъяты. Все изъятые вещи 3 мая были возвращены матери Безбабичева.

После получения заключения биологической лаборатории Безбабичев был вновь допрошен. На вопрос, откуда на стенах теплушки оказались брызги крови, принадлежащие Кузнецову, Безбабичев объяснил, что он, видимо, отнимая у Кузнецова огнестрельное оружие, ударил его по носу, а Кузнецов впоследствии мог братья руками за нос и при взмахе руки могли быть брызги на стены, отсюда видимо и оказалась кровь Кузнецова. Кроме того, у Кузнецова было лезвие от безопасной бритвы, которым он при борьбе мог порезать руки, а кровь брызгами попадала на стены вагона.

В судебном заседании Безбабичев, как и на предварительном следствии, не признавал себя виновным и поддерживал прежнюю версию о происхождении пятен крови на стенах вагона.

Как видно из изложенного, прямых доказательств обвинения Безбабичева по делу не добыто, и обвинение в значительной части основано на предположениях и умозаключениях, вытекающих из оценки отдельных фактов в пользу версии обвинения.

2. Для обвинения в убийстве необходимо, чтобы было точно указано, каким способом, с помощью каких орудий было произведено данное убийство. В обвинительном заключении было указано, что «Безбабичев, имея при себе исправный пистолет и к нему 16 штук патронов в двух обоймах, пользуясь случаем опьянения Кузнецова, совершил вооруженный разбой

путем нанесения ударов по голове Кузнецова, пробив ему череп головы, и его убил». По этому поводу следует отметить, что пистолет, изъятый при обыске в теплушке, не был подвргнут экспертизе на предмет нахождения на нем следов крови и т. п. В деле имеется лишь опись на сдачу огнестрельного оружия в камеру вещественных доказательств. В примечании сказано, что пистолет является вполне исправным и к стрельбе пригоден.

Военный трибунал, не установив вообще, каким способом убил Безбабичев Кузнецова, удовольствовался указанием в приговоре, что Безбабичев, «воспользовавшись отсутствием гр-на Аркатова, с целью завладения вещами, совершил убийство Кузнецова, а на переходе Ольховка-Грицево на ходу поезда, на 179 км., выбросил труп убитого». Поскольку суд признал Безбабичева виновным по ст. 167 ч. 3 УК РСФСР, т. е. в вооруженном разбое, следует умозаключить, что суд, хотя этого он и не высказал в своем приговоре, исходил из версии обвинительного заключения, которая, однако, на суде не была достаточно подтверждена.

Военная железнодорожная коллегия, признав установленным, что Безбабичев, с целью завладения чужим имуществом, совершил разбойное нападение на ехавшего с ним в вагоне-теплушке Кузнецова, убил его и труп выбросил, вместе с тем пришла к заключению, что не установлено применение Безбабичевым оружия и поэтому переквалифицировала действия Безбабичева на ст. 167 ч. 2 УК. Тем самым Коллегия отвергла версию прокуратуры и суда, что удары были нанесены пистолетом. Но в чем состояло насилие со стороны Безбабичева при разбойном нападении, какие действия Безбабичева повлекли за собой смерть Кузнецова, Коллегия не указала.

3. Обвинительное заключение исходило из того, что пистолет принадлежал Безбабичеву. На предварительном следствии принадлежность пистолета Безбабичеву установлена не была. Ряд свидетелей, допрошенных по этому вопросу, показал, что никакого оружия у Безбабичева они не видели. Таким образом, этот вывод основан на предположении, которое вызывает сомнение, так как Безбабичев, отправившись домой, оставил пистолет в теплушке, зная, что его должен был сменить другой железнодорожник, свидетель Аничкин.

4. Военный трибунал и Коллегия считают установленным, что Безбабичев совершил разбойное нападение, т. е. что он напал на Кузнецова с целью его ограбления. В приговоре сказано, что Безбабичев отправился домой, «захватив часть награбленных вещей». Между тем, из протокола осмотра теп-

лушки видно, что мешок как Кузнецова, так и его дяди Аркатава находились в теплушке, под койкой, они оставались там и до прихода свидетеля Аничкина, который должен был сместить Безбабичева. На суде свидетель Аркатов показал, что у него нехватило половины белой булки, конфет, сахару, остальное все было цело. Что касается вещей Кузнецова, то по словам Аркатава на предварительном следствии недоставало двух банок консервов, двух пол-литров водки, двух булочек — саек и целиком одной рыбы. Аркатов вместе с тем не знал, сколько буханок хлеба было в мешке Кузнецова. Оба пол-литра были выпиты, часть запасов Кузнецова пошла на закуску. Оба мешка Безбабичев оставил в теплушке, а не понес домой. При оценке этой версии следует принять во внимание, что из разговора с Кузнецовым Безбабичев мог знать, что на ст. Ожерелье остался его дядя, и что если он убьет Кузнецова в целях ограбления, то это не может пройти бесследно, так как дядя Кузнецова знает, с каким поездом и с кем он уехал со ст. Ожерелье.

5. Если бы было даже установлено, что именно Безбабичевым были причинены повреждения, носящие прижизненный характер, то и это обстоятельство не подтверждает с бесспорностью версию обвинения, так как одинаково предположительно можно было бы говорить и о простом умышленном убийстве в драке или об умышленном тяжком телесном повреждении. Однако прижизненные повреждения могли быть причинены не только ударами по голове каким-либо твердым тупым предметом, но и ударом Кузнецова о землю при падении его из вагона. Актом осмотра трупa было установлено, что у Кузнецова нос был оторван. Такое повреждение не могло быть причинено ударом пистолета, но могло бы очень легко последовать при падении тела на землю из поезда. Можно предположить далее, что Безбабичев вытолкнул или выбросил пьяного Кузнецова из вагона, но можно также предположить, что сильно пьяный Кузнецов сам выпал из вагона. В акте осмотра значится: «желудок пуст, слизистая гиперимирована, отмечается резкий запах алкоголя». В заключении говорится, что, «несомненно, пострадавший был в сильной степени опьянения».

6. Вывод суда о том, что Безбабичев вымыл пол теплушки в целях сокрытия следов преступления, является только предположительным, тем более, что ничем не опровергнуто его заявление, что это было обычное приведение теплушки в порядок при окончании дежурства, к тому же Безбабичев должен был прежде всего удалить белую бумагу со следами крови, чего он не сделал.

7. Равным образом основан на предположении вывод о том, что Безбабичев переоделся дома в другое платье с целью сокрытия следов преступления. Все носильные вещи, бывшие на Безбабичеве в ночь на 29 апреля, были отобраны и возвращены уже 3 мая матери Безбабичева, очевидно, потому, что, не имея никаких следов, они не могли явиться вещественными доказательствами по делу.

8. Вызывает сомнение акт судебно-медицинской экспертизы. Запрошенный по поводу этого акта профессор судебно-медицинской экспертизы М. И. Авдеев дал следующее заключение:

«Акт судебно-медицинского вскрытия трупа Кузнецова Анатолия является недопустимо кратким и поэтому неполноценным и дефектным. Наружный осмотр составлен очень кратко. Повреждения не описываются, а определяются. Так, в акте указано, что в затылочной области имеется резаное ранение $0,5 \times 1$ см. Однако признаки резаной раны не описаны. Хорошо известно, что раны от тупых орудий на голове очень напоминают по внешнему виду резаные раны. Другие повреждения в области головы: обширное вдавление костной ткани с размозжением костей и трещиной, продолжающейся через весь череп до затылочной кости, отрыв носа, повреждение глаза, указывают, во-первых, на большую площадь поражения и, во-вторых, на значительную силу удара. Такие повреждения могли возникнуть или от удара каким-нибудь тяжелым тупым предметом со значительной силой (обух топора, лом и тому подобное) или же от удара о твердые предметы при падении, например, из движущегося вагона.

В акте вскрытия имеются указания о долгом волочении тела Кузнецова по земле, что имело место, повидимому, вследствие того, что Кузнецов зацепился какой-нибудь частью одежды за выступающие части вагона. Все обнаруженные у Кузнецова повреждения могли так же возникнуть и при волочении его тела по земле. Отсутствие кровоизлияний в области перелома голени может быть объяснено различными причинами.

Если Кузнецов потерял много крови в результате повреждений головы, то и при прижизненном переломе голени в области перелома кровоизлияния могло и не быть.

Судя по описанию повреждений головы, они должны быть смертельными, и смерть должна была наступить очень быстро. Последующее повреждение голени при волочении тела Кузнецова по земле также могло произойти без кровоизлияния и носить характер посмертного повреждения».

Хотя это заключение профессора Авдеева и не может рассматриваться как документ, имеющий процессуальное значе-

ние экспертизы, однако, изложенные в нем соображения, колеблющие выводы экспертизы, вызывают сомнение в ее правильности и могут служить основанием для доследования дела.

Ввиду всего изложенного и учитывая, что обвинение основано на недостаточно исследованных обстоятельствах дела, Пленум Верховного Суда СССР постановляет:

Приговор Военного трибунала Московско-Донбасской ж. д. от 19 августа 1946 г. и определение Военной железнодорожной коллегии Верховного Суда СССР от 7 октября 1946 г. по делу Безбабичева Льва Ивановича отменить, и дело о нем, через Генерального Прокурора СССР, передать на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия с привлечением в частности авторитетной судебно-медицинской экспертизы для суждения о правильности выводов имеющегося в деле акта экспертизы в свете соображений, изложенных в заключении профессора М. И. Авдеева.

Приложение 1

ПРОТОКОЛ ОСМОТРА МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ

1946 г. апреля 29 дня. Казарма 179 км.

Я, лин. опер. уполн. ст. Мордвес, ст. лейт. милиции Самородов, в присутствии бригадира пути 7-го околотка 4-й дистанции пути Катюкова Михаила Никандровича, ремонтного рабочего того же околотка Конобасина Сергея Васильевича и гр-на Аркатова Тихона Никитовича, проживающего город Москва, 2-я Синичкина ул., дом № 18, кв. 4, сего числа в 12 часов прибыл на место происшествия, где оказалось:

На 179 км. 10 пикета московского пути с правой стороны по ходу поезда лежит труп мужчины на вид 18—20 лет без головного убора, в черном осеннем пальто, серых шерстяных брюках, хромовых сапогах. Труп лежит вниз лицом, левая рука откинута в сторону, правая под туловищем. Волоса острижены под «польку». При осмотре трупа обнаружено — череп: голова разбита, лицо залито кровью, на руках ссадины, на спине и груди также имеются ссадины со следами мазута и балласта, левая нога имеет перелом голенной кости, с измятой ступней, сапог левой ноги изорван. При обыске трупа обнаружены документы:

1. Паспорт — временное удостоверение № 0621 на имя Кузнецова Анатолия Никитовича, р. 1928 г., выданный милицией г. К. (неразборчиво).

2. Справка об освобождении из заключения на имя Кузнецова Анатолия Никитовича.

3. Приписное свидетельство допризывника на имя Кузнецова Анатолия Никитовича.

4. Командировочное удостоверение, написанное от руки, на имя Кузнецова Анатолия Никитовича от 25. IV. 1946 г.

5. Три фотокарточки размером 3×5 см.

6. Свидетельство о рождении на имя Кузнецова Анатолия Никитовича.

Других ценностей и документов не обнаружено.

При осмотре окружающей местности имеются следы крови между колеи пути, на левой нити рельса, с внутренней стороны следы крови на расстоянии 5—6 метров от трупа в противоположную сторону по ходу поезда, на этом расстоянии имеются мелкие кости от черепа, других следов преступления не обнаружено.

В чем и составлен протокол.

Приложение 2

АКТ

Судебно-медицинского вскрытия трупа Кузнецова Анатолия 1928 г. р., произведенного в морге Узловской больницы 4/V—46 г. судебно-медицинским экспертом Сабининым В. В. в присутствии пом. судебно-медицинского эксперта Шелеповой Т. И., начальника железнодорожной милиции т. Каминского, начальника ОУР Д/отд. милиции МДЖД т. Наводранова.

НАРУЖНЫЙ ОСМОТР

Труп мужчины выше среднего роста, атлетического телосложения, посмертные изменения выражены слабо, на коже туловища, левом бедре имеются обширные кожные ссадины, следы долгого волочения тела по земле, левая голень переломлена на уровне нижней трети с повреждением мягких частей. На черепе в области левой глазницы имеется обширное вдавление костной ткани с размозжением костей и трещиной, распространяющейся косо от левой надбровной дуги до основания затылочной кости. Левый глаз вытек, нос оборван. Сзади в области затылка имеется кожное резаное ранение размером 0,5 × 1 см. без нарушения костной ткани. В области левого виска и правой стороны затылка имеется обширное подкожное кровоизлияние без повреждения кожи, как следы ударов твердым тупым предметом.

ВНУТРЕННИЙ ОСМОТР

Черепномозговая полость. При осмотре головы установлено: раздробление костей черепа в области левой глазницы. Костная трещина, идущая от левой надбровной дуги до большо-

го затылочного отверстия, на всем протяжении трещины отмечается обширное повреждение вещества мозга с ранением кровяных сосудов. При вскрытии грудной, брюшной полостей никаких отклонений от нормы не установлено. Желудок пуст, слизистая гиперимирована, отмечается резкий запах алкоголя.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На основании наружного осмотра и внутреннего вскрытия прихожу к заключению, что смерть наступила в результате повреждения вещества мозга и обильного кровотечения. При осмотре левой голени очевидно повреждение костей, разрыв мягких тканей произошел после того, как пострадавший был мертв, так как на месте перелома и в сапоге не обнаружено следов крови. Резаное ранение в области затылка и ушибы головы с последующим кровоизлиянием позволяют высказать мысль о том, что пострадавший попал под движущийся поезд в обморочном состоянии, несомненно, что пострадавший был в сильной степени опьянения.

Печать.

Подпись.

Приложение 3

Заключение судебно-медицинского эксперта в судебном заседании 19 августа 1946 г.

На основании протокола судебно-медицинского вскрытия от 4/V 1946 г. прихожу к заключению, что гр-ну Кузнецову прижизненно были причинены следующие повреждения: рубленая рана в центре затылка с нарушением кожных и мышечных покровов $2 \times 0,5$ см.; ушиб в области левого виска с обширным кровоизлиянием, обширные кожные ссадины на спине, бедрах и животе, открытый перелом л/голеней, черепа нанесены посмертно, так как Кузнецов попал под движущийся поезд в бессознательном или мертвом состоянии, за что говорит отсутствие кровоподтеков на местах ушибов и ранений.

Судмедэксперт Сабинин.

ПРОТОКОЛ СУДЕБНОГО ЗАСЕДАНИЯ 19 августа 1946 г.

... Председательствующий предоставляет слово судмедэксперту Сабинину для дачи заключения.

Судмедэксперт дал свое заключение, которое в письменной форме приобщается к материалам дела.

На вопрос председательствующего Сабинин показал: Медицина утверждает, что если сделать надрез на теле или нанести

ушибы, то где рана, кровь выступит обильно, но у Кузнецова в сапоге из резаной ноги ни одной капли крови не было, отсюда я прихожу к заключению, что порез ноги Кузнецова произошел посмертно.

... На вопрос адвоката судмедэксперт Сабинин ответил: Порезов пальцев у убитого Кузнецова не было.

Приложение 4

ПРОТОКОЛ ОСМОТРА ТЕПЛУШКИ № 81840

1946 года апреля 29 дня. ст. Узловая

Я, оперуполномоченный Узловского отделения милиции МВД МДЖД мл. лейтенант милиции Абрамов в присутствии лин. оперуполномоченного того же отд. милиции ст. лейтенанта Самородова и нач. кольца кольцевого маршрута узловского резерва Аничкина Виктора Николаевича, проживающего ст. Узловая, ул. Пушкина, дом 1, кв. 4, сего числа на ст. Узловая при остановке поезда № 1008 произвели осмотр вагона теплушки № 81840 поезда, следовавшего со ст. Жданки в сторону Узловой с дверью с левой стороны. При осмотре оказалось: вагон-теплушка, состоящая в указанном поезде в сопровождении кольцевого маршрута. С наружной стороны вагона каких-либо пятен крови не обнаружено.

Внутри теплушки при осмотре обнаружено — теплушка приспособлена из 2-осного нормального вагона, перегородженного тесом, т. е. имеет две половины. В первой половине вагона при входе в теплушку на полу находится уголь, дрова и часть тесу — 11 досок. Тут же находится железный лом, топор, две железных лопаты, одна из них с ручкой, вторая без ручки. Под дровами обнаружена кирка с железной ручкой и в самом углу оружие системы ТТ за № 806, две обоймы и 16 шт. боевых патронов в них, завернутые в грязные белого материала портянки. Пол весь взмоchen — вымытый. В проходе в вагон с правой стороны на досках перегородки обнаружены три пятна в виде крови.

При осмотре второй половины вагона обнаружена койка с постельной принадлежностью, железная печка. Перед окном стоит стол, часть или стена половины вагона обшита белой бумагой. На одном листе бумаги с лобовой стенки обнаружено второе пятно крови. Под столом обнаружено третье пятно в виде крови, которые изъяты для исследования и установления групп крови.

При осмотре перечисленных предметов под койкой обнаружен мешок, в котором находится плетеная корзина небольшого размера, в которой находилась проволока, подготовленная для делания ведер (дужки), буханка белого хлеба, флакон

соляной кислоты, самодельные склейки и слиток свинца, на котором имеется небольшое пятно в виде крови. Тут же под койкой обнаружен второй мешок, в котором находились ржаные сухари, 3 буханки хлеба ржаного московской выпечки, порожняя жестяная банка из-под консервов и разное белье. Все перечисленное изъято в отд. мил. при ст. Узловая для выяснения обстоятельств дела. Осмотр произведен в 23 часа 40 минут 29/IV 1946 г.

Подписи.

КОММЕНТАРИИ

В Учебнике Особенной части уголовного права указывается, что с объективной стороны убийство является так называемым материальным преступлением, что для состава оконченного преступления недостаточно совершения тех или иных действий, но необходимо еще наступление определенного результата — лишения жизни человека. Поэтому для состава преступления необходимо всегда установить наличие причинной связи между совершенным действием и наступившим результатом.

Наличие смерти на практике можно установить и без помощи медицинской экспертизы, но для установления «причин смерти» вызов эксперта является по закону обязательным (см. прим. 1 к ст. 63 УПК РСФСР).

Для привлечения к уголовной ответственности за убийство необходимо установить, что причиной смерти были «действия» данного лица. Действия, которыми может быть причинена смерть, могут быть, как указывает Учебник, весьма разнообразны. Они могут быть как физическими средствами — удушение, отравление, ранение и т. д., так и психическими — вызов испуга, приведшего к разрыву сердца.

Смерть Кузнецова имела место в ночь на 29 апреля 1946 г., судебно-медицинское вскрытие состоялось 4 мая, т. е. после ареста Безбабичева, после того, как он был заподозрен в убийстве Кузнецова. Обвинительная версия сказала на заключении судебного эксперта. Только исходя из версии, что убийство совершено Безбабичевым, можно было дать заключение, из которого можно было сделать вывод, что смертельные повреждения Кузнецову были нанесены до падения его из вагона (прил. II.). В судебном же заседании судебно-медицинский эксперт категорически заявил, что определенные повреждения (а они были смертельны) причинены прижизненно, до падения под поезд (прил. III.).

Между тем, столь большой авторитет в вопросах судебной медицины, как проф. М. И. Авдеев, изучив материалы дела,

пришел к заключению, что повреждения, причиненные Кузнецову, могли быть причинены как путем удара тяжелым тупым предметом со значительной силой (обух топора, лом и тому подобное), так и от удара о твердые предметы при падении, например, из движущегося вагона. Все полученные повреждения, указывал также проф. Авдеев, могли произойти и от волочения тела по земле, если Кузнецов при падении зацепился какой-нибудь частью одежды за выступающие части вагона. Проф. Авдеев указал также, что и при прижизненном переломе голени отсутствие кровоизлияния в области перелома голени может быть объяснено различными причинами.¹

Мы видим, таким образом, что в судебной практике вопрос о наличии или отсутствии причинной связи между наступившим последствием (смертью) и вызвавшим его «действием» обвиняемого установить не всегда легко, поскольку одни и те же последствия могли наступить не от действия обвиняемого, а от действия самого потерпевшего, например, в данном деле от выпадения Кузнецова по собственной вине из вагона, в котором он ехал вместе с Безбабичевым, или из другого, если он в дороге пересел в другой вагон.

Но для установления ответственности необходимо не только наличие причинной связи действия обвиняемого с наступившими последствиями. Необходимо установить и субъективную сторону преступления.

Осуждение Безбабичева за разбой не вытекает из обстоятельств дела. Корыстный мотив вообще не мог играть роли в действиях Безбабичева. Но и вообще Безбабичев не мог ставить себе целью убивать Кузнецова, никаких мотивов к этому у него не могло быть. Мы можем говорить, самое большее, об убийстве или причинении тяжкого телесного повреждения в драке.

При драке Безбабичева с Кузнецовым, если таковая имела место, Безбабичев мог убить или ранить Кузнецова, убитого или раненого мог выбросить из вагона. Но все это одни предположения, для обвинения необходимо доказать, что Безбабичевым было действительно совершено убийство или тяжкое телесное повреждение. Председатель Верховного Суда СССР, внося протест в Пленум, просил, отменив приговор Трибунала и определение Военной железнодорожной коллегии, дело по обвинению Безбабичева по ст. 167 ч. 2 УК РСФСР за не установленностью события преступления производством прекратить.

¹Заключение проф. Авдеева полностью воспроизведено в постановлении Пленума.

Соглашаясь с необходимостью отмены приговора и определения, Пленум, как мы видим из постановления, не согласился с предложением прекратить дело производством и направило дело на новое расследование со стадии предварительного следствия.

На первый взгляд может показаться, что дело Безбабичева представляет интерес с чисто процессуальной стороны, что оно ставит вопрос о неправильной оценке судом первой и второй инстанции доказательств по делу, о необоснованности приговора и т. п. Конечно, и с этой стороны дело заслуживает изучения. Но мы считали нужным указать на материально-правовую сторону данного дела, на необходимость установления причинной связи между последствиями и действием обвиняемого, на необходимость установления, далее, виновности обвиняемого в определенном преступлении, другими словами, хотели обратить внимание, что учение о составе преступления, об отдельных его элементах—объективных и субъективных—должно быть твердо усвоено каждым практиком.

ПРЕВЫШЕНИЕ ПРЕДЕЛОВ НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНЫ

*Постановление Пленума Верховного Суда СССР
от 21 ноября 1947 г.*

По приговору Военного трибунала Каспийского бассейна от 24 января 1947 г., оставленному в силе определением Военной воднотранспортной коллегии Верховного Суда СССР от 21 февраля 1947 г. Бондяшов был осужден по ст. 137 УК РСФСР к 3 годам лишения свободы в исправительно-трудовых лагерях без поражения в правах.

Приговором по настоящему делу стрелок дивизиона ВОХР Министерства морского флота СССР Бондяшов признан виновным в том, что 11 января 1947 г. он, находясь на посту у девятых ворот Махач-Калинского порта, выстрелом из вверенной ему боевой винтовки убил рабочего гидроучастка Стройуправления № 7 Мамедова, причем убийство произошло при следующих обстоятельствах: направляясь по распоряжению своего начальника на лесораму и желая пройти ближайшим путем, Мамедов подошел к девятым воротам, через которые Бондяшов, ввиду отсутствия пропуска у Мамедова, последнего не пропустил. На этой почве между Бондяшовым и Мамедовым возникла драка. Приговор указывает, что по делу не установлено, кто был зачинщиком драки, но так как нет оснований утверждать, что зачинщиком был Мамедов, то отпадает предположение о том, что Бондяшов подвергнулся нападению со стороны Мамедова. После драки Мамедов стал убегать от Бондяшова, который с целью задержания Мамедова дал предупредительный выстрел в воздух, а вторым выстрелом убил Мамедова, чем нарушил ст. 28 Устава ВОХР.

По данному делу Генеральный Прокурор СССР внес в Пленум Верховного Суда СССР протест, полагая необходимым приговор Военного трибунала и определение Коллегии отменить, и дело производством прекратить за отсутствием в действиях Бондяшова состава преступления. В протесте указывается, что, как видно из материалов дела и, в частности,

из показаний Бондяшова, Мамедов, ввиду отказа Бондяшова пропустить его через ворота, стал ругаться и нанес Бондяшову несколько ударов, от которых он свалился, а Мамедов продолжал избивать его и пытался вырвать у него винтовку. Когда Бондяшов начал кричать и звать на помощь, Мамедов бросился бежать; поднявшись с земли, Бондяшов с целью задержания Мамедова, окриком предупредил последнего и произвел выстрел в воздух, а когда Мамедов не остановился и продолжал убегать, Бондяшев вторично выстрелил по Мамедову и убил его. Бондяшов утверждает, что никаких побоев Мамедову не наносил, что подтверждается результатами вскрытия трупа Мамедова, у которого кроме огнестрельной раны никаких повреждений, ссадин и кровоподтеков не обнаружено. Приходя на основании анализа обстоятельств дела к выводу, что Бондяшов подвергался нападению со стороны Мамедова, Генеральный Прокурор СССР указывает в протесте, что Бондяшов действовал в полном соответствии со ст. 28 Устава службы военизированной охраны Министерства морского флота и имел право применять оружие, что подтверждается и заключением старшего инспектора отделов ВОХР Министерства морского флота.

Обсудив протест Генерального Прокурора СССР, Пленум, соглашаясь с выводами протеста о том, что Бондяшов подвергался нападению со стороны Мамедова, вместе с тем полагает, что действия Бондяшова содержат состав преступления.

Согласно п. «а» ст. 28 Устава службы военизированной охраны Министерства морского флота постовой вправе применить оружие при явном нападении на него или на соседний пост. По смыслу п. «а» оружие может быть применено в указанных в нем случаях в качестве отражения нападения или защиты от него; по данному же делу установлено, что Бондяшов применил оружие уже после состоявшегося нападения, когда Мамедов бросился бежать и, таким образом, уже не находился в положении нападающей стороны. Что же касается применения оружия при побегах, то, как видно из п. «б» указанной ст. 28, оно может быть применено при побеге уже задержанных лиц и при этом только тех из них, которые являются явными злоумышленниками, совершающими грабежи, подлоги, вооруженные нападения, когда задержанные оказывают сопротивление, несмотря на предупредительные меры, стремятся скрыться. Таким образом, Бондяшов был лишен права стрелять в Мамедова и по п. «б» ст. 28, поскольку обстановка, как видно из изложенных выше обстоятельств дела, не соответствовала условиям, требуемым этим пунктом. Поэтому следует признать, что Бондяшов действовал в проти-

воречии с п.п. «а» и «б» ст. 28 Устава, о которых только и могла идти речь по данному делу, так как содержащийся в этой статье еще п. «в» предусматривает условия производства тревоги выстрелом вверх, что не имеет прямого отношения к убийству Мамедова.

С другой стороны, однако, Пленум полагает, что суд неправильно квалифицировал действия Бондяшова по ст. 137 УК РСФСР.

Подвергаясь нападению со стороны Мамедова, Бондяшов находился в состоянии необходимой обороны. Поскольку, однако, средства защиты были применены Бондяшовым непосредственно после состоявшегося акта нападения, а для задержания Мамедова Бондяшов, по уже изложенным соображениям, был лишен права применить оружие, следует признать, что Бондяшов действовал с превышением пределов необходимой обороны. Поэтому совершенное им убийство следует рассматривать как убийство, явившееся результатом превышения пределов необходимой обороны и подлежащее квалификации по ст. 139 УК РСФСР.

Ввиду всего изложенного, Пленум Верховного Суда СССР постановляет:

1. Протест Генерального Прокурора СССР по данному делу отклонить.

2. Переквалифицировать действия Бондяшова Александра Трофимовича со ст. 137 на ст. 139 УК РСФСР и, учитывая положительную характеристику, имеющуюся на Бондяшова, в соответствии со ст. 53 УК РСФСР, определить ему наказание в два года лишения свободы условно с испытательным сроком в течение одного года и из-под стражи его освободить.

КОММЕНТАРИИ

Применение оружия часовым, в соответствии с правилами караульной службы, рассматривается военными юристами как одно из обстоятельств, исключающих противоправность деяния в военно-уголовном праве, а именно, как «исполнение обязанностей военной службы».

«Лишение жизни или ранение часовым лица, покушающегося на охраняемый им пост, совершенные в соответствии с правилами караульной службы, не образуют состава преступления, уголовно-наказуемого деяния — убийства, телесного повреждения и т. д. Применение в таких случаях оружия составляет воинскую обязанность, вытекающую из осуществления установленного в армии порядка несения караульной службы. Неисполнение часовым этой обязанности рассматри-

вается в военно-уголовном праве как нарушение уставных правил караульной службы и влечет за собой уголовную ответственность по ст. 15 Положения о воинских преступлениях» (ст. 193¹⁵ УК РСФСР)¹.

Право применения оружия служащими военизированной охраны морского флота регулировано в ст. 28 Устава службы этой охраны. Ст. 28 гласит следующим образом:

«Оружие при выполнении службы на постах может быть применено в следующих случаях: а) при явном нападении на постового или соседний пост; б) при побеге задержанных постовым явных злоумышленников, совершающих грабежи, поджоги, вооруженные нападения, когда задержанные оказывают сопротивление, несмотря на предупредительные меры (окрики, предупредительные выстрелы вверх), стремятся скрыться и в) для производства тревоги выстрелом вверх при отсутствии или невозможности использования других средств сигнализации».

Применение оружия часовым или постовым может иметь место лишь «в соответствии с правилами караульной службы». Этот принцип распространяется и на лиц военизированной охраны. Ст. 28. Устава службы военизированной охраны морского флота совершенно точно и ясно формулирует те условия, при которых постовой имеет право пустить в ход оружие. Правила несения службы на постах не могут не быть известны лицам военизированной охраны. Несение такой службы является, вообще, главной обязанностью этих лиц.

Протест Генерального Прокурора СССР не мог быть удовлетворен, поскольку обстоятельства дела не давали никакого основания утверждать, что Бондяшов имел право стрелять по убегающему Мамедову. Заключение старшего инспектора отдела ВОХР Министерства морского флота, на которое ссылался Генеральный Прокурор СССР, не могло иметь в глазах Пленума никакого доказательственного значения. Решать Пленум должен был, как это и заявлялось членами Пленума, считавшими необходимым отклонить протест, руководствуясь законом, в данном случае ст. 28 Устава службы военизированной охраны морского флота. В постановлении приведены соображения, которые высказывались в Пленуме, на основании которых действия Бондяшова не могли быть признаны правомерными. В Пленуме подчеркивалась необходимость отклонения протеста Генерального Прокурора СССР и по соображениям общего предупреждения. Пленум считал необходимым обратить внимание на то, что боевое оружие, ко-

1. Ч х и к в а д з е, Военно-уголовное право, Общая часть, 1946, стр. 198.

торое вручается служащему военизированной охраны, может быть пущено в ход лишь в соответствии с законом, что в этом отношении он ничем не отличается от военнослужащего-часового.

Пленум пришел к заключению, что Бондяшов находился в состоянии необходимой обороны, но превысил ее пределы. Поскольку Бондяшов находился под стражей с 11 января 1947 г., Пленум счел возможным, учитывая положительную характеристику на Бондяшова, назначить ему наказание в два года лишения свободы условно и из-под стражи освободить.

СПбГУ

ПРИГОТОВЛЕНИЕ И ПОКУШЕНИЕ

*Постановление Пленума Верховного Суда СССР
от 2 апреля 1948 г.*

1. Добровольный отказ от покушения

По приговору Военного трибунала Московско-Рязанской ж. д. от 6 февраля 1948 г., оставленному в силе определением Военной железнодорожной коллегии Верховного Суда СССР от 23 февраля 1948 г., Ворохопкина была осуждена по ст. 1 Указа от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» к 7 годам заключения в исправительных трудовых лагерях без поражения в правах и без конфискации имущества.

Материалами дела установлено, что 15 декабря 1947 г. Ворохопкина вложила в кассу платформы Новая Московско-Рязанской ж. д. принадлежащие ей лично деньги старого образца в сумме 1218 р. и изъела из кассы 1218 проездных билетов стоимостью в 1 р. каждый, показав их в кассовом отчете проданными. Билеты Ворохопкина отнесла домой, рассчитывая продавать их пассажирам на деньги нового образца и обращать деньги в свою пользу, но не предпринимала в этом направлении никаких мер и в одном случае объяснила боязнью разоблачений ее действий ревизорами, в другом случае — осознанием незаконности таких действий.

При обыске, произведенном в квартире Ворохопкиной 21 декабря 1947 г., она сдала 100 билетов, а 4 катушки, в которых было 1118 билетов, бросила в присутствии лиц, производивших обыск, в печь, откуда они были извлечены и приобщены к делу как вещественное доказательство.

Приговор Военного трибунала и определение Коллегии по делу Ворохопкиной подлежат отмене по следующим основаниям:

Как видно из материалов дела, Ворохопкина, изъяв оплаченные ею предварительно билеты с целью их последующей продажи на деньги нового образца, отказалась затем от сво-

его намерения, так как билеты оставались у нее на квартире, и она не предпринимала никаких мер к их продаже. Независимо от того, являлся ли отказ результатом осознанности незаконного характера продажи или результатом опасения за возможную ответственность, этот отказ должен рассматриваться как добровольный отказ от начатого преступления. При этих условиях, согласно ч. 2 ст. 19 УК РСФСР, приготовительные к преступлению действия Ворохопкиной, выразившиеся в изъятии билетов, не могут караться по закону, предусматривающему уголовную ответственность за преступление, хотя и начатое Ворохопкиной, но не оконченное ею вследствие добровольного отказа. Вместе с тем, эти действия по смыслу той же ч. 2 ст. 19 УК могли бы вообще караться в уголовном порядке только в том случае, если бы они сами по себе являлись по закону уголовно-наказуемыми. Из данного же дела видно, что Ворохопкина, изъав 15 декабря билеты, оплатила их действительную стоимость за это число и никакого ущерба своими действиями государству не причинила, допустив лишь нарушение нормальных кассовых операций. При этих условиях действия Ворохопкиной не содержат состава преступления и могли лишь рассматриваться как дисциплинарный проступок.

Ввиду изложенного, Пленум Верховного Суда СССР постановляет:

Приговор Военного трибунала Московско-Рязанской ж. д. от 6 февраля 1948 г. и определение Военной железнодорожной коллегии Верховного Суда СССР от 23 февраля 1948 г. по делу Ворохопкиной Любови Васильевны отменить, и дело о ней на основании п. 5 ст. 4 УПК РСФСР производством прекратить.

КОММЕНТАРИИ

В опубликованной практике Верховного Суда СССР, насколько нам известно, не было еще ни одного постановления Пленума, которое относилось бы к случаю так называемого добровольного отказа от покушения.

Из материалов дела видно, что отказ Ворохопкиной от приведения своего преступного замысла в исполнение Пленум усмотрел в том, что она не приступила к реализации купленных ею железнодорожных билетов, хотя имела к тому возможность, начиная с 16 декабря 1947 г. В Учебнике по Общей части уголовного права ВИЮН (1943 г.) указывается, что «мотивы, которыми руководствовался субъект при отказе от продолжения начатой предварительной преступной деятельности

могут быть разнообразны. Важно, чтобы он совершенно отказался от продолжения начатой преступной деятельности при сознании возможности ее продолжения» (стр. 188). Постановление указывает, что «независимо от того, являлся ли отказ результатом осознанности незаконного характера продажи или результатом опасения за возможную ответственность, этот отказ должен рассматриваться как добровольный отказ от начатого преступления». Наконец, поскольку действия, совершенные Ворохопкиной (закупка билетов) сами по себе могут рассматриваться лишь как дисциплинарный поступок, а не как уголовно-наказуемые в смысле ст. 19 ч. 2 УК РСФСР. Пленум постановил, что дело подлежит прекращению за отсутствием состава преступления.

2. Различие покушения от приготовления

Председателю Верховного Суда СССР

По делу Соловьева Николая Константиновича, осужденного по ст. 19—162 п. «д» УК РСФСР к трем годам лишения свободы без поражения в правах.

Заключение

Соловьев и Медведев признаны виновными в том, что, находясь 28 октября 1946 г. на станции «Красный Городок» (гор. Чкалов), по сговору между собой по инициативе Соловьева сорвали пломбу с товарного вагона и, увидев, что в вагоне оказалось не продовольствие, а мануфактура, похищать ее не стали, закрыли вагон и пошли вдоль состава поезда, но были задержаны работниками милиции.

На предварительном следствии Медведев признал, что он и Соловьев пытались совершить кражу. Соловьев отрицал, но на очной ставке также признался, что они хотели совершить кражу, но что все же пломбы и закрутки он не срывал.

На суде Медведев вначале отрицал свою вину, но затем подтвердил показания, данные им на предварительном следствии, а именно те, где говорил: «Мы подошли к одному из вагонов, где мне Соловьев и говорит, что в этом вагоне есть что-то ценное, давай его вскроем, я согласился, и Соловьев взял сорвал пломбу и закрутку и мы вдвоем открыли дверь вагона, где мы увидели, что груз в вагоне мануфактура в больших кипах и мы прикрыли дверь и я говорю Соловьеву, что давай уходить».

Соловьев продолжал отрицать на суде, что он сорвал пломбу, говоря, что дверь была уже открыта и они только

больше ее открыли (на полметра), чтобы посмотреть, что находится в вагоне. На вопрос председательствующего, зачем обвиняемые открывали дверь, Соловьев ответил буквально следующее: «Мы открыли дверь, чтобы что-нибудь взять из съестных продуктов, но так как съестных продуктов там не было, мы ничего в вагоне не взяли и обратно закрыли дверь». И затем на вопрос председательствующего Соловьев ответил: «Показания Медведева (имеются в виду приведенные выше показания) я подтверждаю полностью, они совершенно правильны, действительно было так, как показал в своих показаниях Медведев». В последнем слове Соловьев сказал: «Это преступление я совершил впервые, а посему прошу суд смягчить мне наказание».

В свете этих показаний более чем странно звучит утверждение защитника в его надзорной жалобе, что «каких-либо данных, изобличающих Соловьева, в судебном заседании добыто не было».

Остается решить вопрос: имеется ли в действиях обвиняемых состав преступления, т. е. в данном случае приготовление или покушение на кражу.

Даже, если и не считать доказанным, что Соловьевым сорвана пломба и закрутка, то все же налицо не приготовление, а покушение на кражу. Субъективная сторона установлена с несомненностью: у обвиняемых был прямой умысел похитить что-либо съестное. Обвиняемые не ограничились тем, что обменялись своими мыслями о желательности совершить кражу (ненаказуемое обнаружение умысла). Они проявили свое намерение и во внешних действиях. Они подошли к определенному вагону (прибывшему из Германии) и приоткрыли на полметра дверь. Такого рода действие является началом приведения в исполнение своего преступного намерения, а не приготовительным действием. Оно аналогично с преодолением преград при краже. Что обвиняемые не довершили преступления до конца, не зависело от их воли. Отказ от совершения кражи в данном случае не был добровольным отказом от покушения. Кража не была совершена за отсутствием съестных припасов, подобно тому, как вор, запустивший руку в карман, не может совершить оконченную кражу, если случайно в кармане не окажется ни бумажника, ни кошелька.

Советский уголовный закон наказывает не только покушение, но и приготовление к совершению преступления. Вместе с тем, закон предписывает при назначении наказания учитывать степень подготовленности преступления, близость наступления его последствий, а также причины, по которым

преступление не доведено до конца. По общему правилу, покушение должно наказываться строже, чем приготовление, ибо в покушении виновный уже приступил к выполнению своего преступного намерения и в наличии такового нельзя уже сомневаться. Необходимо, конечно, чтобы преступление не было доведено до конца не по собственному желанию покушавшегося, ибо в последнем случае мы имеем доказательство, что покушавшийся отказался сам от своего преступного намерения.

Военный трибунал признал наличие покушения, а не приготовления и учел именно эту стадию развития преступной деятельности, назначив три и два года лишения свободы (максимум по ст. 162 п. «д» — 5 лет лишения свободы). Военный трибунал не мотивировал, почему Соловьеву он назначил три, а Медведеву два года, но это вполне понятно. Соловьев явился зачинщиком всего дела и потому более виновным. Но Военный трибунал не учел все же личность Соловьева вопреки ст. 45 п. «в» УК РСФСР. Это упущение исправила Военная коллегия Верховного Суда СССР. Учитывая конкретные обстоятельства дела: отсутствие вредных последствий, участие Соловьева в боях с противником, где он получил тяжелое ранение, что его отец и брат погибли на фронтах Отечественной войны, что на его иждивении находится мать инвалид II группы и, имея в виду также, что Медведев является второстепенным виновником в данном конкретном преступлении — Военная коллегия снизила наказание Соловьева до двух лет, а Медведеву до одного года лишения свободы в общих местах заключения, без поражения в правах.

Снизить еще наказание Соловьеву или применить к нему условное осуждение не представлялось бы оправданным. Соловьев (1924 г. рождения) вовлек в преступление своего младшего товарища (Медведев — 1927 г. рождения). К тому же Соловьев имеет отрицательную служебную характеристику — мало дисциплинированный, к занятиям относится халатно.

Снизить еще наказание Медведеву или применить к нему условное осуждение также не представлялось бы оправданным. На него имеется еще худшая характеристика — он имел уже взыскание за воровство, к занятиям относился халатно.

На основании всего изложенного, полагал бы надзорную жалобу защитника Соловьева оставить без последствий.

8 февраля 1948 г.

Член Верховного Суда СССР.

Согласно резолюции Председателя Верховного Суда СССР жалоба адвоката — защитника Соловьева — оставлена была без последствий.

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ВЕРХОВНОГО СУДА СССР

Адвоката Ю. — защитника
Соловьева Николая Констан-
тиновича, осужденного к 3 го-
дам лишения свободы по
ст. 19 — 162 п. «д» УК РСФСР.

Ж а л о б а

(в порядке надзора)

На приговор Военного три-
бунала... от 25 ноября 1946 г.
и на определение Военной
коллегии Верховного Суда
СССР от 26/II — 47 г. по тому
же делу.

Обстоятельства дела

Находясь на действительной военной службе, Соловьев Н. К.
был предан суду по обвинению в покушении на кражу
из железнодорожного вагона.

Военный трибунал признал Соловьева виновным и осудил
его к 3 годам лишения свободы.

Соловьев, как и обвиняемый по делу Медведев, ви-
новным себя не признал. Защитника у подсудимых не было.

В кассационном порядке дело не рассматривалось.

В порядке надзора ВК Верховного Суда СССР снизила наказание
до 2-х лет.

Ниже приводятся данные, устанавливающие неоснователь-
ность осуждения Соловьева, а также — неправильность опре-
деления ВК.

1. Нарушение ст. 319 УПК РСФСР

Из рапорта оперуполномоченного милиции видно, что
28/X. 46 г. в 18 ч. 30 м. около одного из вагонов, стоявшего
на путях, были замечены Соловьев и Медведев, которые «что-
то делают». Приблизившись к вагону, работники милиции
встретили и задержали Соловьева и Медведева, которые шли
им навстречу.

Задержанные не отрицали, что они были около вагона, но
свое присутствие там объяснили естественными надобностями
(л. д. 4).

Вагон, около которого были замечены Соловьев и Медведев, был осмотрен.

На одной стороне вагона не оказалось пломбы и закрутки. Как видно из протокола осмотра, «следов хищения установить не представилось возможным» (л. д. 5).

Работники железной дороги также не установили, что из вагона что-либо похищено. Они только констатировали отсутствие пломбы и закрутки. Затем вагон был запломбирован и отправлен по назначению (л. д. 6).

В судебном заседании Соловьев показал, что он с Медведевым поехал на станцию железной дороги по приказанию командира батальона — для получения горючего. Они подошли к только что прибывшему поезду по надобностям, указанным выше. Около поезда их задержали милиционеры. Попытку совершить кражу они отрицали. Намерений преступного характера не имели (л. д. 40).

Подсудимый Медведев дал аналогичные показания (л. д. 41).

Каких-либо данных, изобличающих Соловьева, в судебном заседании добыто не было.

Сами обстоятельства задержания Соловьева и Медведева опровергают версию об их покушении на кражу.

Невероятно, чтобы люди, находящиеся в здравом уме, пытались совершить хищение прямо на станции, вскрыв для этого вагон только что прибывшего поезда.

Несуразность обвинительной версии станет очевидной, если учесть, что задержание Соловьева и Медведева имело место в 18 ч. 30 м., т. е. в такое время, когда железнодорожные пути на станции не являются безлюдными.

Никто, даже милиционеры, не видели, чтобы Соловьев и Медведев срывали с вагона пломбу или откручивали закрутку.

Наконец, не установлено само событие преступления. Отсутствие пломбы и закрутки при неприкосновенности груза вовсе не свидетельствуют о покушении на кражу.

Изложенное свидетельствует, что вопреки принципам ст. 319 УПК РСФСР, обвинительный приговор не основан на доказательствах, подтвердившихся в судебном заседании, и явно противоречит обстоятельствам дела.

2. Личность осужденного

Трибунал должен был особенно внимательно подойти к решению судьбы Соловьева, так как в прошлом он не судим и ничем не был скомпрометирован.

Осужденный Соловьев был членом ВЛКСМ. В боях с немецкими захватчиками он получил тяжелое ранение.

Отец Соловьева убит немцами во время оккупации, а старший брат его пал в боях с фашистскими войсками.

Мать Соловьева тяжело больна. Она — инвалид II группы, нуждается в уходе и материальной помощи. Единственный сын, оставшийся у нее, который мог бы эту помощь оказать, отбывает наказание по явно неправосудному приговору, — это Соловьев Н. К.

3. Непоследовательность Военной коллегии

Обстоятельства, изложенные в разделе 1 настоящей жалобы, делали необходимым признать приговор неправильным и отменить его. Однако Военная коллегия приняла по делу совершенно неожиданное решение. Оставив приговор в силе, она лишь сократила наказание на 1 год. Такой «выход» из положения является принципиально неправильным.

4. В ы в о д ы

1. Приговор вынесен с грубым нарушением ст. 319 УПК РСФСР.

2. Не доказана не только виновность Соловьева, но и событие преступления.

3. Определение Военной коллегии Верховного Суда СССР по данному делу ошибочно.

По изложенным основаниям прошу в порядке ст. 440 УПК РСФСР истребовать дело в порядке надзора и опротестовать обжалуемый приговор, а также определение на предмет отмены.

22/XII—1947 г.

Подпись

КОММЕНТАРИИ

Юридическая сторона вопроса (различие покушения от приготовления) выяснена, как нам кажется, достаточно полно в самом «заключении». Здесь нам хотелось бы остановиться на жалобе, поданной адвокатом. В ней он называет приговор по делу Соловьева и Медведева «явно неправосудным», «не основанным на доказательствах, подтвердившихся в судебном заседании, явно противоречащим обстоятельствам дела». Конечно, адвокат добился своего — дело было затребовано Председателем Верховного Суда СССР, тем более, что, как указывалось в жалобе, защитника у осужденных не было и в кассационной инстанции дело не рассматривалось.

При изучении затребованного дела можно было только поразиться развязности адвоката в обращении с фактами, в от-

рицании того, что в протоколе судебного заседания, вообще весьма тщательно составленном, зафиксировано черным по белому. Совершенно непонятно, на что рассчитывал адвокат, искажая обстоятельства дела.

Защиту подсудимых адвокат мог бы построить, если бы, не отрицая самого «события», он в своей жалобе стал бы доказывать, что в действиях Соловьева и Медведева имеется лишь приготовление, а не покушение и, что, хотя приготовление к краже и является наказуемым, но все же оно, по общему правилу, подлежит менее суровому наказанию, чем покушение.

Такого рода надзорная жалоба не могла бы не привлечь внимания со стороны Председателя Верховного Суда СССР и, если бы по затребовании и изучении дела, она и была бы оставлена без последствий, то адвокат все же выполнил свой долг и его никто не мог бы упрекнуть в том, что он создает судебную волокиту и поступает так, как советскому адвокату поступать не подобает.

**ПОСТАНОВЛЕНИЯ И ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПО ДЕЛАМ
О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ УКАЗАМИ
ОТ 4 ИЮНЯ 1947 г.**

*Руководящее постановление Пленума Верховного Суда СССР
от 22 августа 1947 г.*

**О порядке применения судами Указов Президиума
Верховного Совета Союза ССР от 4 июня 1947 г.**

Ввиду вопросов, возникших в судебной практике в связи с изданием Указов Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об усилении охраны личной собственности граждан» и «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества», — Министр юстиции Союза ССР в порядке пункта «в» ст. 7 Положения о Наркомюсте СССР вошел в Пленум Верховного Суда СССР с предложением дать судам по этим вопросам руководящие указания.

Пленум Верховного Суда СССР постановляет дать судам следующие указания:

1. Преступления, предусмотренные упомянутыми Указами, совершенные после их издания, подлежат квалификации по соответствующим статьям этих Указов. В связи с этим не подлежат применению Закон от 7 августа 1932 года, статья 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 10 августа 1940 года «Об уголовной ответственности за мелкие кражи на производстве и хулиганство», а также статьи 59^{3а}, 116, 162, 165, 166, 166-а, 167 и 169 ч. 2 Уголовного кодекса РСФСР и соответствующие статьи уголовных кодексов других союзных республик.

2. Дела о преступлениях, предусмотренных статьями 2 и 4 Указа «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» при крупных размерах похищенного — подсудны краевым, областным, окружным судам и верховным судам союзных и автономных республик.

Все остальные дела о преступлениях, предусмотренных Указами от 4 июня 1947 г., подсудны народным судам.

3. По всем делам о преступлениях, предусмотренных Указами от 4 июня 1947 г., обязательно предварительное расследование. Направление этих дел в суды должно производиться прокурором.

*Руководящее постановление Пленума Верховного Суда СССР
от 17 февраля 1948 г.*

**О применении Указов от 4 июня 1947 г. в отношении
несовершеннолетних**

Судебная практика показывает, что, правильно восприняв значение Указов Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. — «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» и «Об усилении охраны личной собственности граждан» — суды вместе с тем подходят иногда недостаточно вдумчиво к делам, по которым в качестве обвиняемых привлекаются несовершеннолетние в возрасте от 12 до 16 лет. Суды не всегда учитывают, что эти Указы направлены против преступных элементов, которые не желают честно трудиться, а хотят жить на чужой счет. Между тем, когда речь идет о детях и подростках в возрасте от 12 до 16 лет, которые по самому возрасту еще не приступили или только приступают к трудовой деятельности, отдельные случаи воровства не могут еще обычно рассматриваться как проявление паразитических стремлений, как стремление уклониться от общественно-полезной трудовой деятельности. Поэтому их действия не всегда носят характер той повышенной общественной опасности, которая требует применения суровых мер наказания к взрослым преступникам. Не учитывается, что нередко случаи воровства в этом возрасте продиктованы не корыстными побуждениями, а выступают скорее в форме своеобразного детского озорства, например, в случаях краж фруктов из садов или овощей с огородов.

Так, например, народный суд 2 участка Куровского района Московской области, приговорил по ст. 3 Указа от 4 июня 1947 г. к 5 годам лишения свободы Серова, 1933 года рождения, который на колхозном поле накопал в шапку несколько килограммов картофеля, тут же у него отобранного. Баранов, 1932 года рождения, был осужден к 7 годам лишения свободы за кражу на Егорьевской ткацкой фабрике 500 граммов крахмальной муки. В некоторых случаях суды осуждают подростков за мелкие кражи, совершенные ими у родителей или

других близких членов семьи. Суды не учитывают, что в этих случаях нельзя подходить с обычной оценкой, отвлекаясь от особых отношений, связывающих членов семьи, совместно пользующихся семейным имуществом, когда при внешних признаках кражи действия обвиняемого приобретают скорее характер самоуправства.

В целях устранения недочетов в судебной практике по делам о несовершеннолетних в возрасте от 12 до 16 лет, привлекаемых к уголовной ответственности по Указам от 4 июня 1947 г., Пленум Верховного Суда СССР постановляет дать судам следующее руководящее указание:

1. Указать судебным органам, что с изданием Указов от 4 июня 1947 г. не утратило силы постановление Совнаркома СССР от 15 июня 1943 г. № 659 «Об усилении мер борьбы с детской беспризорностью, безнадзорностью и хулиганством». В соответствии с этим постановлением и изданной, по поручению Совнаркома СССР, инструкцией НКВД, Наркомюста и Прокуратуры СССР от 21 июня 1943 г., суды в случае совершения хищений незначительных размеров несовершеннолетними в возрасте от 12 до 16 лет должны ставить на свое обсуждение вопрос о прекращении дела в уголовном порядке за нецелесообразностью применения мер уголовного наказания и направления обвиняемого в трудовую воспитательную колонию МВД.¹

Если, исходя из конкретных обстоятельств дела, суд по делам о мелких хищениях придет к выводу о нецелесообразности направления обвиняемого в трудовую воспитательную колонию, он вправе, прекращая своим определением дело в уголовном порядке, постановить о передаче обвиняемого на попечение родителей или опекунов с возложением на родителей или на органы народного образования или опеки обязанности осуществлять повседневный надзор за поведением и воспитанием обвиняемого.

2. Указать судебным органам, что в тех случаях, когда дело в отношении несовершеннолетнего возраста от 12 до 16 лет не подлежит прекращению, суд может в необходимых случаях при наличии смягчающих обстоятельств, назначить пониженное наказание в порядке ст. 51 УК РСФСР и соответствующих статей УК других союзных республик или применить условное осуждение с приведением в обоих случаях в приговорах обоснованных мотивов смягчения наказания.

Применяя условное осуждение, суды не должны допускать, чтобы у несовершеннолетнего осталось чувство безнаказан-

¹ М. Исаев, Указы Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. М., ВЮЗИ., стр. 35.

ности за совершенное им преступление. Ввиду этого, суд должен разъяснить подсудимому значение испытательного срока и предупредить, что в случае совершения нового преступления он понесет наказание и за первое преступление. Одновременно суд обязан в приговоре или особым определением возложить на органы народного образования, опеки или на родителей обязанность осуществления повседневного надзора за поведением и воспитанием осужденного.

3. Обратить внимание судебных органов на недопустимость осуждения несовершеннолетних за отдельные мелкие хищения, носящие характер детского озорства (например, мелкая кража яблок в саду или овощей в огороде и т. д.).

Равным образом не допускать осуждения несовершеннолетних за кражу у родителей или других совместно проживающих с ними членов семьи, за исключением случаев, когда сами потерпевшие обратятся в соответствующие органы с просьбой о возбуждении против несовершеннолетнего дела в уголовном порядке.

Настоящее постановление не распространяется на случаи разбоя, хищений в крупных размерах, а равно на лиц, ранее осужденных за хищения, а также на организаторов и активных участников организованных групп (шаек).

Приложение 1.

В Судебную Коллегию по уголовным делам Верховного Суда СССР.

Протест по делу Т.

По приговору народного суда Межрайспецучастка по делам несовершеннолетних Бауманского района от 31 июля 1947 г. был осужден по ч. 1 ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об усилении охраны личной собственности граждан» к 5 годам лишения свободы условно, с испытательным сроком в течение 5 лет, — Т., рождения 17 мая 1934 г., происходит из семьи рабочего, проживает с родителями, ученик школы Бауманского отдела народного образования, несудимый.

Приговором и материалами дела установлено, что 26 июня 1947 г. Т., открыв висячий замок, проник в комнату гр-ки Поддубняк, проживающей в одной квартире с Т., и совершил кражу двух банок консервов, отреза байки стоимостью 30 рублей и отреза сукна стоимостью 650 рублей. Консервы и байку Т. продал на рынке за 120 рублей, а сукно передал 10-летнему мальчику Новожилову, у которого оно и было обнаружено.

Определяя Т. условное наказание, суд сослался на возраст Т., имеющуюся положительную о нем характеристику и его первую судимость.

Этот приговор за мягкостью был опротестован в кассационном порядке прокурором в судебную коллегия по уголовным делам Московского горсуда. В протесте имеется ссылка на отрицательную характеристику о поведении Т. вне школы, а также на тяжесть совершенного Т. преступления.

Определением судебной коллегии по уголовным делам Московского горсуда от 20 августа 1947 г. приговор за необоснованностью применения условного осуждения был отменен, и дело было передано на новое судебное рассмотрение. Коллегия при этом указала, что совершенное Т. преступление носит особо повышенную общественную опасность в условиях г. Москвы, и применение условного наказания ослабляет борьбу с такими опасными преступлениями, какими являются квартирные кражи личного имущества граждан.

Нахожу, что определение коллегии подлежит отмене. В деле имеются 2 характеристики на Т.: одна из них выдана управдомом (л. д. 19), где действительно Т. характеризовался с отрицательной стороны; другая же, выданная школой, характеризует Т. весьма положительно (л. д. 20). В характеристике указано, что Т. является мальчиком старательным, исполнительным, учебой интересуется и учится хорошо, любит чтение, много читает, посещает аккуратно школу и живет дружно с коллективом, порученную работу выполняет аккуратно и своевременно; далее в характеристике указано, что мальчик нуждается в организованном отдыхе. Прокурор в своем протесте, сославшись на отрицательную характеристику, совершенно обошел положительную характеристику, данную Т. школой. По всем данным Т. не может рассматриваться как мальчик, оторванный от коллектива и ставший на преступный путь. Кража, совершенная Т., является случайным эпизодом и, судя по характеристике педагога, объясняется тем, что соответствующие организации, а также родители не сумели создать для Т. подходящую внешкольную обстановку, в которой он мог бы проявить свои положительные качества, несомненно имеющиеся у него, и которые выявляются в надлежащей обстановке, как например, в школе.

С другой стороны, нельзя также игнорировать того обстоятельства, что Т. совершил кражу у себя в квартире у лица, постоянно проживающего там же, где проживает и Т. с родителями. Хотя и в этом случае кража безусловно представляет собой значительное общественно-опасное явление, все же следует учесть, что она представляет собой меньшую опа-

ность, чем кража, совершенная путем проникновения в чужую квартиру лиц, не проживающих совместно с виновным, так как последнего рода кражи характеризуют собой повышенную степень опасности виновного.

Совокупность всех этих обстоятельств с учетом возраста Т., которому в момент совершения преступления исполнилось только 13 лет, заставляет прийти к выводу, что суд первой инстанции правильно оценил все обстоятельства по делу и с учетом их правильно назначил Т. условное наказание.

Ввиду всего изложенного считаю необходимым определение Московского городского суда отменить и, если Генеральный Прокурор СССР присоединится к данному протесту, оставить в силе приговор нарсуда; если же Генеральный Прокурор СССР с протестом будет несогласен, то передать дело в Московский городской суд в ином составе для рассмотрения протеста Прокурора.

Одновременно считаю необходимым частным определением обратиться в Районный отдел народного образования и в Районный комитет ВЛКСМ с предложением взять под особый надзор Т. и создать необходимые условия для организации соответствующих внешкольных занятий Т.

Председатель Верховного Суда Союза ССР,
10 ноября 1947 г.

Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР от 26 ноября 1947 г. по делу Т.

Судебная коллегия рассмотрела в заседании от 26 ноября 1947 г. протест Председателя Верховного Суда Союза ССР на определение Московского городского суда от 20 августа 1947 г., которым отменен приговор народного суда Межрайонного спецучастка по делам несовершеннолетних Бауманского района от 31 июля 1947 г. в отношении осужденного по ч. 1 ст. 1 Указа от 4 июня 1947 г. «Об усилении охраны личной собственности граждан» в исправительно-трудовую колонию на 5 лет условно с 5-летним испытательным сроком. Т., рождения 17 мая 1934 г., ученика 359 школы Бауманского района, несудимого, проживающего с родителями.

Заслушав доклад члена Судебной коллегии П. и заключение пом. Генерального Прокурора СССР т. Б., которая заявила, что Генеральный Прокурор СССР снимает протест прокурора г. Москвы об отмене приговора народного суда и поддерживает протест Председателя Верховного Суда СССР, Судебная коллегия по уголовным делам установила:

Т. признан виновным в том, что 26 июня 1947 г., открыв висячий замок, проник в комнату гр-ки Поддубняк, проживающей в одной квартире с Т., и совершил кражу двух банок консервов, отреза байки стоимостью 30 руб. и отреза сукна стоимостью 650 руб. Консервы и байку Т. продал на рынке за 120 руб., а сукно передал 10-летнему мальчику Новожилову, у которого оно и было обнаружено.

Определяя Т. условное наказание, суд сослался на возраст Т., на то, что он является учащимся, проживает с родителями и имеет положительную характеристику.

Этот приговор по протесту прокурора г. Москвы был отменен Мосгорсудом за необоснованностью применения условного осуждения, ослабляющего борьбу с квартирными кражами личного имущества граждан в условиях Москвы.

Определение Московского городского суда об отмене приговора является неправильным:

Народный суд, учитывая возраст Т., которому в момент совершения преступления исполнилось только 13 лет, и положительную характеристику о нем школы, имел все основания при вынесении приговора избрать Т. условное наказание.

Ввиду изложенного, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Союза ССР, соглашаясь с протестом Председателя Верховного Суда СССР, определила:

Определение Московского городского суда от 20 августа 1947 г. по делу Т. отменить, оставив в силе приговор народного суда Межрайспеучастка по делам о несовершеннолетних Бауманского района от 31 июля 1947 г.

Приложение 2.

Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР от 13 марта 1946 г. по делу Кузнецова

По приговору народного суда 2-го уч. Москворецкого района г. Москвы от 8 февраля 1946 г. был осужден по п. «в» ст. 162 УК РСФСР на один год лишения свободы Кузнецов Евгений Николаевич, родившийся 29 июня 1929 г., урож. г. Москвы. Одновременно с этим приговором народный суд вынес частное определение о возбуждении уголовного преследования по ст. 95 УК РСФСР против матери осужденного — Кузнецовой Анны Сергеевны и отца его — Кузнецова Николая Константиновича за то, что они в судебном заседании отказались от своих показаний, данных на предварительном следствии, в которых подтверждали, что сын их обворовывает, о чем Кузнецов Н. К. также писал в своем письме, адресованном в одно из учреждений.

Московским городским судом 26 февраля 1946 г. приговор народного суда, обжалованный защитником осужденного и опротестованный районным прокурором, оставлен в силе, а жалоба и протест, не поддержанные в судебном заседании представителем прокуратуры, отклонены.

Другим же определением от того же числа Московский городской суд оставил в силе частное определение народного суда о возбуждении уголовного преследования против родителей осужденного и отклонил частные жалобы последних, поддержанные в судебном заседании городского суда представителем прокуратуры.

16-летний Кузнецов Евгений был предан суду при следующих обстоятельствах: 9 декабря 1945 г. отец его написал в одно из учреждений заявление, в котором он «с большим огорчением» просит принять меры к досрочному призыву в Красную Армию его сына Евгения, родившегося в 1929 г., так как он нигде не работает, имеет знакомство с плохими ребятами и хотя у чужих хищений не совершает, но у своих родителей берет вещи и продает их. В связи с этим отец просит помочь ему исправить и сохранить сына. На заявлении никаких отметок нет и в деле нет иных данных, по которым можно было бы установить, в какой орган и какому должностному лицу это заявление первоначально попало в руки. Но тот факт, что оно оказалось в делах 4-го отделения милиции г. Москвы, свидетельствует о том, что те, в чьи руки оно попало, не нашли ничего лучшего, как в ответ на этот призыв отца оказать ему помощь в исправлении сына, передать его заявление органам милиции.

Последовавшие затем действия милиции представляются в следующем виде: 22 декабря 1945 г. в 4-м отделении милиции выносятся постановление о возбуждении уголовного преследования по ст. 162 п. «в» УК РСФСР против задержанного Кузнецова. 23 декабря 1945 г. старший оперуполномоченный 4-го отделения милиции Ершов доносит начальнику отделения, что «по имеющимся в опергруппе отделения сведениям «Кузнецов Е. Н. имеет огнестрельное оружие, продолжительное время находится без определенных занятий, занимается совершением краж». В тот же день в квартире, где подросток Кузнецов проживает со своими родителями, производится обыск, которым ничего не обнаруживается. Того же 23 декабря 1945 г. допрашивается отец задержанного Кузнецов Н. К., работающий кладовщиком на одном из заводов г. Москвы. Он показал, что он дважды устраивал сына на работу, но сын, проработав некоторое время, оба раза с работы уходил, в данное время он не работает уже второй месяц,

ходит часто в кино, а 5 ноября 1945 г. сын продал меховой жакет и кофту, принадлежащие матери. Огнестрельного оружия у сына допрашиваемый никогда не видел, не видел также, чтобы сына на дому посещали товарищи его. На следующий день допрашивается мать задержанного Кузнецова А. С., работница фабрики. Она показала, как она безуспешно пыталась установить, где ее сын проводит время, когда он на несколько часов уходит из дому. 5 ноября 1945 г. она обнаружила пропажу своей меховой жакетки, и в ту же ночь сын дома не ночевал. Сын признал, что он продал жакетку на рынке, просил прощения и обещал этого больше не делать. Однако через некоторое время она вновь обнаружила пропажу шарфа и комбинации; на этот раз сын не сказал, куда он эти вещи дел. Будучи допрошен в качестве подозреваемого, а затем обвиняемого, Кузнецов Е. Н. показал, что в ноябре 1945 г. он ушел с работы из автобазы, так как хотел учиться, но поступить в школу он не мог из-за отсутствия паспорта, которого ему не выдают ввиду утери свидетельства о рождении, причем заявил, что никакого огнестрельного оружия у него нет и не было и после первоначального отрицания признал, что он совершил три кражи вещей у своей матери.

Таковы материалы, на основании которых подросток Кузнецов был предан суду, а затем осужден по ст. 162 п. «в» УК РСФСР на один год лишения свободы, а его родители оказались под угрозой осуждения по ст. 95 УК РСФСР за то, что они пытались предотвратить наступление таких последствий своего обращения за содействием в исправлении своего сына, которых они не предвидели. То правосознание, которое должно быть у советского судьи, должно было подсказать суду, насколько несправедливо подвергать уголовному наказанию подростка, совершившего не какие-либо действия, угрожающие общественному порядку и безопасности, а проступок, не причинивший вреда, выходящего за пределы семьи, в которой он проживает и которая даже не просила о привлечении его за это к уголовной ответственности. Тем более нелепо привлекать к уголовной ответственности за лжесвидетельство родителей, пытавшихся освободить своего сына от тех непредвиденных последствий, к которым привело их заявление, благодаря формально-бюрократическому отношению, проявленному людьми, рассматривавшими дело. Помимо этого, необходимо признать, что вынесенный народным судом приговор не основан на правильном применении закона.

Ошибка суда заключается не в том, как полагал районный прокурор, опротестовавший приговор, что суд обосновал его на данных предварительного расследования, отвергнув

данные судебного следствия. В этом отношении суд проявил достаточную зоркость, когда он не поверил показаниям родителей, заявивших в судебном заседании, что они сами дали сыну для продажи в свою пользу те вещи, о которых шла речь. Неправдоподобность этих показаний, явная надуманность их с целью освобождения сына от грозящего наказания, очевидны. Ошибка суда заключается также не в том, что он признал доказанными факты, изложенные в обвинении, а в том, что он дал им неправильную правовую оценку и неправильно определил условия, при которых они должны повлечь уголовную ответственность виновного.

Суд не учел, что к квалификации ряда противоправных действий, совершенных внутри семьи, нельзя подходить с обычной оценкой, отвлекаясь от того факта, что наличие особых отношений, связывающих членов семьи, особых прав и обязанностей, вытекающих из самого факта принадлежности к семье, придают особый характер совершаемым в семье противоправным действиям. Это должно быть особенно учтено при оценке имущественных отношений, в частности, таких действий, как семейные кражи. Если на первый взгляд может казаться, что эти действия содержат все признаки настоящей кражи, т. е. тайного изъятия имущества из чужого владения с целью его присвоения, то при учете того, что члены семьи связаны взаимными элементарными обязанностями и совместным пользованием семейным имуществом, в этих действиях в большинстве случаев надо признать признаки самоуправства, а не кражи. Такой характер имеют, в частности, кражи, совершаемые детьми у родителей.

С другой стороны, надо учесть, что эти действия не представляют той степени общественной опасности, которая необходима для того, чтобы уголовное преследование против правонарушителя могло быть возбуждено по инициативе публичной власти, независимо от наличия или отсутствия жалобы заинтересованного лица. Следует поэтому признать недопустимым возбуждение уголовного преследования за кражи, совершаемые детьми у родителей, если последние не обращаются с такой просьбой ввиду безуспешности тех мер воспитания и исправления, которые они вправе и обязаны применить.

При таких данных надо признать, что самое возбуждение данного дела было неправильным, так как родители осужденного Кузнецова не просили органы расследования и суда о привлечении их сына к уголовной ответственности. Не было никакого основания рассматривать, как такую жалобу, заявление отца о досрочном призыве сына на военную службу.

Исходя из изложенного, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Союза ССР определила:

Приговор народного суда 2-го уч. Москворецкого района г. Москвы от 8 февраля 1946 г. и частное определение того же народного суда от 8 февраля 1946 г., а также оба определения Московского городского суда от 26 февраля 1946 г. в отношении Кузнецова Евгения Николаевича, Кузнецова Николая Константиновича и Кузнецовой Анны Сергеевны отменить и дело производством прекратить.

Руководящее постановление Пленума Верховного Суда СССР от 19 марта 1948 г.

О применении Указов от 4 июня 1947 г.

Из рассмотренных в порядке надзора Верховным Судом СССР дел о преступлениях, караемых по Указам от 4 июня 1947 года, видно, что судебные органы в ряде случаев неправильно определяют понятия организованной группы (шайки) и повторности, как квалифицирующих признаков, предусмотренных ст. ст. 2 и 4 Указа от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества», а также ч. 2 ст. 1 и ч. 2 ст. 2 Указа от 4 июня 1947 г. «Об усилении охраны личной собственности граждан». Равным образом, в некоторых случаях имеет место неправильная квалификация по делам о разбое.

Ввиду изложенного Пленум Верховного Суда СССР постановляет дать судам следующее руководящее указание:

1. Под организованной группой или шайкой следует понимать группу из двух или более лиц, предварительно организовавшихся для совершения одного или нескольких хищений. При этом ответственность по соответствующим статьям Указов от 4 июня 1947 г. несут не только организаторы, но и участники организованной группы (шайки).

Поскольку Указы от 4 июня 1947 г. предусматривают ответственность не за участие в организованной группе (шайке), а за хищение, совершенное такой группой, суды должны иметь в виду, что в тех случаях, когда группа не осуществляла целей, для которых она была создана, следует руководствоваться ст. 19 УК РСФСР и соответствующими статьями УК других союзных республик, т. е. правилами, предусмотренными для случаев приготовления и покушения.

2. Повторность, как квалифицирующий признак, следует применять как в тех случаях, когда подсудимый имеет уже судимость за ранее совершенное хищение, так и в тех случаях, когда суд установит, что подсудимый совершил два хище-

ния и более, хотя бы и не был осужден ранее ни за одно из этих хищений. При этом повторность признается и в тех случаях, если ранее совершенное хищение имело место до издания Указов от 4 июня 1947 г. Ранее совершенное хищение не может учитываться в качестве квалифицирующего признака только в том случае, если по этому преступлению снята или погашена судимость, или истекли давностные сроки (ст. ст. 14, 15 и 55 УК РСФСР и соответствующие статьи УК других союзных республик).

3. Разбой, сопровождавшийся насилием, повлекшим смерть или тяжкое телесное повреждение потерпевшего, должен квалифицироваться как разбой, соединенный с насилием, опасным для жизни и здоровья потерпевшего, т. е. по ч. 2 ст. 2 Указа от 4 июня 1947 г. «Об усилении охраны личной собственности граждан».

4. Хищение имущества, совершенное при обстоятельствах, указанных в ст. 59³ УК РСФСР и соответствующих статьях УК других союзных республик, должно квалифицироваться по этим статьям и соответствующим статьям Указов от 4 июня 1947 г. по совокупности.

Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда от 26 ноября 1947 г.

Судебная коллегия рассмотрела в заседании от 26 ноября 1947 г. протест Председателя Верховного Суда СССР на приговор нарсуда 1-го уч. г. Тары Омской обл. от 19 июля 1947 г., которым Петлин Никифор Трофимович, рождения 1927 г., холостой, одинокий, из рабочих, судимый в 1944 г., осужден по ст. 1 ч. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об усилении охраны личной собственности граждан» к шести годам заключения в исправительно-трудовых лагерях с поражением избирательных прав на три года.

Петлин был признан виновным в том, что похитил: 4 июня 1947 г. из лодки неизвестного охотника вещевой мешок, хлеб и охотничьи патроны, 11 июня 1947 г. из кладовой гр. Рулева путем взлома замка — два литра молока и 200 граммов масла и того же числа в ограде гр. Жукова — курицу, но был на этой краже задержан. При личном обыске у Петлина в кармане были обнаружены ключ и отмычка, сделанные из гвоздя.

Петлин ранее был осужден 16 февраля 1944 г. по ст. 162 п. «г» к двум годам лишения свободы. На основании Указа от 7 июля 1945 г. об амнистии освобожден от наказания 9 октября 1945 г.

Судебная коллегия установила:

Указы от 4 июня 1947 г. не определяют понятия повторности, как оно не определяется и в УК РСФСР ст. 162 п. «б». Судебная практика и теория считают, что для определения понятия повторности по УК не требуется, чтобы виновный отбыл наказание или был судим за первую кражу. Необходимо, чтобы им были совершены по меньшей мере, две кражи. Нет оснований предполагать, что Указы от 4 июня 1947 г. иначе понимают повторность.

Емсте с тем, при установлении понятия повторности как по УК, так и по Указу от 4 июня 1947 г. необходимо руководствоваться принципом, выраженным в ст. 47 п. «в» УК РСФСР. УК рассматривает совершение преступления лицом, уже ранее совершившим какое-либо преступление, как обстоятельство, увеличивающее вину и ответственность, но кроме случаев, когда лицо признается несудившимся (ст. 55 УК РСФСР) или когда со дня совершения преступления истекли давностные сроки. Если мы не применим этот принцип к понятию повторности, то тем самым аннулировались бы нормы о снятии судимости и о давностных сроках. Мы должны были бы считать кражу «повторной», хотя бы первая кража была совершена за двадцать или более лет. Между тем, именно протечение сравнительно незначительных сроков между первой и второй кражей может служить показателем укоренившейся или укореняющейся привычки виновного к паразитическому способу добывания средств существования.

Петлин совершил три кражи на протяжении семи дней и поэтому он на точном основании закона должен был быть осужден по ч. 2 ст. 1 Указа от 4 июня 1947 г. «Об усилении охраны личной собственности граждан», по каковой части и было ему правильно предъявлено обвинение.

Хотя наказание, назначенное Петлину (шесть лет), могло быть назначено ему и по ч. 2 ст. 1 Указа от 4 июня 1947 г. «Об усилении охраны личной собственности граждан», тем не менее за явным нарушением закона приговор народного суда по делу Петлина не может быть оставлен в силе.

На основании изложенного Судебная коллегия по уголовным делам определяет:

Приговор народного суда от 19 июля 1947 г. по делу Петлина отменить и передать дело на новое рассмотрение в тот же суд в другом составе со стадии судебного разбирательства.

КОММЕНТАРИИ

В брошюре «Указы от 4 июня 1947 г.», изданной Всесоюзным юридическим заочным институтом в качестве пособия

для заочников, нами было освещено социально-политическое значение этих Указов, был дан анализ положений, содержащихся в этих Указах, и отмечено, в чем наше пособие изменяет и дополняет Учебник по Особенной части уголовного права (изд. 1943).

В настоящих «комментариях» мы останавливаемся, прежде всего, на руководящем постановлении Пленума от 17 февраля 1948 г. «О применении Указов от 4 июня 1947 г. в отношении несовершеннолетних», постановлении, принятом уже после того, как брошюра была написана и потому на нем не пришлось более подробно остановиться.

Затем, мы остановились на руководящем постановлении Пленума от 19 марта 1948 г., поскольку оно разъясняет понятия «организованной группы» и «повторности».

Помимо руководящих постановлений Пленума, относящихся к Указам от 4 июня 1947 г., мы печатаем и некоторые определения Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР, явившиеся «предшественниками» этих постановлений. Постановления Пленума по конкретным делам мы используем непосредственно в тексте комментариев.

1. Руководящее постановление Пленума от 17 февраля 1947 г. говорит о применении Указа от 4 июня 1947 г. «в отношении несовершеннолетних», но значение этого постановления выходит далеко за рамки этих Указов. В этом постановлении проявляется особая забота о несовершеннолетних, указывается на необходимость особого подхода к преступлениям, совершаемым несовершеннолетними.

В буржуазных капиталистических странах мероприятия по борьбе с детской преступностью скользят по поверхности социальных явлений. Капиталистическое государство не может искоренить преступность несовершеннолетних, поскольку корни этой преступности лежат в глубине самого капиталистического строя, как и корни преступности взрослых.

В подавляющем проценте преступность несовершеннолетних в капиталистических странах выражается в кражах и иных посягательствах на частную собственность. Преступность кроется в нужде, необеспеченности родителей, в лишении миллионов детей трудящихся классов тех радостей жизни, которые выпадают на долю детям богатых классов. Трудящиеся классы не могут избавиться от страха перед грядущим днем, они могут стать безработными в любую минуту. Подрастающее поколение не видит перед собой никаких перспектив, ему не обеспечены элементарные условия расцвета физических и духовных сил, ему не обеспечено право на труд.

В совершенно иных социально-политических условиях живет наше подрастающее поколение. Перед ним открыты все возможности проявить свои способности, таланты, выбрать профессию по своему желанию и совершенствоваться в ней. О безработице наши подростки могут узнать, читая о жизни в капиталистических странах.

Преступность несовершеннолетних у нас не растет, как в странах капитализма, а неуклонно снижается. Преимущества нашего социально-экономического строя сказались и в том, что многие дети, потерявшие во время Великой Отечественной войны отцов, а некоторые и матерей, не стали беспризорными. Анализ причин имущественной преступности несовершеннолетних показывает, что кражи совершаются не вследствие нужды родителей. Из дела Т., помещенного выше, видно, что тринадцатилетний мальчик совершил кражу отнюдь не под влиянием нужды.

Руководящее постановление от 17 февраля 1948 г. сразу же подчеркивает необходимость особого подхода со стороны судов к несовершеннолетним. Пленум с полным основанием указывает, что суды подходят иногда недостаточно вдумчиво к делам, по которым привлекаются несовершеннолетние в возрасте от 12 до 16 лет. «Суды не всегда учитывают, говорит постановление, что Указы от 4 июня 1947 г. направлены против преступных элементов, которые не желают честно трудиться, а хотят жить за чужой счет». Дети же и подростки в возрасте от 12 до 16 лет, по самому своему возрасту, еще не приступили или только приступают к трудовой деятельности, у которых «отдельные случаи воровства не могут еще обычно рассматриваться, как проявление паразитических стремлений, как стремление уклониться от общественно-полезной трудовой деятельности... Не учитывается, что нередко случаи воровства в этом возрасте продиктованы не корыстными побуждениями, а выступают скорее в форме своеобразного детского озорства, например, в случаях краж фруктов из садов или овощей с огородов».

Постановлением от 7 мая 1948 г. Пленум в силу примечания к ст. 6 УК РСФСР прекратил производством дело 15-летней Б., работавшей в Холмском порту на складе по сортировке товаров и похитившей две коробки пудры. Кроме того, при обыске у нее было найдено еще 5 коробок пудры, стоимостью 3 рубля каждая. Суд первой инстанции приговорил Б. по ст. 2 Указа от 4 июня 1947 г. («повторная» кража) 29 января 1948 г. к 10 годам лишения свободы, а Воднотранспортная коллегия 16 марта 1948 г. оставила жалобу Б., просившей о смягчении наказания, без последствий.

Пленум нашел, что из показаний Б. и материалов дела видно, что пудру Б. взяла по глупости и детской шалости. Пленум указал на свое постановление от 17 февраля 1948 г., которое обращало внимание судебных органов на необходимость вдумчивого подхода к рассмотрению дел о несовершеннолетних в возрасте от 12 до 16 лет и на недопустимость осуждения несовершеннолетних за отдельные мелкие хищения, носящие характер детского озорства.

Руководящее постановление от 17 февраля 1948 г. не создавало каких-либо новых норм в отношении несовершеннолетних. Оно разъясняло лишь судам, что с изданием Указов от 4 июня 1947 г. отнюдь не утратило силы постановление Совнаркома СССР от 15 июня 1943 г. «Об усилении мер борьбы с детской беспризорностью, безнадзорностью и хулиганством». В соответствии с этим постановлением и изданной, по поручению Совнаркома СССР, инструкцией НКВД, Наркомюста и Прокуратуры СССР от 21 июня 1943 г., суды в случае совершения хищений незначительных размеров несовершеннолетними в возрасте от 12 до 16 лет должны ставить на свое обсуждение вопрос о прекращении дела в уголовном порядке за нецелесообразностью применения мер уголовного наказания. Судам представлялось право, в случае прекращения дела, не только направлять несовершеннолетних в трудовую воспитательную колонию, но и постановлять о передаче обвиняемого на попечение родителей или опекунов с возложением на родителей или на органы народного образования или опеки обязанности осуществлять повседневный надзор за поведением и воспитанием обвиняемого.

Руководящее постановление от 17 февраля 1947 г. указало судам на возможность в тех случаях, когда дело в отношении несовершеннолетнего от 12 до 16 лет не подлежит прекращению, в необходимых случаях ставить вопрос о смягчении наказания в порядке ст. 51 УК РСФСР и соответствующих статей УК других союзных республик. Но тут же Пленум считал необходимым указать судам, что суды не должны относиться к условному осуждению формально — вынести соответствующий приговор и считать дело поконченным. Приговор об условном осуждении не должен вызывать у несовершеннолетнего чувство безнаказанности. Несовершеннолетний должен осознать все значение приговора, вынесенного советским судом, ему должно быть разъяснено судом, что в случае совершения нового преступления он понесет наказание и за первое преступление. Одновременно суд должен возложить на органы народного образования, опеки или на родителей обязанность осуществления повседневного надзора за поведением и

воспитанием осужденного. Следует отметить, что давая такого рода указания, Пленум следовал директивному письму Верховного Суда и Прокуратуры СССР от 21 июля 1935 г. «О мерах борьбы с преступностью несовершеннолетних». Этим письмом, между прочими мерами, предлагалось судам «в случае вынесения приговора с условными мерами наказания, а также отдачей на поруки, с мерами общественно-воспитательного характера (порицания, предостережения), обязательно периодически проверять результаты через общественный актив».

Выше помещен протест Председателя Верховного Суда СССР по делу Т. Этот протест является до известной степени предвестником руководящего постановления от 17 февраля 1948 г. Протест исходит из внимательного анализа обстоятельств дела, из характеристики личности обвиняемого, как члена школьного коллектива. Протест отмечает неорганизованность внешкольной обстановки Т. Протест считал необходимым при оставлении в силе приговора народного суда (условное осуждение) частным определением обратиться в Районный отдел народного образования и в Районный комитет ВЛКСМ с предложением взять под особый надзор Т. и создать необходимые условия для организации соответствующих внешкольных занятий Т.

Постановлением от 11 июня 1948 г. Пленум отменил приговор Военного трибунала Свердловской ж. д. от 18 февраля 1948 г., которым учащийся 7 класса Фролов, рожд. 1934 г., и учащийся 6 класса Обухов, рожд. 1933 г., были по ст. 2 Указа от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» осуждены к 10 годам лишения свободы каждый с отбытием наказания в местах заключения для несовершеннолетних. Фролов и Обухов были признаны виновными в том, что в течение июля 1947 г. совместно с другими несовершеннолетними похитили из вагонов 43 шт. ученических тетрадей, по 2 кг. соли и по 2 кг. зерна, а Фролов, кроме того, печенье и 4 кг. крупы. Военная железнодорожная коллегия определением от 17 марта 1948 г. приговор оставила в силе, а кассационные жалобы Фролова и Обухова без удовлетворения.

Приговор не был приведен в исполнение, Фролов и Обухов продолжали учиться и по отзывам директоров школ вели себя отлично, проявляли старание в учении. Общественные организации школ взяли на себя воспитательное попечение над обоими подростками.

Пленум не нашел возможным в данном случае прекратить дело по прим. к ст. 6 УК РСФСР, он нашел возможным, в

соответствии с руководящим постановлением от 17 февраля 1948 г., считать наказание условным, с испытательным сроком в течение одного года. Назначая условное осуждение, Пленум руководствовался отзывами директоров школ и тем фактом, что после привлечения к уголовной ответственности Фролов и Обухов вели себя безупречно. Пленум, вместе с тем, полагал, что все же необходимо некоторое время продолжать вести наблюдение над обоими подростками. Из дела видно, что двое других несовершеннолетних были направлены в трудовую воспитательную колонию еще до суда в порядке постановления Совнаркома от 15 июня 1943 г.

Руководящее постановление от 17 февраля 1948 г. подчеркивает, что его положения не применимы на случаи разбоя, хищений в крупных размерах, совершенных несовершеннолетними, на рецидивистов, равно на организаторов и активных участников организованных групп (шак). Такого рода указание является безусловно необходимым. Бывают несовершеннолетние, которые являются настолько уже запущенными, в которых настолько укоренилась привычка совершать преступления, что необходимо длительно изолировать их в целях их перевоспитания. Пребывание их на свободе, в прежней среде, может губительно отразиться на других несовершеннолетних, которых они сманивают на преступный путь.

2. В Руководящем постановлении от 17 февраля 1948 г. кратко указывается на недопустимость осуждения несовершеннолетних за кражу у родителей или других совместно проживающих с ними членов семьи, за исключением случаев, когда сами потерпевшие обратятся в соответствующие органы с просьбой о возбуждении против несовершеннолетнего дела в уголовном порядке.

Постановление не приводит мотивов этого указания, о них мы можем судить по определению Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР от 13 марта 1946 г. по делу Кузнецова, вынесенному по протесту Председателя Верховного Суда СССР, которое мы и сочли необходимым поместить выше как «приложение».

Верховный Суд СССР сделал в этом определении необходимые выводы из положения и значения семьи в условиях советского строя.

Советская семья за тридцать лет после Октября прошла большой путь. Создалась семья, где нет уже тургеневских «отцов» и «детей», семья, где отцы и дети выросли при советской власти, где отцы и дети вместе сражались в Великую Отечественную войну с фашистскими варварами, где отцы и дети вместе работают на фабриках и заводах, в вузах, в лабораториях, на колхозных полях.

Законодательство о семье и браке последних лет направлено на всемерное укрепление советской семьи, столь отличной от буржуазной семьи в капиталистическом строе, отличной и от семьи дореволюционной России, с неравноправным положением жены и женщины.

И глубоко прав Верховный Суд СССР, когда в определении по делу Кузнецова указывает, что к ряду противоправных действий, совершаемых внутри семьи, нельзя подходить с обычной меркой и оценкой, «отвлекаясь от того факта, что наличие особых отношений, связывающих членов семьи, особых прав и обязанностей, вытекающих из самого факта принадлежности к семье, придают особый характер совершаемым в семье противоправным действиям». «Это должно быть особенно учтено, подчеркивает определение, при оценке имущественных отношений, в частности, таких действий, как семейные кражи». На первый взгляд, указывает определение, может казаться, что эти действия содержат все признаки кражи, т. е. тайного изъятия имущества из чужого владения с целью его присвоения. Но такая квалификация была бы чисто формальной. «При учете того, что члены семьи связаны элементарными обязанностями и совместным пользованием семейным имуществом, в этих действиях в большинстве случаев надо признать признаки самоуправства, а не кражи. Такой характер, в частности, имеют кражи, совершаемые детьми у родителей».

Нам кажется, что, исходя из социально-политической оценки такого преступления, как кража, в большинстве случаев в семейной «краже» отсутствует очень важный признак состава, а именно, что имущество является чужим, да, в большинстве случаев, отсутствует и признак изъятия из чужого владения.

Руководящее постановление от 17 февраля 1948 г. говорит о семейной краже, совершаемой несовершеннолетними. Нам кажется, что положения, изложенные в определении по делу Кузнецова, применимы и к взрослым членам семьи.

Мы помещаем руководящее постановление от 17 февраля 1948 г. в разделе постановлений и определений Верховного Суда СССР по делам, караемым по Указам от 4 июня 1947 г. Но принципиальные положения должны учитываться и при рассмотрении других преступлений, совершаемых несовершеннолетними. Достаточно указать, что директивное письмо Верховного Суда и Прокуратуры СССР от 21 июля 1935 г., постановление Совнаркома от 15 июня 1943 г. имеют в виду борьбу с преступностью несовершеннолетних вообще, а не только с кражами, совершаемыми несовершеннолетними.

3. В судебной практике большие затруднения вызывало понятие «организованной группы» (шайки). Все же с самого начала наметилось отрицательное отношение к ограничительному толкованию «организованной группы», выдвинутому проф. Дурмановым в его статье, напечатанной в № 10 журнала «Социалистическая законность» за 1948 г. Проф. Дурманов полагал наличие организованной группы (шайки) — там, где такая группа образовалась для совершения неопределенного числа хищений государственного, или общественного, или личного имущества граждан, или, когда целью шайки являлось совершение одного, но так называемого продолжаемого преступления.

Проф. Дурманов не приводил никаких соображений в пользу устанавливаемого им положения, но исходил, очевидно, из того, что приравнивал «шайку» к «сообществу».

В качестве преступного сообщества советское уголовное право рассматривает контрреволюционную организацию (ст. 58¹¹ УК), вооруженную банду (ст. 59³ УК), организацию, специально занимающуюся контрабандой (ст. 59⁹ УК в связи со ст. 166 Таможенного кодекса СССР), лжекооперативную организацию (ст. 129-а УК).

Совещание Министра юстиции СССР, Генерального Прокурора СССР и Председателя Верховного Суда СССР в своем постановлении от 30 октября 1947 г. высказалось против такого ограничительного толкования организованной группы (шайки). Но это постановление не давало положительного определения этого понятия. Трудность в его определении заключалась в том, что необходимо было отграничить его от понятия «соучастия по предварительному соглашению».

Совершение кражи «по сговору с другими лицами» предусматривалось в УК как квалифицирующий признак, но Указы от 4 июня 1947 г. воспользовались не этим признаком, а признаком «организованной группы». Следовательно, где-то должна проходить граница, отделяющая «соучастие по предварительному соглашению» от совершения кражи «организованной группой».

Руководящее постановление от 19 марта 1948 г. попыталось дать «положительное» определение понятия «организованной группы». «Под организованной группой, или шайкой, следует понимать, говорится в постановлении, группу из двух или более лиц, предварительно соорганизовавшихся для совершения одного или нескольких хищений».

Относительно того, что для наличия группы достаточно наличие двух лиц, как и для банды и для сообщества — сомне-

ний и раньше не было. Но постановление не разрешило сомнений, в чем отличие, если несколько лиц «предварительно соорганизовались», от того, что они «предварительно сговорились»?

Большой интерес в этом отношении представляет дело Ермишина и Тищенко, рассмотренное Пленумом 7 мая 1948 г. Ермишин и Тищенко были признаны Военным трибуналом виновными в том, что они по предварительной договоренности похитили из гаража одного государственного учреждения два ската колес с находившейся в гараже машины, принадлежавшей этому учреждению. Эти скаты они продали, а деньги частью пропили, частью были у них при задержании отобра- ны. Военный трибунал приговорил на основании ст. 2 Указа от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» Ермишина к 20 годам, а Тищенко к 18 годам заключения в исправительно- трудовых лагерях без поражения в правах, с конфискацией имущества. Военная коллегия Верховного Суда СССР, в соответствии с протестом Генерального Прокурора СССР, пере- квалифицировала действия Ермишина и Тищенко на ст. 1 Указа от 4 июня 1947 г., определив наказание обоим — в семь лет лишения свободы с оставлением в остальном приговора в силе. При этом Коллегия указала, что ст. 2 Указа имеет в виду не случайную группу лиц, объединившихся для совершения одной кражи, а организованную группу, носящую более устойчивый характер и, следовательно, представляющую большую социальную опасность.

Пленум, рассматривавший дело по протесту Председателя Верховного Суда СССР, нашел определение Коллегии неправильным, так как она неосновательно ограничила пределы применения ст. 2 Указа. «Для понятия организованной группы, говорится в постановлении, вовсе не требуется наличие устойчивой группы, созданной для совершения не одного, а нескольких хищений, достаточно, чтобы группа предварительно объединилась для совершения хотя бы одного хищения...». «Эти условия по данному делу, как указывает постановление, имелись налицо. Из дела видно, что первоначально идея обокрасть гараж родилась у Ермишина, который посвятил в нее Тищенко и предложил ему принять участие в хищении, на что Тищенко изъявил свое согласие. После этого Ермишин и Тищенко осмотрели гараж, убедились, что он не охраняется, и договорились встретиться вечером и совершить кражу. Вечером оба они захватили необходимый инструмент, проникли в гараж, отвернули 2 баллона, выкатили их к озеру и спрятали, замаскировав ветками».

«Таким образом, — заключает постановление, — из дела видно, что самому акту хищения предшествовал ряд организационных действий, выразившихся в предварительном сговоре, выборе объекта и выяснении условий и возможностей хищения. Поэтому действия Ермишина и Тищенко выходят за пределы простого соучастия в форме совиновничества и перерастают в хищение, заранее организованное, т. е. в хищение, совершенное организованной группой, караемое по ст. 2 Указа». Пленум оставил приговор Военного трибунала в силе, снизив наказание до 10 лет заключения в исправительно-трудовых лагерях каждому, без поражения в правах и без конфискации имущества.

Пленум отверг признак «устойчивости» как излишне ограничивающий понятие «организованной группы» и противопоставил «организованную группу» «простому соучастию в форме совиновничества». Под «простым соучастием» в советской теории уголовного права понимают соучастие без предварительного соглашения. Если все соучастники являются «исполнителями», то мы имеем перед собой «соисполнителей», «совиновников».

Таким образом, из постановления Пленума по делу Ермишина и Тищенко следует прийти к выводу, что между организованной группой и соучастием по предварительному соглашению, по общему правилу, разницы почти нет. Пленум усмотрел в деле Ермишина и Тищенко ряд «организационных» действий, как-то: предварительный сговор, выбор объекта и выяснение условий возможностей хищения. Такого рода «организационные» действия встречаются почти в каждом соучастии по предварительному соглашению.

Можно полагать, исходя из постановления по делу Ермишина и Тищенко, что совершение сообща несколькими лицами хищения по внезапно возникшему умыслу не составит организованной группы в смысле Указов от 4 июня 1947 г. Не должны, по общему правилу, рассматриваться как участники группы соучастники, из которых один является исполнителем, а другой пособником. Не может рассматриваться как участник группы соучастник, вступивший в связь с группой после совершения ею хищения, и т. п.

Руководящее постановление от 19 марта 1948 г. разъясняет и понятие «повторности».

Не трудно усмотреть, что руководящее постановление от 19 марта 1948 г. воспроизвело разъяснение этого понятия, данное Судебной коллегией по уголовным делам Верховного Суда СССР в определении от 26 ноября 1947 г. по делу Петлина.

Руководящее постановление от 19 марта не разрешило, однако, всех вопросов, связанных с понятием «повторности».

Так, поскольку Указ от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» говорит о «повторности» хищения государственного или общественного имущества, следует признать, что повторным будет хищение независимо от того, было ли первое и второе хищение кражей, или первое было кражей, а второе присвоением, или наоборот. Но по Указу от 4 июня 1947 г. «Об усилении охраны личной собственности граждан» повторной может быть лишь кража, совершенная после кражи, но не кража, совершенная после мошенничества или растраты. Повторным может быть разбой, совершенный после разбоя, но не разбой после кражи или иного имущественного преступления.

Хищение государственного имущества после хищения общественного и наоборот должно рассматриваться как повторное, поскольку и в том и другом случае имеется посягательство против социалистического имущества. Но хищение социалистического имущества после кражи личного имущества не может рассматриваться как квалифицированное хищение государственного или общественного имущества. Закон определенно говорит: «Хищение государственного имущества, совершенное повторно...», «хищение колхозного или... иного общественного имущества, совершенное повторно». Хотя Указ и отличает хищение государственного имущества от хищения общественного имущества, но все же он говорит о них в одном Указе, а недоносительство карается одинаково в отношении хищения государственного и общественного имущества.

Иначе мы должны разрешать вопрос о квалификации кражи личного имущества, совершенной после кражи, но не иного вида хищения государственного или личного имущества. Если вторая кража личного имущества считается квалифицированной кражей, то тем более таковой должна считаться кража, если ей предшествовала кража социалистического имущества.

СОДЕРЖАНИЕ

О порядке рассмотрения дел в Верховном Суде СССР	3
Неприменимость аналогии, если общественно-опасное действие прямо предусмотрено статьей уголовного кодекса	34
Вопросы вменяемости	40
Недопустимость ломброзианских и неоломброзианских установок при разрешении вопроса о невменяемости, отсутствие понятия уменьшенной вменяемости в советском уголовном праве	49
✓ Понятие эвентуального умысла	57
Умышленное создание смертельно-опасной обстановки для рождаю- щегося ребенка	67
✓ Вопросы неосторожной вины	78
✓ Значение установления объективной и субъективной стороны пре- ступления	84
Превышение пределов необходимой обороны	98
Приготовление и покушение	103
Постановления и определения по делам о преступлениях, предусмот- ренных указами от 4 июня 1947 г.	112

Редактор Г. И. Едвабный.

Техредактор И. Егорова.

Сдано в набор 28/VI 1948 г.

Подписано в печать 1/XII 1948 г.

Л77767. Объем 8,5 печ. л.

В 1 печ. л. 42000 зн. Тираж 3000.

Заказ 2402. Цена 6 рублей.

Типография изд-ва
«Московский большевик».